



СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№2/2021



МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2021 г. Том 12. № 2

2021. Vol. 12. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education



«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.А. Лабунская,
А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев, Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева,
Т.И. Шульга (Россия), М. Линч (США), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия), Ф. Зимбардо (США),
М. Линч (США), И. Маркова (Великобритания), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Агадуллина Е.Р.* Дегуманизация: подходы к оценке
непрямых предубеждений 5
- Дауд А.М., Омар Ф.Ю.К., Цукур Д.С.* Влияние динамики
содержания стереотипов о себе на межгрупповые отношения
(на английском языке) 23
- Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность семьи
с позиции организационной теории А.А. Богданова 41

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Янчук В.А.* Оценка ситуации
пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси 56
- Байрамова Ю.В., Рагимова А.Г.* Индивидуальные установки
взрослого населения к протективному поведению
в ситуации пандемии COVID-2019 78
- Филинкова Е.Б., Ковалев П.А.* Психологическое самочувствие
детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,
в условиях детского оздоровительного лагеря 94
- Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Сиваш О.Н.* Социально-перцептивный
образ приемного ребенка у замещающих родителей
с разной формой опеки 110
- Ситников В.Л., Стреленко А.А., Кедич С.И., Комарова А.В.*
Социально-перцептивные образы как регуляторы детско-родительских
отношений в приемных семьях 129
- Новикова М.А., Реан А.А.* Особенности материнского отношения
в связи с формированием ценностных ориентаций
современных подростков 148
- Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М.* Оценка распространенности
насилия в России с помощью ретроспективного опроса молодежи 166
- Волкова И.В.* Отношение к животным и буллинг у подростков 183

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Бушина Е.В., Муминова А.М.* Адаптация русскоязычной версии
опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации
школьного буллинга» 197

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кочетков Н.В.* Конференция памяти М.Ю. Кондратьева:
многократно отраженная субъектность 217

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Agadullina E.R.* Dehumanization: Approaches to Indirect Prejudice 5
- Dawd A.M., Oumar F.Y.K., Cukur C.S.* Dynamics in the Contents of Self-Stereotyping and its Implication in Inter-Group Relations 23
- Makhnach A.V., Laktionova A.I.* Family Resilience from the Perspective of A.A. Bogdanov' Organizational Theory 41

EMPIRICAL RESEARCH

- Odintsova M.A., Radchikova N.P., Yanchuk V.A.* Assessment of the COVID-19 Pandemic Situation by Residents of Russia and Belarus 56
- Bayramova Y.V., Rahimova A.G.* Individual Attitude towards Protective Behavior during COVID-2019 Pandemic in Adult Population 78
- Filinkova E.B., Kovalev P.A.* Psychological Well-Being of Orphaned Children and Children Who Left without Parental Care in the Conditions of a Children's Health Camp 94
- Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Sivash O.N.* Socio-Perceptual Features of the Image of a Foster Child in Foster Parents with Different Forms of Guardianship 110
- Sitnikov V.L., Strelenko A.A., Kedich S.I., Komarova A.V.* Socio-perceptual images as regulators of child-parental relations in foster families 129
- Novikova M.A., Rean A.A.* Characteristics of Maternal Attitude linked to Values-Based Orientations of Modern Adolescents 148
- Volkova E.N., Volkova I.V., Isaeva O.M.* Prevalence of Violence Estimation in Russia through a Retrospective Youth Survey 166
- Volkova I.V.* Attitudes to Animals and Bullying among Teenagers 183

METHODOLOGICAL TOOLS

- Bushina E.V., Muminova A.M.* Adaptation of the Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire — Russian version 197

SCIENTIFIC LIFE

- Kochetkov N.V.* Conference in Memory of M.Yu. Kondratyev: Subjectivity Reflected Many Times 217

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений

Агадуллина Е.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Цель. Представленный обзор направлен на описание и критический анализ двух наиболее популярных подходов к пониманию и операционализации понятий «человечность» и «дегуманизация» (теория инфрагуманизации и модель двойной дегуманизации).

Контекст и актуальность. Накопленные к настоящему моменту знания в области исследований предубеждений выявили две ключевые проблемы. Первая проблема связана с ограничениями существующих теорий в понимании природы предубеждений и их функционирования, а вторая — с достаточно низкой эффективностью оценки прямых предубеждений, так как все большее распространение эгалитарных установок во всем мире меняет саму систему межгрупповых отношений и способствует трансформации явных предубеждений в иные, не прямые формы выражения. Появление теорий и моделей, рассматривающих дегуманизацию как отрицание истинной человечности у определенных индивидов или групп, стало своеобразным ответом на эти проблемы. Теории дегуманизации предлагают новую концептуальную рамку для анализа межгрупповых и межличностных отношений и новые способы оценки не прямых предубеждений, которые независимы от уровня социальной желательности индивидов.

Основные выводы. Результаты теоретического анализа показали, что в психологических исследованиях «человечность» операционализируется либо через выделение уникально-человеческих эмоций и черт, отрицание которых у определенных индивидов или групп приводит к их отождествлению с животными и возникновению анималистической дегуманизации, либо через описание прототипа «человека», несоответствие которому связано с механистической дегуманизацией. Анималистическая дегуманизация чаще распространена в контексте межгрупповых отношений, а механистическая дегуманизация в большей степени относится к процессам самовосприятия. Несмотря на различия между подходами к пониманию человечности и дегуманизации, а также некоторые методологические проблемы внутри каждого из них, в современной психологической науке дегуманизация признается важным феноменом, исследование которого значительно обогащает психологическое знание и понимание закономерностей и особенностей социального познания и взаимодействия.

Ключевые слова: дегуманизация, предубеждения, эмоции, стереотипы, группы.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-113-50158 (Экспансия).

Для цитаты: Агадуллина Е.Р. Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201>

Dehumanization: Approaches to Indirect Prejudice

Elena R. Agadullina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Objective. *The presented review aims to describe and critically analyze the two most popular approaches to understanding and operationalizing the concepts of “humanity” and “dehumanization” (Infracategorization theory and Two-dimensional model of humanness).*

Background. *The studies of prejudice has identified two key problems. The first problem is associated with the limitations of existing theories in understanding the nature of prejudices, and the second — with a low efficiency of assessing blatant prejudice since an increasing spread of egalitarian attitudes in the world changes the intergroup relations and contributes to a transformation of explicit prejudices into indirect forms. The theories and models of dehumanization has become the response to these problems since they offer a new conceptual framework for the analysis of intergroup and interpersonal relationships, and new methods for assessing indirect prejudice that are independent of a social desirability.*

Conclusions. *The results of a theoretical analysis showed that in psychological studies, “humanity” is operationalized either through the unique human emotions and traits, the negation of which leads to the association between certain individuals or groups with animals and the emergence of animalistic dehumanization, or through a description of the “human” prototype, the discrepancy to which is associated with mechanistic dehumanization. Animalistic dehumanization is more common in the context of intergroup relations, and mechanistic dehumanization is more related to the processes of self-perception. Despite the contradictions between different approaches to understanding humanity and dehumanization, as well as some methodological problems within each of them, dehumanization is recognized as an important phenomenon which significantly enriches psychological knowledge and understanding of a process of social cognition and interaction.*

Keywords: *dehumanization, prejudice, emotions, groups.*

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 19-113-50158.

For citation: Agadullina E.R. Dehumanization: Approaches to Indirect Prejudice. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201> (In Russ.).

Введение

Представления о том, что значит быть человеком, и в чем именно проявляется человечность, широко распространены не только в философской и религиозной литературе, но и в обыденном мышлении [39]. В обыденном языке зафиксировано множество слов и выражений, описывающих человечность не как имманентное и неизменное свойство, заданное принадлежностью к биологическому виду *homo sapiens*, а как характеристику, которую

можно утратить. Так, в процессе социального взаимодействия кто-то может «потерять человеческое лицо» или даже «оскотиниться». Иными словами, в обычных представлениях «человечность» становится понятием, определяющим степень, в которой человек (как представитель биологического вида) может быть признан человеком в контексте социальных отношений [2].

В научной литературе представление о том, что кто-то (человек или группа) не обладает истинной человечностью

или человеческой сущностью (*human essence*), называется *дегуманизацией*. На ранних этапах интереса к пониманию человечности и феномену дегуманизации последняя рассматривалась как прямое отождествление определенных групп людей с животными, которое позволяло оправдывать применение по отношению к ним крайних форм насилия (например, рабство или геноцид). Современные теории и модели дегуманизации исследуют данный феномен как тип предубеждений, который преимущественно в имплицитной форме проявляется в широком спектре социальных отношений и не ограничивается случаями агрессии и насилия по отношению к другим.

Данный обзор направлен на анализ двух наиболее известных зарубежных подходов к пониманию и операционализации дегуманизации: теории инфрагуманизации (*infrahumanization theory*) [47; 48] и модели двойной дегуманизации (*two-dimensional model of humanness*) [36]. В рамках анализа каждого из подходов будет описано представление о «человечности», освещена роль, которую дегуманизация играет в межгрупповых отношениях и самовосприятии, а также проанализированы способы измерения дегуманизации с обсуждением их основных достоинств и недостатков.

Теория инфрагуманизации

Представления о «человечности» и особенности подхода

Теория инфрагуманизации была предложена в начале 2000-х годов Филиппом Лейенсом с коллегами [47; 48], которые для обоснования ее основных положений использовали две базовые предпосылки. Первая предпосылка взята из эссенциального подхода к восприятию социальных

групп [62], согласно которому людей, принадлежащих к одной социальной группе, объединяют глубинные, неизменные, сущностные характеристики. По мнению Ф. Лейенса, когда речь заходит о восприятии людей (как общности), на первый план выступают те глубинные, сущностные характеристики, которые отличают их от других живых существ (прежде всего животных). Эти характеристики и определяют уникальную и неизменную «человеческую сущность».

В качестве еще одной значимой предпосылки выступает теория социальной идентичности [64] и, в частности, тезис о том, что сравнение ингруппы и аутгруппы может приводить к смещенным оценкам обеих групп (например, ингрупповому фаворитизму и аутгрупповой враждебности). Авторы предположили, что оценочные смещения могут возникать в том числе и при оценке «человечности» группы, так что ингруппа будет в большей степени наделяться человеческой сущностью, чем аутгруппа.

Результаты кросс-культурного исследования показали, что в обыденных представлениях «человеческая сущность» описывается через три характеристики: интеллект, язык и сложные эмоции (*sentiments*) [47; 48]. Именно последние и становятся основным объектом исследования в рамках теории инфрагуманизации. Согласно представлениям авторов, эмоции по своему содержанию не зависимы от характера межгрупповых отношений и структуры общества, и, следовательно, сложные межгрупповые и социальные процессы, в которые вовлечены различные группы, не должны отражаться на оценке эмоций.

В рамках теории инфрагуманизации предполагается, что в восприятии людей все эмоции делятся на первичные, которые объединяют людей с другими живы-

ми существами (например, страх, гнев, радость), и вторичные — уникальные для людей (например, ностальгия, восхищение, смущение или угрызения совести)¹. Приписывание аутгруппе меньшего, чем ингруппе, количества вторичных эмоций (при отсутствии различий в приписывании первичных эмоций) авторы назвали *инфрагуманизацией*. По своей сути инфрагуманизация является предубеждением, основанным на отрицании «человечности» аутгруппы. Результаты экспериментов демонстрируют, что инфрагуманизация, в отличие от прямых форм предубеждений, не подвержена тенденции социальной желательности и не зависит от инструкции испытуемым быть менее или более предубежденными, так как она является *непрямым* (часто неосознаваемым) предубеждением [26].

Одним из ключевых отличий теории инфрагуманизации от других подходов к межгрупповым отношениям и, прежде всего, от теории социальной идентичности является тезис о том, что позитивное предубеждение в пользу ингруппы может возникать не только на основании приписывания позитивных характеристик (как в случае с ингрупповым фаворитизмом). Атрибуция ингруппе большего количества негативных уникально-человеческих эмоций также будет свидетельствовать о позитивном смещении в пользу своей группы и об инфрагуманизации аутгруппы, так как вторичные эмоции любой валентности отличают человека от животного. По мнению Н. Хаслама и С. Лоугхана [40], подход к пониманию предубеждений, который предполагает, что атрибуция ингруппе негативных ха-

рактеристик также может быть примером позитивного смещения в ее пользу, существенно расширяет возможности анализа межгрупповых отношений, так как позволяет под новым углом взглянуть на целый ряд межгрупповых феноменов.

Не менее важно, что инфрагуманизация является феноменом, который можно зафиксировать только при сравнении групп (в частности, ингруппы и аутгруппы). При этом приписывание ингруппе большего количества вторичных эмоций автоматически предполагает, что аутгруппа, с которой проводилось сравнение, инфрагуманизируется, то есть ее члены воспринимаются как не в полной мере обладающие «человеческой сущностью». Таким образом, инфрагуманизация представляет собой сразу и позитивное предубеждение по отношению к своей группе, и негативное — по отношению к аутгруппе, что также отличает ее от ингруппового фаворитизма, который может быть не зависим от группового сравнения и не обязательно сопровождается аутгрупповой враждебностью [11; 73].

А вот объединяет эти два феномена значение уровня идентификации с группой. Исследования показывают, что проявление инфрагуманизации связано со степенью, в которой идентичность с конкретной группой является значимой частью Я-концепции индивида [25; 31]. В случае высокой идентификации индивиды демонстрируют тенденцию максимально защищать «человечность» своей группы, в том числе за счет исключения из группы людей, которые могут как-то ее «скомпрометировать» (например, через внешнее сходство с приматами) [14].

¹ Важно еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о восприятии эмоций как в большей или меньшей степени уникально-человеческих, а не о том, что существует биологическое разделение на первичные и вторичные эмоции, описанные в ряде работ [52]. Использование идентичной терминологии в разных концепциях не должно вводить читателя в заблуждение.

Инфрагуманизация в межгрупповых отношениях

За время существования теории инфрагуманизации данный феномен был зафиксирован в отношении этнических и расовых групп [24; 31; 55], гендерных групп [72], людей с физическими или психологическими особенностями [9; 15], религиозных групп [65], профессиональных групп [43], возрастных групп [10] и футбольных фанатов [18; 51].

В контексте различных межгрупповых отношений отрицание человечности аутгруппы связано с широким перечнем предрассудков и дискриминационных стратегий. В частности, инфрагуманизация уменьшает сочувствие к жертвам, если они являются членами аутгруппы [16; 17]; готовность помочь аутгруппе в чрезвычайной ситуации [22]; готовность простить аутгруппу за причинение вреда ингруппе [61; 74]; поддержку автономии аутгруппы [59]; при этом она увеличивает восприятие аутгруппы как угрожающей ценностям ингруппы [58], а также связана с одобрением насилия по отношению к аутгруппе [54].

Столь широкий перечень негативных последствий инфрагуманизации связан с тем, что отрицание человечности у членов аутгруппы (через уподобление их животным) способствует вынесению их за пределы тех границ, в рамках которых действуют нормы морали и справедливости, что в результате уменьшает вероятность того, что члены аутгруппы будут вызывать чувство сопереживания или сострадания [4].

Несомненно, значимый вклад в распространение инфрагуманизации вносит также и тот факт, что это не прямое предубеждение, которое достаточно сложно распознать, чтобы как-то сознательно противостоять его проявлениям. Приписывая группам различные эмоции, индивиды

могут просто не задумываться о том, что таким образом они выражают свое имплицитное отношение, которое может иметь серьезные последствия для дальнейших социальных суждений и действий.

Дискуссионные вопросы теории

Один из ключевых вопросов, возникающих в отношении теории инфрагуманизации, связан с ролью первичных эмоций. Авторы упоминают, что инфрагуманизация возникает в том случае, когда различия в приписывании вторичных эмоций есть, а первичных — нет [46]. При этом на эмпирическом уровне исследователи часто пренебрегают различиями в атрибуции первичных эмоций, акцентируя свое внимание только на вторичных эмоциях [например, 16]. Кроме того, часто возникает путаница и недопонимание в интерпретации результатов, связанных с особенностями атрибуции первичных эмоций. Отсутствие в теории инфрагуманизации четкого определения роли первичных эмоций, а также возможных интерпретаций различий в их приписывании ингруппе и аутгруппе существенно затрудняет понимание результатов исследований, проведенных в рамках данной теории.

Еще один спорный вопрос связан с тезисом о возможности зафиксировать инфрагуманизацию только в контексте сравнения ингруппы и аутгруппы [46]. Опираясь в этом тезисе на теорию социальной идентичности, авторы значительно сужают возможности понимания эффекта инфрагуманизации. Авторами предполагается, что инфрагуманизируется та группа, которой приписывается меньшее количество вторичных эмоций, следовательно, в контексте межгрупповых отношений исследование данного эффекта может быть расширено до сравнения любых групп (а не только ингруп-

пы и аутгруппы). Кроме того, Б. Кортес с коллегами продемонстрировали, что эффект инфрагуманизации также может возникать и при сравнении себя с ингруппой (которая в меньшей степени инфрагуманизируется, чем человек) и аутгруппой (которая в соответствии с классическим эффектом инфрагуманизируется сильнее) [18].

И, наконец, существует вопрос о роли статуса групп в возникновении эффекта инфрагуманизации. Согласно теоретическим представлениям авторов, инфрагуманизация не должна зависеть от статуса ингруппы и аутгруппы, так как сами по себе эмоции не связаны со структурой общества [46]. При этом ряд исследований демонстрирует, что группы с высоким статусом в большей степени инфрагуманизируют группы с низким статусом [13; 30; 55], а группы с низким статусом демонстрируют обратную тенденцию, приписывая аутгруппе больше вторичных эмоций [55; 61]. В контексте теории инфрагуманизации эти результаты не могут найти объяснения, так как противоречат базовой предпосылке о позитивном смещении оценок в пользу своей группы. При этом они достаточно хорошо согласуются с теорией оправдания системы Дж. Джоста, согласно которой группы, обладающие низким социальным статусом, часто демонстрируют аутгрупповой фаворитизм (предпочтение групп с более высоким статусом) [44]. Такое оценочное смещение поддерживается готовностью оправдывать существующую социальную систему (а следовательно, и свое место в ней), воспринимая ее как справедливую и разумную. Если принять во внимание, что инфрагуманизация может выступать своеобразным механизмом, объясняющим, почему те или иные группы должны занимать определенное место в обществе (например, люди долж-

ны иметь высокий статус, а животные и те, кто похож на них, — низкий), то результаты о связи статуса групп с инфрагуманизацией выглядят достаточно последовательными и логичными.

Измерение инфрагуманизации и методологические вопросы

Традиционно эффект инфрагуманизации исследуется через приписывание первичных и вторичных эмоций различной валентности ингруппе и аутгруппе, и именно с данной методологией и связаны основные трудности измерения инфрагуманизации.

Прежде всего, основываясь на высказываниях авторов и различных эмпирических результатах, можно утверждать, что атрибуция эмоций разной валентности приводит не только к возникновению эффекта инфрагуманизации, но также может способствовать возникновению целого ряда дополнительных эффектов. В частности, в одной из своих работ Ф. Лейенс с коллегами высказали предположение, что если ингруппе будет приписываться больше вторичных эмоций и первичных *положительных* эмоций, чем аутгруппе, то второй паттерн может быть рассмотрен как проявление ингруппового фаворитизма (сосуществующего с эффектом инфрагуманизации) [47]. В другой своей работе авторы отметили, что если индивиды приписывают группе больше любых эмоций (вне зависимости от их типа и валентности), то это может свидетельствовать о существовании определенного стереотипа об общей эмоциональности группы [46]. Кроме того, так как атрибутируются эмоции разной валентности, вполне вероятно возникновение эффектов позитивной или негативной валентности (когда в целом любая позитивная или негативная информация в большей степени влияет на

формирование суждения) [7; 67]. В результате в каждом конкретном случае необходимо четко понимать, какой именно эффект фиксируется при атрибутировании эмоций. И, конечно, отдельное значение приобретает анализ факторов, которые способствуют возникновению именно инфрагуманизации, а не какого-либо другого эффекта.

Далее, П. Бейл с коллегами в кросс-культурном исследовании показали, что существует большая культурная вариативность при восприятии эмоций как первичных или вторичных [3]. Следовательно, для изучения инфрагуманизации в ранее не исследованных культурах требуется предварительно определить список релевантных эмоций. Для определения списка эмоций, воспринимаемых как первичные и вторичные в российском контексте, Е. Агадуллина с коллегами [1] провели исследование, результаты которого продемонстрировали, что радость, удовольствие и интерес воспринимаются россиянами как первичные положительные эмоции; гнев, раздражение и ярость — как первичные негативные эмоции; вдохновение, воодушевление и энтузиазм — как вторичные положительные эмоции; и, наконец, разочарование, сожаление и опустошение — как вторичные отрицательные эмоции. Данные эмоции могут быть использованы для оценки эффекта инфрагуманизации на российской выборке при условии контроля других потенциальных эффектов.

Модель двойной дегуманизации

Представления о «человечности» и особенности модели

Ник Хаслам с коллегами расширили понимание «человечности», предложенное в теории инфрагуманизации, пред-

положив, что характеристики, которые описывают человеческую уникальность, могут отличаться от характеристик, описывающих человеческую сущность [41].

Для проверки этого предположения авторы предложили участникам исследования оценить 80 личностных черт по двум параметрам: насколько каждая черта уникальна для человека (не относится к другим живым существам), и насколько она описывает человеческую сущность (типична для большинства людей) [38]. Как и ожидалось, личностные черты объединились в два слабо связанных между собой представления о «человечности», существование которых дополнительно было подтверждено в кросс-культурном исследовании, проведенном в Австралии, Японии и Корее [57].

Первое представление описывает «человеческую уникальность» (*human unique*), и в него входят такие черты, как вежливость, утонченность, моральная чувствительность, рациональность, зрелость и т.д. По мнению респондентов, человеческую уникальность описывают черты, которые связаны с культурой и цивилизованностью (в широком понимании человеческого прогресса), не являются универсальными (то есть в разной степени встречаются у представителей разных культур и социальных групп) и формируются в процессе развития [38]. Связь представлений о человеческой уникальности с культурой дополнительно продемонстрировали в своих экспериментах Дж. Вайес с коллегами: когда респонденты думали о смерти, они в большей степени приписывали своей группе уникально-человеческие черты, так как вера в то, что через эти черты ингруппа связана с культурой и, следовательно, с «бессмертным» культурным наследием, позволяла им легче совладать с мыслью о том, что смерть неизбежна [68].

Вера в то, что кто-то лишен уникальных человеческих черт, приводит к восприятию его как лишённого самоконтроля, воспитания и рациональности субъекта, чье поведение в большей степени управляется инстинктами и желаниями, а не интеллектом и культурными нормами. Иными словами, человек приравнивается к животному, то есть происходит анималистическая дегуманизация (*animalistic dehumanization*) [36; 41]. Изучение феномена антропоморфизма животных (наделение их «человечностью») показало, что он основывается именно на приписывании уникально-человеческих черт [8]. Сравнение человека с животным часто приводит к потере в воспринимаемом статусе, которое может воплощаться в неуважении, снисходительности, отказе в автономии или обращении с дегуманизированными людьми как безнадежными и глупыми. Данный тип отрицания человечности, по сути, является аналогом эффекта инфрагуманизации, так как в обоих случаях человечность выстраивается через противопоставление животным, которое основывается либо на эмоциях, либо на чертах и характеристиках человека.

Второе представление описывает «человеческую природу» (*human nature*) и чаще всего включает такие черты, как эмоциональный, любопытный, открытый новому опыту, активный и т.д. Согласно результатам исследований, эти черты воспринимаются как сущностные (врожденные, заданные природой и неизменные), универсальные, распространенные (типичные для большинства), а также они рано проявляются в процессе развития [38; 57]. Отрицание у человека черт, характеризующих человеческую природу, приводит к восприятию его как холодного, равнодушного и пассивного, то есть к механистической дегуманизации (*mechanistic dehumanization*) [41].

Важным моментом для правильного понимания модели двойной дегуманизации является тот факт, что оба описанных представления о человечности выделяются по разным основаниям. В отличие от анималистической дегуманизации, предполагающей прямое противопоставление человека и животных, механистическая дегуманизация не имеет эксплицитного объекта противопоставления. Используемый авторами термин «механистическая» может вводить в заблуждение, вызывая ассоциации между человеком и неодушевленными предметами, механизмами или роботами. В реальности же авторы предполагают, что иногда в случае механистической дегуманизации действительно может возникать имплицитное (плохо осознаваемое) противопоставление с неживыми объектами, но в целом черты, характеризующие человеческую природу, скорее описывают прототип «человека», чем его отличия от других видов и объектов [2]. Не менее важно, что некоторые типично-человеческие черты (например, активность или эмоциональность) в обыденных представлениях могут объединять людей с животными, акцентируя эволюционную преемственность между ними [36], что еще раз подчеркивает непродуктивность прямого противопоставления с неодушевленными предметами в случае механистической дегуманизации.

Исследования показывают, что анималистическая и механистическая дегуманизация могут представлять собой не прямые предубеждения как в отношении стигматизированных групп, прямые предубеждения к которым невозможно продемонстрировать в силу распространения эгалитарных установок [33], так и по отношению к группам, которые обычно не являются объектами предубеждений (на-

пример, нейтральные профессиональные категории: артисты, бизнесмены) [49].

В целом анималистическая и механистическая дегуманизация приводят к большой готовности причинить вред другим. Например, дегуманизированные женщины чаще становятся жертвами физического и сексуального насилия, в том числе и потому, что нападающие не верят в способность таких женщин испытывать реальную боль [53]; дегуманизация отрицательно связана с поддержкой политики возмещения ущерба пострадавшей группе [76], с готовностью дать возможность реабилитироваться людям, совершившим нежелательный поступок [6; 73], и поддержать социальную политику, направленную на уменьшение социального и экономического неравенства между группами [66].

Дегуманизация в межгрупповых и межличностных отношениях

В связи с тем, что анималистическая и механистическая дегуманизация имеют разные основания, они в разной степени распространены при межгрупповых сравнениях и самовосприятии.

Исследования показывают, что в межгрупповом контексте чаще используется анималистическая дегуманизация, так как она способствует выстраиванию иерархических отношений между группами. К. Костелло и Г. Ходсон эмпирически продемонстрировали, что анималистическая дегуманизация зависит от антропоцентрических установок и веры в то, что человек — это «венец природы» [19; 20]. В результате анималистическая дегуманизация позволяет не просто обосновать негативное отношение к определенной группе, но и подчеркнуть существующий статус-кво, в котором люди, приравненные к животным, находятся на низшей ступени социальной иерархии. Закрепле-

нию социальной дистанции между дегуманизированными и не дегуманизированными группами также способствует чувство отвращения, которое возникает из-за того, что животные часто ассоциируются с грязью и воспринимаются как источники или разносчики «заразы» [12; 23]. Отвращение является той эмоцией, которая позволяет максимально дистанцироваться от группы и тем самым защитить себя от потенциальных угроз (физических (заражение) и/или социальных (потеря статуса из-за взаимодействия со стигматизированной группой)) [32; 63]. Так как анималистическая дегуманизация закрепляет низкий статус, она в большей степени распространена в отношении расовых групп (например, широко описанная метафора «Negroes-apes») [33], людей с психическими заболеваниями и особенностями [15] и других групп с низким социальным статусом [34].

Механистическая дегуманизация в значительно меньшей степени связана с потерей статуса. В частности, механистически дегуманизированные группы (например, японцы [70], различные профессиональные группы [66]) часто соответствуют групповым стереотипам, включающим представления о высокой компетентности и низком тепле. В связи с тем, что компетентность в обыденных представлениях ассоциируется с высоким статусом [28], механистическая дегуманизация очень мало говорит нам об иерархических отношениях между группами. Кроме того, она не связана с групповыми эмоциями, направленными на увеличение дистанции между группами, а скорее ассоциируется со страхом, что «холодные и компетентные» люди могут нанести вред [32].

При этом механистическая дегуманизация играет ключевую роль в ситуации самовосприятия. В своих работах

Н. Хаслам с коллегами описали эффект самогуманизации — преувеличения собственной «человечности» по сравнению с другими людьми [37; 38]. Согласно результатам исследований, самогуманизация не связана с самооценкой людей, социальной желательностью и эффектом самосовершенствования, то есть является независимым феноменом [38]. Как уже упоминалось выше, типично-человеческие черты описывают прототип «человека», следовательно, преувеличение данных черт у себя способствует повышению собственной прототипичности, а также реализации потребности в принадлежности, что благотворно сказывается на субъективном благополучии человека. Кроме того, П. Коваль с коллегами показали, что в ситуациях, когда человеку необходимо совладать с мыслью о том, что он или его группа могут обладать не только позитивными, но и негативными чертами, степень типичности негативных черт преувеличивается. В частности, если негативная черта рассматривается как универсальная и широко распространенная среди людей, ее наличие делает индивида «всего лишь человеком», а не «плохим человеком», заслуживающим порицания и негативной оценки [45].

Важно, что в определенных условиях, например, в ситуации остракизма (социального исключения из значимой группы) [5], отсутствия уважения со стороны членов группы [60] или негативного социального сравнения с релевантной и значимой группой [37] может наблюдаться обратный эффект, при котором люди дегуманизируют себя. Самодегуманизация является результатом негативных социальных отношений, которые приводят к тому, что человек не может реализовать потребность в социальном принятии и принадлежности. Эффекты самогуманизации и самодегуманизации крайне редко

проявляются на примере уникально-человеческих черт, что еще раз подчеркивает различия в основаниях и функционировании разных типов дегуманизации.

Дискуссионные вопросы модели

Наиболее дискуссионный вопрос в отношении модели двойной дегуманизации связан с соотношением разных представлений о «человечности» с измерениями стереотипов, представленными в рамках модели содержания стереотипов [21; 26; 28]. В соответствии с данной моделью групповые стереотипы отличаются друг от друга в измерениях «тепло» (степень просоциальности) и «компетентность» (способность достичь целей). Исследователи продемонстрировали, что в некоторых случаях разные представления о человечности могут быть рассмотрены как измерения стереотипов: в частности, отрицание типично-человеческих черт (механистическая дегуманизация) будет эквивалентно низкой оценке по измерению «тепло», а отрицание уникально-человеческих черт (анималистическая дегуманизация) — низкой оценке по измерению «компетентность» [49].

При этом содержательно, по мнению авторов модели двойной дегуманизации, эти конструкты все же различаются. Р. Джонс-Ламби и Н. Хаслам [приводится по 41] показали, что типично-человеческие черты объединяют в себе оба измерения, и в подтверждение этому механистическая дегуманизация отрицательно коррелирует с оценками «теплоты» и «компетентности» [41]. А вот анималистическая дегуманизация связана только с оценками компетентности, в частности, чем она меньше, тем большая компетентность приписывается группе (для оценки «теплоты» такой закономерности выявлено не было) [70]. В целом различия или сходства между конструк-

тами в каждом конкретном случае будут связаны с тем, через какие именно характеристики операционализируют разные представления о человечности и измерении стереотипов.

Еще один дискуссионный момент связан с особенностями восприятия «уникальности» и «типичности». Большинство исследований, проведенных с использованием модели двойной дегуманизации, в качестве объекта для атрибуции типично- и уникально-человеческих черт использовали различные аутгруппы. При этом основная проблема заключается в том, что степень «человечности» характеристики может меняться в зависимости от того, ингруппе или аутгруппе она приписывается. В частности, исследования показывают, что одна и та же характеристика воспринимается как более «человеческая», если она приписывается ингруппе, и как менее «человеческая», если она приписывается аутгруппе [69]. М. Паладино и Г. Вайес выявили, что слова, которые в большей степени ассоциируются с человеком, также сильнее связаны с ингруппой, чем с аутгруппой [56], и разные ингруппы всегда дегуманизируются меньше по сравнению с аутгруппами [70]. Все эти факты, прежде всего, говорят о том, что дегуманизация может быть напрямую связана с эффектами групповой принадлежности, но на данном этапе развития модели двойной дегуманизации они практически не принимаются в расчет.

Измерение дегуманизации и методологические вопросы

В психологической литературе существуют два наиболее распространенных способа измерить анималистическую и механистическую дегуманизацию. Первый основан на прямом соотношении индивида/группы со словами, ассоции-

рующимися с культурой и природой или животными и неодушевленными предметами (*metaphor-based approach*) (например, [71]), а второй — на приписывании индивиду/группе определенных черт/характеристик (*attribute-based approach*) (например, [53]). Экспериментальное сравнение двух способов измерения дегуманизации показало, что они связаны друг с другом, более того, использование определенной метафоры влияет на атрибуцию соответствующих характеристик и наоборот [50].

Основная проблема первого способа измерения дегуманизации заключается в том, что анималистические метафоры могут быть разделены на те, использование которых связано с демонстрацией чувства отвращения и неприязни (например, «грязный как свинья»), и те, которые свидетельствуют об отрицании человечности (например, «глупый как осел») [42]. Кроме того, группы часто сами выбирают различные анималистические метафоры для того, чтобы описать себя (например, эмблемы и талисманы спортивных команд), и в данном случае сравнение ингруппы с каким-то животным не будет свидетельствовать о самодегуманизации, а скорее наоборот, будет призвано подчеркнуть уникальность группы (через создание ее символа). Таким образом, не любая анималистическая метафора позволит зафиксировать факт дегуманизации. Не меньше проблем возникает и при использовании механистических метафор. Как уже упоминалось выше, механистическая дегуманизация не имеет эксплицитного объекта противопоставления [47], а, следовательно, любые подобранные метафоры могут быть неточны и не позволять сделать обоснованный вывод о данном типе дегуманизации.

Второй способ оценки дегуманизации также имеет свои ограничения. Прежде

всего, некоторые характеристики воспринимаются сразу и как типичные, и как уникальные для людей (например, интеллект). Действительная дифференциация двух типов дегуманизации возможна лишь в том случае, если такие характеристики не будут использоваться при оценке групп. К сожалению, в представленных на сегодняшний день результатах этот момент практически не контролируется.

Не менее важно, что представление о том, какие именно характеристики описывают разное понимание человечности, культурно-специфично и зависит от конкретного социального и исторического контекста, объединяющего людей внутри одной страны. В частности, наибольшие отличия в восприятии уникальных и типичных человеческих черт и характеристик можно наблюдать между странами с индивидуалистскими и коллективистскими культурами. В последних представлении о человечности в большей степени включает в себя особенности взаимодействия с другими людьми и вовлеченность в группу [3]. Следовательно, как и в случае с измерением инфрагуманизации, для измерения анималистической и механистической дегуманизации в новых культурах (например, в России, где ранее такие исследования не проводились) требуется предварительное исследование для составления списка типичных и уникальных человеческих характеристик, релевантных для определенного социального и культурного контекста.

Заключение

Представленный обзор продемонстрировал, что существующие подходы к операционализации человечности

подчеркивают, что дегуманизация (как отрицание истинной человечности у человека или группы) является широко распространенным феноменом, который проявляется не только в ситуациях крайней антипатии и агрессии по отношению к другим, но и пронизывает повседневную жизнь людей.

Ключевое отличие данных подходов связано с ответом на вопрос о том, как можно операционализировать человечность. По мнению Ф. Лейенса, человеческая сущность может быть описана через уникальные характеристики, отличающие людей от животных, а Н. Хаслама предположил, что человеческая сущность включает в себя типичные человеческие характеристики, описывающие прототип человека. Осознание данного различия в понимании человеческой сущности не делает один подход лучше другого, а должно способствовать лучшему пониманию, корректной интерпретации и сравнению между собой результатов, полученных в разных подходах к изучению дегуманизации.

Несмотря на относительную «молодость» обозначенных подходов и некоторые методологические и теоретические проблемы внутри каждого из них, для современной психологической науки уже сейчас очевидно, что «человечность» как категория психологического анализа и отрицание человечности (дегуманизация) как один из возможных механизмов регуляции межличностных и межгрупповых отношений значительно обогащают психологическое знание и понимание закономерностей и особенностей социального познания и взаимодействия.

Круг исследовательских вопросов, который был поднят в исследованиях дегуманизации, выходит далеко за границы изучения предубеждений. В частности, дегуманизация изучается в контексте

имплицитных и эксплицитных способов измерения отношений и представлений, вопросов самовосприятия и самоотношения, культурной специфичности стереотипов, особенностей социальной категоризации и многих других.

Для будущих исследований дегуманизации продуктивно концентрироваться не только на разрешении методологических проблем теории инфрагуманизации и модели двойной дегуманизации, но также на проработке новых подходов к пониманию «человечности». Так, противопоставление человека и животных и рассмотрение анималистической дегуманизации как основания для враждебного и агрессивного поведения по отношению к аутгруппе может быть не всегда продуктивно. Известны случаи, когда благотворительные фонды и акции, направленные на поддержку и спасение различных животных, собирают значительно больше пожертвований, чем фонды, занимающиеся помощью бездомным. Владельцы домашних питомцев тратят большие деньги на поддержание здоровья и благополучия своих любимцев. Очевидно, что взаимоотношения между людьми и животными сложнее простого их противопоставления.

Уже сейчас существуют отдельные попытки рассматривать «человечность» через теории разума (*mind theory*), операционализируя данное понятие через атрибуцию человеку различных психи-

ческих процессов и состояний (например, [37]), или через характеристики активности (*agency*) и коммуникативности (*communion*) [29]. Кроме того, возможна не только «уничжительная», но и «возвеличивающая» дегуманизация, когда человек наделяется сверхчеловеческими способностями или обожествляется. Исследования такого типа дегуманизации могут значительно расширить понимание многих социальных феноменов (например, фанатство, когда объект обожания кажется настолько идеальным, что ему не позволено совершать ошибки, которые легко прощаются «обычному» человеку), а также способствовать развитию других направлений исследований, связанных с пониманием феноменов антропоморфизма и антропоцентризма.

Хотя многое уже сделано на пути лучшего понимания представлений о человечности и роли отрицания человечности в межличностных и межгрупповых отношениях, исследователям еще только предстоит ответить на огромное количество вопросов, связанных с феноменом дегуманизации и условиями его проявления. Очевидно, что в ближайшие годы интерес к исследованиям дегуманизации будет только усиливаться, и впереди исследователей ждут интересные находки и открытия, которые позволят по-новому взглянуть на многие социальные процессы и феномены.

Литература / References

1. *Agadullina E.R., Gulevich O.A., Terskova M.A.* Primary and secondary emotions as an instrument to measure implicit prejudice // Research Paper No. WP BRP 110/PSY/2019. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3495082>
2. *Bain P.* The structure and content of the human category, and its implications for understanding dehumanization // *Humanness and Dehumanization* / In P.G. Bain, J. Vaes, J. Leyens, J. (Eds.). Routledge, 2014. P. 227–255.
3. *Bain P., Vaes J., Kashima Y., Haslam N., Guan Y.* Folk conceptions of humanness: Beliefs about distinctive and core human characteristics in Australia, Italy, and China // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 1. P. 53–58. DOI:10.1177/0022022111419029

4. *Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V.* Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71. № 2. P. 364–374. DOI:10.1037/0022-3514.71.2.364
5. *Bastian B., Haslam N.* Excluded from humanity: The dehumanizing effects of social ostracism // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. № 1. P. 107–113. DOI:10.1016/j.jesp.2009.06.022
6. *Bastian B., Laham S.M., Wilson S., Haslam N., Koval P.* Blaming, praising, and protecting our humanity: The implications of everyday dehumanization for judgments of moral status // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 50. № 3. P. 469–483. DOI:10.1348/014466610X521383
7. *Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D.* Bad is stronger than good // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. № 4. P. 323–370. DOI:10.1108/LODJ-09-2014-0191
8. *Beatson R., Loughnan S., Halloran M.* Attitudes toward animals: The effect of priming thoughts of human-animal similarities and mortality salience on the evaluation of companion animals // *Society and Animals*. 2009. Vol. 17. № 1. P. 72–89. DOI:10.1163/156853009X393774
9. *Betancor Rodríguez V., Ariño Mateo E., Rodríguez-Pérez A., Rodríguez N.D.* Do they feel the same as us? The infrahumanization of individuals with Down syndrome // *Psicothema*. 2016. Vol. 28. № 3. P. 311–317. DOI:10.7334/psicothema2016.10
10. *Boudjemadi V., Demoulin S., Bastart J.* Animalistic dehumanization of older people by younger ones: Variations of humanness perceptions as a function of a target's age // *Psychology and Aging*. 2017. Vol. 32. № 3. P. 293–306. DOI:10.1037/pag0000161
11. *Brewer M.B.* The psychology of prejudice: Ingroup love or outgroup hate? // *Journal of Social Issues*. 1999. Vol. 55. № 3. P. 429–444. DOI:10.1111/0022-4537.00126
12. *Buckels E.E., Trapnell P.D.* Disgust facilitates outgroup dehumanization // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2013. Vol. 16. № 6. P. 771–780. DOI:10.1177/1368430212471738
13. *Capozza D., Andrighetto L., Di Bernardo G.A., Falvo R.* Does status affect intergroup perceptions of humanity? // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2012. Vol. 15. № 3. P. 363–377. DOI:10.1177/1368430211426733
14. *Capozza D., Boccato G., Andrighetto L., Falvo R.* Categorization of ambiguous human/ape faces: Protection of ingroup but not outgroup humanity // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 777–787. DOI:10.1177/1368430209344868
15. *Capozza D., Di Bernardo G.A., Falvo R., Vianello R., Cal L.* Individuals with intellectual and developmental disabilities: Do educators assign them a fully human status? // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 46. № 9. P. 497–509. DOI:10.1111/jasp.12377
16. *Castano E., Giner-Sorolla R.* Not quite human: Infrahumanization in response to collective responsibility for intergroup killing // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. № 5. P. 804–818. DOI:10.1037/0022-3514.90.5.804
17. *Čehajić S., Brown R., González R.* What do I care? Perceived ingroup responsibility and dehumanization as predictors of empathy felt for the victim group // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 715–729. DOI:10.1177/1368430209347727
18. *Cortes B.P., Demoulin S., Rodríguez R.T., Rodríguez A.P., Leyens J.-P.* Infrahumanization or familiarity? Attribution of uniquely human emotions to the self, the ingroup, and the outgroup // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. № 2. P. 243–253. DOI:10.1177/0146167204271421
19. *Costello K., Hodson G.* Exploring the roots of dehumanization: The role of animal–human similarity in promoting immigrant humanization // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2010. Vol. 13. № 1. P. 3–22. DOI:10.1177/1368430209347725
20. *Costello K., Hodson G.* Lay beliefs about the causes of and solutions to dehumanization and prejudice: do nonexperts recognize the role of human-animal relations? // *Journal of Applied Social Psychology*. 2014. Vol. 44. № 4. P. 278–288. DOI:10.1111/jasp.12221

21. *Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Glick P.* Warmth and competence as universal dimensions of social perception: The Stereotype content model and the BIAS map // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 40. № 7. P. 61–149. DOI:10.1016/S0065-2601(07)00002-0
22. *Cuddy A.J.C., Rock M.S., Norton M.I.* Aid in the aftermath of Hurricane Katrina: Inferences of secondary emotions and intergroup helping // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. № 1. P. 107–118. DOI:10.1177/1368430207071344
23. *Curtis V., Barra M.De, Auinger R.* Disgust as an adaptive system for disease avoidance behaviour // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2011. Vol. 366. № 1563. P. 389–401. DOI:10.1098/rstb.2010.0117
24. *Dalsklev M., Kunst J.R.* The effect of disgust-eliciting media portrayals on outgroup dehumanization and support of deportation in a Norwegian sample // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 47. P. 28–40. DOI:10.1016/j.ijintrel.2015.03.028
25. *Demoulin S., Cortes B.P., Viki T.G., Rodriguez A.P., Rodriguez R.T., Paladino M.P., Leyens J.* The role of in-group identification in infra-humanization // *International Journal of Psychology*. 2009. Vol. 44. № 1. P. 4–11. DOI:10.1080/00207590802057654
26. *Eyssel F., Ribas X.* How to be good (or bad): On the fakeability of dehumanization and prejudice against outgroups // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2012. Vol. 15. № 6. P. 804–812. DOI:10.1177/1368430212447204
27. *Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P.* Universal dimensions of social cognition: warmth and competence // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 11. № 2. P. 77–83. DOI:10.1016/j.tics.2006.11.005
28. *Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J.* A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. № 6. P. 878–902. DOI:10.4324/9781315187280
29. *Formanowicz M., Goldenberg A., Saguy T., Pietraszkiewicz A., Walker M., Gross J.J.* Understanding dehumanization: The role of agency and communion // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. Vol. 77. № 77. P. 102–116. DOI:10.1016/j.jesp.2018.04.003
30. *Gaunt R.* Intergroup relations and the attribution of emotions: Control over memory for secondary emotions associated with ingroup or outgroup // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2002. Vol. 38. P. 508–514. DOI:10.1016/S0022-1031(02)00014-8
31. *Gaunt R.* Superordinate categorization as a moderator of mutual infrahumanization // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 731–746. DOI:10.1177/1368430209343297
32. *Giner-sorolla R., Russell P.S.* Not just disgust: Fear and anger also relate to intergroup dehumanization // *Collabra: Psychology*. 2019. Vol. 5. № 1. P. 1–21. DOI:10.1525/collabra.211
33. *Goff P.A., Eberhardt J.L., Williams M.J., Jackson M.C.* Not yet human: implicit knowledge, historical dehumanization, and contemporary consequences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 94. № 2. P. 292–306. DOI:10.1037/0022-3514.94.2.292
34. *Gwinn J.D., Judd C.M., Park B.* Less power = less human? Effects of power differentials on dehumanization // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 49. № 3. P. 464–470. DOI:10.1016/j.jesp.2013.01.005
35. *Harris L.T., Fiske S.T.* Dehumanizing the lowest of the low: Neuroimaging responses to extreme out-groups // *Psychological Science*. 2006. Vol. 17. № 10. P. 847–853. DOI:10.1111/j.1467-9280.2006.01793.x
36. *Haslam N.* Dehumanization: An integrative review // *Personal and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. № 3. P. 252–264. DOI:10.1207/s15327957pspr1003
37. *Haslam N., Bain P.* Humanizing the self: Moderators of the attribution of lesser humanness to others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 57–68. DOI:10.1177/0146167206293191

38. *Haslam N., Bain P., Douge L., Lee M., Bastian B.* More human than you: attributing humanness to self and others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 89. № 6. P. 937–950. DOI:10.1037/0022-3514.89.6.937
39. *Haslam N., Bastian B., Bissett M.* Essentialist beliefs about personality and their implications // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. Vol. 30. № 12. P. 1661–1673. DOI:10.1177/0146167204271182
40. *Haslam N., Loughnan S.* Dehumanization and infrahumanization // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. № 1. P. 399–423. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115045
41. *Haslam N., Loughnan S., Kashima Y., Bain P.* Attributing and denying humanness to others // *European Review of Social Psychology*. 2008. Vol. 19. № 1. P. 55–85. DOI:10.1080/10463280801981645
42. *Haslam N., Loughnan S., Sun P.* Beastly: What makes animal metaphors offensive? // *Journal of Language and Social Psychology*. 2011. Vol. 30. № 3. P. 311–325. DOI:10.1177/0261927X11407168
43. *Iatridis T.* Occupational status differences in attributions of uniquely human emotions // *British Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 52. № 3. P. 431–449. DOI:10.1111/j.2044-8309.2011.02094.x
44. *Jost J.T., Banaji M.R., Nosek B.A.* A Decade of System justification theory: Accumulated evidence of conscious and unconscious bolstering of the status quo // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. № 6. P. 881–919. DOI:10.1111/j.1467-9221.2004.00402.x
45. *Koval P., Laham S.M., Haslam N., Bastian B., Whelan J.A.* Our flaws are more human than yours // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. № 3. P. 283–295. DOI:10.1177/0146167211423777
46. *Leyens J.-P., Demoulin S., Vaes J., Gaunt R., Paladino P.M.* Infra-humanization: The wall of group differences // *Social Issues and Policy Review*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 139–172. DOI:10.1111/j.1751-2409.2007.00006.x
47. *Leyens J.P., Rodriguez-Perez A., Rodriguez-Torres R., Gaunt R., Paladino M.P., Vaes J., Demoulin S.* Psychological essentialism and the differential attribution of uniquely human emotions to ingroups and outgroups // *European Journal of Social Psychology*. 2001. Vol. 31. № 4. P. 395–411. DOI:10.1002/ejsp.50
48. *Leyens Jacques-Philippe, Paladino P.M., Rodriguez-Torres R., Vaes J., Demoulin S., Rodriguez-Perez A., Gaunt R.* The emotional side of prejudice: The attribution of secondary emotions to ingroups and outgroups // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Vol. 4. № 2. P. 186–197. DOI:10.1207/S15327957PSPR0402_06
49. *Loughnan S., Haslam N.* Animals and androids: Implicit associations between social categories and nonhumans // *Psychological Science*. 2007. Vol. 18. № 2. P. 116–122. DOI:10.1111/j.1467-9280.2007.01858.x
50. *Loughnan S., Haslam N., Kashima Y.* Understanding the relationship between attribute-based and metaphor-based dehumanization // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 747–762. DOI:10.1177/1368430209347726
51. *Martin J., Bennett M., Murray W.S.* A developmental study of the infrahumanization hypothesis // *British Journal of Developmental Psychology*. 2008. Vol. 26. P. 153–161. DOI:10.1348/026151007X216261
52. *Matsumoto D., Hwang H.S.* Culture and emotion: The integration of biological and cultural contributions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 1. P. 91–118. DOI:10.1177/0022022111420147
53. *Morris K.L., Goldenberg J., Boyd P.* Women as animals, women as objects: Evidence for two forms of objectification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44. № 9. P. 1302–1314. DOI:10.1177/0146167218765739
54. *Motyl M., Hart J., Pyszczynski T.* When animals attack: The effects of mortality salience, infrahumanization of violence, and authoritarianism on support for war // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. № 1. P. 200–203. DOI:10.1016/j.jesp.2009.08.012

55. *Paladino M.-P., Leyens J.-P., Rodriguez R., Rodriguez A., Gaunt R., Demoulin S.* Differential association of uniquely and non-uniquely human emotions with the ingroup and the outgroup // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2002. Vol. 5. № 2. P. 105–117. DOI:10.1177/13630202005002539
56. *Paladino M.P., Vaes J.* Ours is human: on the pervasiveness of infra-humanization in intergroup relations // *The British Journal of Social Psychology*. 2009. Vol. 48. P. 237–251. DOI:10.1348/014466608X322882
57. *Park J., Haslam N., Kashima Y.* Relational to the core: Lay theories of humanness in Australia, Japan, and Korea // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 5. P. 774–783. DOI:10.1177/0022022111414417
58. *Pereira C., Vala J., Leyens J.P.* From infra-humanization to discrimination: The mediation of symbolic threat needs egalitarian norms // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45. № 2. P. 336–344. DOI:10.1016/j.jesp.2008.10.010
59. *Prati F., Crisp R.J., Meleady R., Rubini M.* Humanizing outgroups through multiple categorization // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016. Vol. 42. № 4. P. 526–539. DOI:10.1177/0146167216636624
60. *Renger D., Mommert A., Renger S., Simon B.* When less equal is less human: Intragroup (dis) respect and the experience of being human // *Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 156. № 5. P. 553–563. DOI:10.1080/00224545.2015.1135865
61. *Rodriguez-Perez A., Delgado-Rodriguez N., Betancor-Rodriguez V., Leyens J.P., Vaes J.* Infra-humanization of outgroups throughout the world. The role of similarity, intergroup friendship, knowledge of the outgroup, and status // *Anales De Psicologia*. 2011. Vol. 27. № 3. P. 679–687.
62. *Rothbart M., Taylor M.* Category labels and social reality: Do we view social categories as natural kinds? // *Language, Interaction and Social Cognition* / In G.R. Semin, K. Fiedler (Eds.). Sage Publications. 1992. P. 11–36. DOI:10.1002/casp.2450040509
63. *Rozin P., Haidt J., McCauley C.R.* Disgust // *Handbook of Social Psychology* / In S.T. Fiske, D.T. Gilbert, G. Lindzey (Eds.). Wiley, 2010. Vol. 5. P. 797–832.
64. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *The psychology of intergroup relations* / In S. Worchel, W.G. Austin (Eds.). Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
65. *Tam T., Hewstone M., Cairns E., Tausch N., Maio G., Kenworthy J.* The impact of intergroup emotions on forgiveness in Northern Ireland // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. P. 119–136. DOI:10.1177/1368430207071345
66. *Terskova M.A., Agadullina E.R.* Dehumanization of dirty workers and attitudes toward social support // *Journal of Applied Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 12. P. 767–777. DOI:10.1111/jasp.12633
67. *Unkelbach C., Fiedler K., Bayer M., Stegmüller M., Danner D.* Why positive information is processed faster: The density hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 36–49. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.36
68. *Vaes J., Heflick N.A., Goldenberg J.L.* “We are people”: Ingroup humanization as an existential defense // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98. № 5. P. 750–760. DOI:10.1037/a0017658
69. *Vaes J., Leyens J.P., Paladino M.P., Miranda M.P.* We are human, they are not: Driving forces behind outgroup dehumanisation and the humanisation of the ingroup // *European Review of Social Psychology*. 2012. Vol. 23. № 1. P. 64–106. DOI:10.1080/10463283.2012.665250
70. *Vaes J., Paladino M.P.* The uniquely human content of stereotypes // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2010. Vol. 13. № 1. P. 23–39. DOI:10.1177/1368430209347331
71. *Vaes J., Paladino P., Puvia E.* Are sexualized women complete human beings? Why men and women dehumanize sexually objectified women // *European Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 41. № 6. P. 774–785. DOI:10.1002/ejsp.824

72. Viki G.T., Abrams D. Infra-humanization: Ambivalent sexism and the attribution of primary and secondary emotions to women // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2003. Vol. 39. № 5. P. 492–499. DOI:10.1016/S0022-1031(03)00031-3
73. Viki G.T., Fullerton I., Raggett H., Tait F., Wiltshire S. The role of dehumanization in attitudes toward the social exclusion and rehabilitation of sex offenders // *Journal of Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 42. № 10. P. 2349–2367. DOI:10.1111/j.1559-1816.2012.00944.x
74. Weisel O., Bohm R. “Ingroup love” and “outgroup hate” in intergroup conflict between natural groups // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. Vol. 60. P. 110–120. DOI:10.1016/j.jesp.2015.04.008
75. Wohl M.J.A., Hornsey M.J., Bennett S.H. Why group apologies succeed and fail: Intergroup forgiveness and the role of primary and secondary emotions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102. № 2. P. 306–322. DOI:10.1037/a0024838
76. Zebel S., Zimmermann A., Tendayi Viki G., Doosje B. Dehumanization and guilt as distinct but related predictors of support for reparation policies // *Political Psychology*. 2008. Vol. 29. № 2. P. 193–219. DOI:10.1111/j.1467-9221.2008.00623.x

Информация об авторах

Агадуллина Елена Рафиковна, кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Information about the authors

Elena R. Agadullina, PhD, Associate Professor, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Получена 11.05.2020

Принята в печать 08.04.2021

Received 11.05.2020

Accepted 08.04.2021

Dynamics in the Contents of Self-Stereotyping and its Implication in Inter-Group Relations

Ahmed M. Dawd

Ankara Yildirim Beyazit University, Ankara, Turkey;

Jigjiga University Psychology, Jigjiga, Ethiopia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3030-7017>, e-mail: 165222404@ybu.edu.tr

Faqih Y.K. Oumar

Ankara Yildirim Beyazit University, Ankara, Turkey;

Al-Munawwarah college, Mombasa, Kenya

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0844-6405>, e-mail: 165222405@ybu.edu.tr

Cem S. Cukur

Ankara Yildirim Beyazit University, Ankara, Turkey

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0213-489X>, e-mail: cemsafak@yahoo.com

Objectives. *Developing a comprehensive model to understand intergroup relationship through integrating two constructs usually used to be examined discretely; self-stereotyping and stereotyping.*

Background. *Today's understanding of intergroup behavior is firmly grounded in concepts related to stereotypes. In literature, apparently, there are, two dominant approaches in studying stereotype's effect on intergroup relations. The first approach focuses on the effect of dominant group's stereotype on intergroup relation, while the second approach focuses on studying the impacts of self-stereotyping on victims. Furthermore, minority groups' self-stereotyping is considered to be derived from the dominant groups' stereotype. As a result, the prevailing approaches are insensitive to the dynamics in self-stereotype and its implication to the intergroup relationship. In this article, it is claimed that the etiology of intergroup behavior could be better understood by considering a mutually interacting groups' perspective.*

Methodology. *Systematic approach of reviewing the prevailing literature pertaining to stereotyping and self-stereotyping and integrative analysis method to develop new perspective.*

Conclusion. *Intergroup relation involves the interaction of two or more groups each of them having stereotypes regarding their own group and outgroup. Thus, in this paper, we argued that, the etiology of intergroup behavior cannot be adequately understood without employing the belief system of mutually interacting groups. Hence, we integrated self-stereotyping and other's stereotypes and the behaviors that emerge during intergroup relations is predicted using the dynamics in the content/valence of minority group members' self-stereotyping simultaneously with the dominant groups' stereotype. The integration of these two approaches appears to offer the most adequate explanation for the complex nature of intergroup behavior.*

Keywords: *self-stereotyping, other's stereotype, intergroup behavior.*

For citation: Dawd A.M., Oumar F.Y.K., Cukur C.S. Dynamics in the Contents of Self-Stereotyping and its Implication in Inter-Group Relations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120202>

Влияние динамики содержания стереотипов о себе на межгрупповые отношения

Дауд Ахмед М.

Университет Анкары Йилдирым Бязит, г. Анкара, Турция;

университет Джигджига, г. Джигджига, Эфиопия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3030-7017>, e-mail: 165222404@ybu.edu.tr

Омар Факих Ю.К.

Университет Анкары Йилдирым Бязит, г. Анкара, Турция;

Колледж Аль-Мановара, г. Момабаза, Кения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0844-6405>, e-mail: 165222405@ybu.edu.tr

Цукур Джем Сафар

Университет Анкары Йилдирым Бязит, г. Анкара, Турция

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0213-489X>, e-mail: cemsafak@yahoo.com

Цель. Разработка комплексной модели межгрупповых отношений путем интеграции двух различных концепций: формирования стереотипов о себе и стереотипов о других.

Контекст и актуальность. Современное понимание межгруппового поведения прочно основано на концепциях, связанных со стереотипами. Очевидно, в литературе доминируют два подхода к изучению влияния стереотипов на межгрупповые отношения. Первый подход фокусируется на влиянии стереотипа доминирующей группы на межгрупповые отношения, тогда как второй подход фокусируется на изучении воздействия стереотипов о себе как о жертвах этих стереотипов. Кроме того, стереотипы о себе в группах меньшинств считаются производными от стереотипов доминирующих групп. В результате преобладающие подходы не рассматривают динамику стереотипа о себе и ее влияние на межгрупповые отношения. В статье утверждается, что этиологию межгруппового поведения можно лучше понять, рассматривая точки зрения взаимодействующих групп.

Методология. Системный подход к обзору литературы, рассматривающей стереотипы о других и о себе, и метод интегративного анализа для разработки нового подхода.

Вывод. Межгрупповые отношения предполагают взаимодействие двух или более групп, у каждой из которых имеются стереотипы относительно своей собственной группы и внешней группы. В этой статье утверждается, что этиология межгруппового поведения не может быть адекватно понята без знания системы убеждений взаимодействующих групп. Исходя из этого, объединены исследования стереотипов о себе и стереотипов о других. Комплексное рассмотрение динамики содержания/валентности стереотипов о себе членов группы меньшинств, с одной стороны, и стереотипов доминирующих групп — с другой, позволяет прогнозировать различные формы поведения членов групп, которые возникают во время межгруппового взаимодействия. Объединение этих двух подходов, по видимому, обеспечивает наиболее адекватное объяснение сложной природы межгруппового поведения.

Ключевые слова: стереотипы о себе, стереотипы о других, межгрупповое поведение.

Для цитаты: Дауд А.М., Омар Ф.Ю.К., Цукур Д.С. Влияние динамики содержания стереотипов о себе на межгрупповые отношения // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120202>

Introduction

Despite progress in the democratization process and human rights movements, conflicts between social groups are costing human life and causing material destruction [21]. It is common to witness conflicts arising among various social groups which have aversive consequences ranging from minor disagreement to waging war. How ostensibly civilized individuals act cruelly toward members of out-groups? What factors precipitate intergroup antagonism? In the field of social psychology, the concept of stereotype and prejudice had partly been suggested to have some answers for such questions [11; 90].

Since Lippman [1922] introduced the word stereotype in the field of social sciences, it has got huge scholarly attention [e.g., 7; 18; 78]. As scholars indicated the concept of stereotype and prejudice are among the dominant explanations social psychologists use to explain the negative interaction between groups [11]. Stereotypes are commonly defined as beliefs that associate a certain group of people with definite traits [8; 40]. As numerous studies depicted, the content of stereotype also consists of different qualities such as physical features, role behaviors, occupational preferences, and values [e.g., 15; 34; 66]. Various theories were designed to speculate how stereotype develops and how it affects intergroup relationship. The prominent theories in social psychology proposed different causes which can be grouped into four categories; personality, resource competition, cognitive and motivational factors. For some theories, such as Adorno's authoritarian personality theory and social dominance orientation theory, stereotype is a product of specific personality traits [8; 60]. For Sherif's realistic conflict theory, stereotype is developed due to competition on real or perceived

limited resource [22; 67]. On the other hand, social identity theory together with self-categorization theory indicated a cognitive and motivational base of stereotype. The theories conceptualized stereotype as a product of a need for categorization and motivation to achieve positive self-esteem [24; 79; 83; 88]. The theory indicated that, it is human tendency to categorize groups as "in group" and "outgroup", thereby planting the seed for favoring an ingroup and stereotyping the outgroup. In general, whatever the causes are, stereotypic beliefs are considered to have an evaluative function; they are used as standard according to which unavoidable roles, features, traits, and status are assigned for different groups. Such beliefs, consequently, legitimize any action taken by dominant group against anyone trying to step out from the ascribed standards. As Hamilton [27] summarized, negative stereotypes nurture hatred by engendering expectations of undesirable deeds from the out-group, by affecting perceptions and interpretation of their action and by justifying measures taken to harm them. Empirical studies had lent support to the above argument. For instance, studies on criminal justices revealed that, stereotype damages the juries' ability to make a correct decision in capital punishment [19] and the magnitude of racial bias in a decision to shoot [12]. Overall, the various studies on stereotype has one thing in common; they tend to predict intergroup behavior relying on the dominant group's stereotype.

Though this approach is plausible, there are two main limitations that call for a need to reexamine the prevailing approach. First, the existing approach relies mainly on the dominant group's stereotype to predict intergroup behavior. In stereotype literature, almost all theories and studies tried to see stereotypes from one angle (either from the actor or the target perspective) [e.g.,

11]. The assumption rests on the premise that studying the nature of the dominant group's stereotype helps to predict intergroup behavior. For instance, most studies on stereotype use the method of Katz and Braly [41] [e.g., 25]. Such as, studies in racial discrimination examine how White's negative stereotype towards Blacks affect their behavior towards Black [12; 18; 19]. However, relying on such approach, it is difficult to answer the question why intergroup conflict and tension rising [43] despite the positive progress in the reduction of stereotype in the majority society [17]? If we adopt the one side analysis of stereotype, surely conflicts should be high in times where negative stereotypes were high. The other limitation is related to the conflicting findings on the role of stereotype to predict the nature of intergroup behavior. Irrespective of the availability of mass of studies, the role stereotype plays to predict intergroup behavior is still in question [80]. In one classical review study, Brigham [7] indicated that results in predicting ethnic discrimination using stereotypes are inconsistent and far from certain.

Taken as a whole, without casting doubt on the relevance of the prevailing approach, we believe that predicting intergroup behavior using a similar perspective is, however, inadequate. As Otten [56] indicated, in the existing literature, the mutual impact of interacting groups is not properly considered. Thus, in this paper, we have tried to highlight the need of incorporating the dynamics in the valence of self-stereotyping among the minority groups simultaneously with the nature of the dominant groups' stereotype to fully address those limitations stated above. Before proceeding to the proposed model, it is important to shed light on some concepts related to self-stereotype.

As we perceive the other group, we also perceive our own group. Like the way we

attribute different traits, values, features or roles to other groups, we also do the same thing for our own group. Of the various traits, roles or values assigned to a group some are considered as a standard or prototype of the group. Thus, group prototype is a fuzzy set of attributes that integrate the most defining features of the group which differentiate it from relevant out group [31]. Accordingly, ingroup prototype is, therefore, an exemplar that incorporates the traits, roles or values perceived to be typical to an ingroup [32]. Ingroup prototypes are central to how we understand our own group and how we evaluate others [31]. Since individuals have relatively close contact with their own group, through self-categorization and socialization, the prototype of the ingroup assimilate with the self and become part of the individual's self-concept [6; 31; 36; 51; 84]. Self-stereotype is, therefore, a process whereby individual group members come to perceive themselves as similar or interchangeable to the typical in-group members [6; 51; 84]. Hence, self-stereotype involves perception of oneself as member of a certain social group and a tendency to behave according to the attributes attached to that group [33; 49]. Studies indicated that self-stereotype is higher among individuals with high group identification [54; 85].

It does not mean, however, that individuals always internalize ingroup prototype. There are instances wherein individuals go through selective self-stereotyping. For instance, Oswald and Lindstedt [55] posited that, even though participants accept both positive and negative ingroup prototypes, they embrace selectively the positive attributes to the self. Thus, while ingroup prototype incorporates perceived main traits group members attribute to their group, self-stereotype focuses on the overlap between self and ingroup prototype [45].

Though both concepts are closely related and have influence on individual's behavior, in this paper, primary focus is given to self-stereotyping.

Basically, self-stereotyping exists irrespective of the status of the groups [see 77]. Researches, however, indicated that the tendency to self-stereotyping is relatively high among low status than among majority groups [10; 49; 70]. Self-stereotype can be positive or negative [e.g., 5; 33; 70]. However, not all positive traits are equally relevant to in-group. As Phalet and Poppe [59] indicated traits related to competence (such as intelligence, confidence, assertiveness, and competence) are more important to an in-group than traits related to warm (such as humble, sociable, and trustworthy). Competence related traits are self-benefiting traits whereas warm related traits are considered as compensatory traits that are mostly given to minorities [59; 92]. For example, females are perceived as humble and soft but lack confidence and assertiveness. Thus, though self-stereotyping comprises of warm or competence traits, the focus of this paper will be on the dynamics in the competence related self-stereotyping of the minorities.

Numerous studies pointed out the pernicious effects of negative self-stereotype among minority group members. Studies demonstrated that when self-stereotype is activated, minorities perform low in various domains; such as in math [65; 74], in athletics [77], memory and cognitive tasks [47], and overall academic achievement [35].

There is, however, one important gap in the prevailing approaches to self-stereotype; i.e. considering the effects of self-stereotyping to be exclusively confined on one group (either minority or dominant group members). Mostly, for example, self-stereotype has been seen as a condition where members of minority groups internalize

the negative prototypes assigned to their group by the dominant culture [e.g., 44]. Such assumptions motivated scholars to invest their efforts on identifying the negative impacts of self-stereotyping on minority group members. That is why we do have plenty of studies on stereotype threat; fear of confirming to the negative social stereotype often arises because of being conscious of the stereotype tied to an in-group [74; 89]. As a result, the scholars were engrossed with the impacts of negative self-stereotype on the minorities' performance-related behavior [see, 1; 35; 47; 77].

Without casting any doubt on the contributions of such studies, it is possible to say that such assumptions are partly a reason for the dearth of studies on how self-stereotype affects the nature intergroup relations. All the effects of self-stereotype are perceived to be limited only on victims either from minority or majority group members. Nevertheless, it is important to point out that it is not always that individuals from minority groups evaluate themselves through the revelation of the dominant group. It is evidenced that, minorities, more often than not, reject the previously negative stereotype attributed to their group and develop their own positive self-evaluation. For instance, Brigham [7] indicated how black Americans start redefining the negative group evaluation and developing a more positive group identity. More importantly, in our contemporary world, wherein educational advancement, widespread civil right movements, and socio-economic change among minorities are prevalent, such change in the valence of self-stereotype can be particularly high [91]. Note that objective socio-structure improvement are not necessary condition for development of positive group identity. Studies indicated that subliminal priming or cognitive broadening strategies were enough

for minority groups to ameliorate the negative self-stereotype. For instance, empirical studies indicated that taking Barak Obama as a positive exemplar helps African American participants to ameliorate the negative self-stereotyping and perceive an overlap between them and Whites [63; 71].

What kind of behavioral change could such change bring among the minority group members? How is such change perceived by the dominant out-group? What will be its implications for the intergroup relationship? Answering these requires us to examine the mutual effects of self-stereotype and others' stereotypes in the nature of intergroup relations. Unlike the previous approach, in this paper, the focus is given on how a change in the content and valence of self-stereotype affects the behavior of the minority group members and how the majority out-group members perceive such change and react to it. Shortly, in this paper, an attempt is made to show how the etiology of intergroup behavior is properly understood by using the belief systems of mutually interacting groups than through relying solely on one side view.

As long as intergroup relation involves the interaction of two or more groups, the behavior, thereof, can be better predicted by examining how the two sides' belief systems interact. Examining self-stereotype and other's stereotypes simultaneously allows us to inspect how these two concepts mutually reinforce each other and how intergroup behavior results through the reciprocal effect of these two concepts. Literature on the concept of meta-stereotype give us conceptual support for the proposed model. As Otten [56] stressed the concept of meta-stereotyping acknowledges the necessity of considering not only the actors' and/or victims' perspectives, but also the mutual effects of interacting groups. Meta-stereotype theory clearly indicated how

intergroup relation is also a product of the stereotype individuals hold regarding how their group is characterized by relevant outgroup [42; 86]. For instance, as Torres and Charles [82] indicated majority of Black students are aware of the stereotype Whites have about Blacks. Likewise, studies showed that Whites also have a perception regarding on how others view their group [87]. Studies indicated that such image of an ingroup perceived to be held by outgroup has an effect on how individuals appraise an ingroup and outgroup [42]. For instance, studies suggested the negative meta-stereotypes role in increasing intergroup anxiety and a proclivity to avoid contact with outgroup [23; 26]. Besides, negative meta-stereotypes may also lead high identifiers to reciprocally develop negative stereotype towards an outgroup [57]. Hence, literature in the area of meta-stereotyping gives us clue on how self-stereotyping and outgroup stereotyping connected and mutually reinforce each other. Nevertheless, meta-stereotype literature did not consider the dynamics in self-stereotyping and other's stereotype in their conceptualization of factors affecting intergroup relationship. Hence, in this model, the valence of these two constructs is used to show how intergroup behavior can be better predicted.

As it is stated above, minority group members may internalize the negative stereotype attributed to their group or redefine and develop their own positive self-stereotypes. Likewise, the negative stereotype of the dominant out-group may also be improved through time and incorporate positive stereotypes towards minorities or remain unchanged. Hence, in intergroup relationship, there are conditions wherein the self-stereotype of the minority group and other's stereotypes are congruent (Positive-Positive or Negative-Negative). This is when the self-stereotype of the minority

group members is similar in valence with the stereotype of the majority group about the minority group on salient dimensions. However, what is most likely is the condition in which self-stereotype and other's stereotypes are incongruent (Positive-Negative respectively), an issue presented in greater detail in the following paragraph.

Positive Self-Stereotype – Negative Other's Stereotype

In a society wherein different groups are living together, positive self-stereotype among the minority group and negative stereotype among the majority group mostly arise when the traits, roles, values or attributes are relevant to both groups [6]. This is particularly true when the traits are related to competence. This is because, traits related to competence are relevant to the self (the ingroup) [25; 59]. Hence, each group inclines to attribute such traits to their group. That is why, in most cases, the majority groups negatively stereotype minorities on attributes related to competence while they are generous in traits related to warmth. As it is explained above, due to various reasons, individuals from minority groups sometimes ameliorate their negative view about themselves and develop a more positive one. This makes the first combination of this model; a positive-negative combination of self-stereotype and other's stereotype respectively. This incongruence in the belief of the two groups can result in negative intergroup interaction. To understand how negative intergroup interaction occurs, it is important to separately examine what kind of behavior positive self-stereotype and negative other's stereotype can produce and how the produced behavior affect intergroup relation.

The rise of positive self-stereotyping among minority group members not only

help them to neutralize the negative effects of stereotype threat but also contribute to the rise of various new interests. Studies indicated that behavioral outcomes of positive and negative self-stereotype are motivationally distinct. The motivation behind negative self-stereotype is prevention focus that instigates avoiding strategies, while positive self-stereotypic belief enhances promotion focus state of eagerness that motivates people towards accomplishment [68]. As Higgins [29] indicated the reference points individuals use while promotion focus regulation stresses on matching the desired endpoint, the motive of prevention focus regulation is to move oneself as away as possible from the undesired reference point. Hence, a belief that "women are good at verbal tasks" stipulates positive endstate that needs to be approached by women. In contrast, a belief that "women are poor in maths" specifies a negative outcome that has to be avoided. Similar to the previous studies, Seibt and Förster's [68] study confined the effect of self-stereotype only to minority groups' performance-related outcomes. They did not examine its implications on intergroup relations.

Positive self-stereotype in traits related to competence induces positive reference endpoints among minority members, that in turn, instigate, a sense of power and a need to achieve a better position. This means, perceiving an in-group as good in intelligence, assertiveness, and other related traits initiate a need for equal share in state power and resource distributions. Such needs will be further strengthened when individuals perceive an overlap between self and ingroup prototypes. Mostly the need and motivation of minority group members created through positive self-stereotype are against endorsing the negative attributes ascribed to them by the dominant culture. Such changes cultivate unusual needs and

behavior among minorities' leading them to be perceived by dominant group as a potential threat to the status quo. The dominant out-group members are, subsequently initiated to stand against the action of the minority groups. In such interaction, therefore, negative behavior like interpersonal and intergroup conflicts, hostility, tension [6] and in extreme cases intergroup war is expected to occur.

Note that, our proposition about perceived threat resulting from positive self-stereotyping and negative other's stereotyping is somewhat connected with Intergroup Threat Theory (ITT). Generally, ITT attempts to describe two components of perceived threat; realistic and symbolic threat, and their aversive impact on occurrence of prejudice in intergroup relation [76]. The theory posits occurrence of perceived threat relying mainly on in-group's view toward outgroup [see 62]. Consequently, the theory uses individual level factors (such as personality) and situational factors (such as ingroup-outgroup size difference, historical inequalities) as causes to the development of perceived threat between groups [76]. However, the theory did not consider the role of the dynamics in the content of self-stereotyping in developing perceived threats between groups. In this model, we postulate that an increase in positive competence related self-stereotyping spark different new interests among minority groups such as equal representation. When such interests coupled with negative meta-stereotyping, the tendency to perceive the dominant group as a threat increase. On the other hand, we argue that, the new interests among the minority groups will increase the dominant group members' tendency to perceive the minorities as realistic/symbolic threat. We suggest that, the tendency to perceive the minority groups as a potential threat will

be high when the dominant group members hold negative stereotype about the minorities. Hence, the perceived threat, in our model, is a concomitant reflection of beliefs changing take place simultaneously in both in-group and outgroup.

We propose that, the specific negative behavior expected to occur during positive self-stereotype and negative other's stereotype mainly depends on two factors; group size/power and education. At least two different sociodemographics exist in terms of the group size difference between the majority and minority groups. The first is a condition in which there is an absolute majority (dominant group) in terms of group size and power. In such society, when the minority group has a positive self-stereotype while the majority group has negative stereotypes towards the minority in relevant dimensions, negative interaction is expected to occur. This negative intergroup behavior can involve active harm such as verbal harassments and hate crimes or passive harm activities such as opposing affirmative action, health care services, and housing to minority groups [13].

Interracial relations in the USA during and after Obama's presidency can be a good example of this. When Obama won the 2008 presidential election, there was big enthusiasm that he will bring an end to racial discrimination [16]. Quite on the contrary, intergroup interaction became more racial and race-based hate crimes increased. For example, different studies revealed heightened ingroup favoritism [20], opposing health care policy and different affirmative actions [81] among Whites during and after Obama's presidency than the period of President Clinton. The negative attitude of the Whites' against affirmative action could be explained from the point of group interest [see 50]. It seems quite expected for the privileged groups to oppose actions that are

not in favor of their group's interest. Such an explanation, however, could not explain why the Whites' attitude towards affirmative action is different before and after Obama's election. Furthermore, an increase in hate crime against Blacks, interracial tensions, and rising number of hate groups like KKK and Black separatist also reported [53; 73].

Why most Whites who were supporting affirmative action for minorities turn out opposing it? Why is such kind of hate crimes against Africa Americans increased following the coming of Obama in the presidential palace? What is most striking is, such hate crime increased amid the reduction of negative stereotype among the majority White communities [3]. Though it is difficult to find out a single cause for such a problem, the reason for this can be explained by examining how Obama's election affect the self-stereotype of Black minorities and the negative stereotype of White majorities towards Blacks. Empirical studies indicated that positive exemplars can ameliorate the stigmatized person's self-perception [48]. As Rivera and Benitez [63] indicated exposure to a positive role model like Obama helps Africa American participants to change their mental representation of their group and attenuate negative self-stereotyping. On the contrary, as study indicated priming White participants using President Obama as a racial trailblazer provoke group threat and result in an increase in racial bias among participants with low internal motivation to respond without prejudice [71]. This is because the election of Obama may signify a threat to the status and power historically controlled by Whites in the country. The feeling of threat among dominant out-groups instigates in-group favoritism and out-group derogation. Thus, the change exhibited among White majorities during and after Obama's election can be attributed to the dynamics of

self-stereotyping among African Americans and negative stereotype the White majorities have about African Americans.

The second condition is when there is no absolute majority in terms of group size. Various studies have already indicated the effect of group-size in intergroup relations [e.g., 14; 52; 61]. Nevertheless, in a heterogeneous society, when we talk about groups, mostly we are talking about groups who were living in harmony for long. Thus, relying merely on group size, it is difficult to answer why groups who were living peacefully for years get into bloody conflicts? However, exploring the dynamics of self-stereotype among minority groups together with the negative stereotype of the majority help us to solve this puzzle.

As it is stated above, the rise of positive self-stereotypes instigates new needs and motivations among minority group members, which in turn, initiates a feeling of threat among the majority group members. Symmetricity of the group size further reinforces minority group members' motivations towards attaining the desired end state, while it further escalates the majority group members' tendency to perceive the minority as a potential threat [14]. Thus, the dominant group perceive any act which aims to minimize the gap between the dominant and subordinate group as threat to their social status [69]. This motivates the majority group members to react negatively and to take measures that restrict the action of the minority group [61]. Such actions could make minority group members feel deprived of something which is rightfully theirs thereby, commencing a need to overturn the existing status quo among the minority group. This can lead to the creation of different resistance movements [79]. This further motivates the dominant group to react in a more intolerant and discriminatory fashion [65; 69]. Such conditions could potentially put

both groups into an ever-escalating vicious cycle of tensions and conflicts. Harris and Fiske [28] stated that such conditions can cause overt conflict between the groups. In a heterogeneous society, such confrontation can lead to ethnic politics and conflicts between ethnic groups as is the case in different countries in Africa.

The second factor which moderates the positive-negative combination of self-stereotype and other's stereotype is education. Roughly speaking, education is believed to have a liberalizing effect on various irrational and undemocratic attitudes against race, religion, and other social groups [39; 91]. Advancement in education is, therefore, expected to attenuate negative stereotypes thereby promoting a genuine commitment to equality between social groups [91]. Empirical findings, however, suggested a conflicting result regarding the effects of education on racial attitude. Studies echoing the enlightenment approach suggested the positive role education could play in attenuating prejudice and discrimination, while studies in ideological refinement perspective posited the role education plays in maintaining inequalities and unfair privileges [91]. To understand the role of education on racial attitudes and discriminations, we suggest, it is important to consider the different effect education plays among the minority and majority groups.

Education affects minority and majority groups differently [38]. Education can strengthen the positive self-stereotype of the minority groups through increasing group consciousness. For example, the teaching of civil right, morality, equality, and related concepts help minority group members to enhance their perception about their group and sensitivity to injustices in the existing status quo. For instance, Kane [38] indicated that education has a positive effect on females' gender-related attitudes.

He further stated that advancement in education enlightens, empowers, and initiates group interest among females. Similarly, Wodtke [91] stated that advancement in education is positively related to perceiving discriminations and rejecting negative attributes attached to their group among Black minorities. Group consciousness which rises through education enhances the salience of group identity and the motive to strive for their group interests. As a study by Hogg and Turner [33] indicated, the salience of group identity enhances positive belief among minorities' by flaring the positive attribute they attach to their own group or by discounting the previously endorsed negative stereotypic belief.

Generally, advancement in education also contributes to reducing the negative stereotype of the majority group about the minority [4; 38; 39; 91]. Despite this, some studies indicated that education is negatively associated with a tendency to support affirmative action among dominant groups [39; 91]. Why the positive change in stereotype did not translate into a positive tendency to affirmative action? To answer this, we suggest considering two important things. The first is related to the perception of the minority as a threat. As it is stated above, need and motivations of the minority group members developed out of the positive self-stereotyping can instigate a feeling of threat among the majority group. Educational advancement paved a way for minority group members to join positions formerly exclusively controlled by the dominant groups. More importantly, the competitiveness of the minorities in the labor market makes educated majority group members feel threatened. This could make educated members of dominant group to respond in a more sophisticated way for such threats. Such behavior can be manifested through opposing affirmative action by the name of

supporting meritocracy and individualism or supporting conservative political parties with right-wing populist ideology.

The second is related to the nature of change education could bring. Change through education on the stereotypic belief of the majority groups is not basically beneficial to the ingroup. It requires them to give up the privileges they possessed for years. There is no incentive that could pull them towards the change. Hence, the transformation would be very slow and challenging. On the other hand, however, change in the belief of minorities is basically positive to the ingroup. Thus, the pace of change among the minority group members would be fast while it is sluggish among the majority group member. This results in an uneven rate of change between minorities and majority group members. This could lead the majority group members to relapse into a negative stereotype and discriminations, but at this time, in a more subtle way. As it is stated above, these can be expressed by endorsing the principle of racial equality but opposing any practical steps taken to bring it into reality [see 58]. The uneven rate of change in stereotype, therefore, may give rise to aversive or ambivalent racism and hostile intergroup relationship which is common in our modern society. A good example of this can be the challenge of educated females mostly in developing countries. Education is contributing to the development of positive views among females regarding their gender [38]. Such changes among females are often confronted by a negative and hostile reaction from the society [e.g., 25].

Negative Self-Stereotype – Negative Other’s Stereotype

Sometimes the minority group members could internalize the negative prototypes

attached to their group by the dominant culture [7; 30]. This creates a condition in which minority group members with negative self-stereotype interact with majority groups that have negative stereotypes about the minority group. Studies indicated that a long-term exposure to negative stereotypes may lead a dysfunctional self-schema (women are not good in science) to develop among minority group members [60]. As it is discussed above, most of the studies in stereotype and self-stereotype address this combination. However, none of them examined how these two beliefs interact and reinforce each other.

There are two main ways in which internalizing negative stereotypes affect intergroup relations. The first is related to its negative effect on minority groups’ performance. Stereotype threat theory posits that internalizing negative stereotypes leads to underperformance among minority group members. This is because, awareness of the negative stereotype attributed to one’s group puts an individual into the anxiety of confirming the stereotype, that could hijack the effective functioning of the cognitive system [74; 75]. As studies indicated, such negative self-stereotype could lead minorities to perform low in some relevant fields [75]. Low achievement or fear of poor performance can push minorities to avoid positions, fields of studies or any areas they think they will underperform [see 9; 72]. This further validates the negative stereotype of the outgroup, thereby contributing to the stability of the existing difference between the groups [2].

The second way in which negative self-stereotype affect intergroup relation is related to its effect on the tendency to justify the system. When disadvantaged group members perceive their groups as possessing low agentic traits as compared to the outgroup, the propensity to appraise the

inequality between the groups as fair and legitimate will be high [2]. For example, Jost and Kay [37] indicated that exposing females to benevolent gender stereotype increases female's support of the existing system. Similarly, experimental finding indicated that female participants judge the system as legitimate when they see themselves using communal stereotypes than when they see themselves using agentic stereotypes [46]. The implication of these studies is that the more females appraise their group using communal stereotypical traits, the more they incline to the prescribed gender roles than those who assume masculine roles. Strengthening this, study showed that reminding female participants about typical female stereotypic traits such as ineffectiveness and irrationality, led female participants to avoid performance-oriented tasks [72].

Overall, it is possible to argue that the behavior of the minority group instigated by negative self-stereotyping matches with the expectations of the majority group. Hence, the roles minority group might play, a status they might claim, all that, in a real sense, will be in line with the prescribed boundary of dominant group stereotype. Thus, the majority group members will not perceive the behavior of the minority group as a threat. Such negative self-stereotype and negative other's stereotype combination can result in paternalistic stereotypic behavior such as sympathy and pity related behaviors during intergroup relations. However, since the basis of such stereotype lays on the assumption that minorities are inferior in some traits, it consequently yields negative behaviors like discrimination, deprivation of rights and disrespect to the minority group. Though these bear negative outcomes to the minorities, the behavior expected to occur at intergroup level, however, will not be hostile. That is

because, since the behavior of the minority group is congruent with the belief of the majority group, no hate crimes and conflicts at intergroup level is expected.

Conclusion

The concept of stereotype is an indispensable construct in research on intergroup relations. The dominant assumption regarding the prediction of intergroup behavior still rests on the concept of stereotype. The literature, to date, has predominantly focused on measuring the stereotype of the majority group to predict intergroup behavior. The underlying assumption is that negative stereotype predicts negative behavior while positive stereotype predicts positive behavior between groups. On the other hand, the prevailing literature limited the effect of self-stereotype only on the behavior of the victims mostly minority group members. While much is known about the pernicious effects of self-stereotype, no emphasis was given to the dynamics of self-stereotype and its implication to intergroup relation. Thus, under this paper, we have argued that the etiology of intergroup behavior cannot be adequately understood without employing the belief system of mutually interacting groups. It is apparent from the above discussion that intergroup behavior is better predicted not through measuring the stereotype of one group but by examining the reciprocal effects of majority and minority groups' belief system. Furthermore, this model suggests that the dynamics in self-stereotyping among the minority group affect not only the behavior of the minority group members but also the stereotype of the majority groups, too. Hence, the integration of self-stereotyping and other's stereotypes appears to offer the most adequate explanation for the complex

nature of intergroup behavior. Generally, it is suggested that when self-stereotyping and other's stereotypes are congruent in valence, there will not be pushing factors for social change and the dominant-subordinate status quo is not to be challenged. However, an incongruent combination of self-stereotyping and other's stereotype

creates a conflict of interests between the groups which perpetuate the existing prejudice and discriminations, thereby, sowing the seed of negative competitions. Such situations can potentially impair trust and cooperation between groups and put them into an ever-escalating vicious cycle of tensions and conflicts.

References

1. Aronson J., Lustina M.J., Good C., Keough K., Steele C.M., Brown J. When white men can't do math: Necessary and sufficient factors in stereotype threat. *Journal of experimental social psychology*, 1999. Vol. 35, no. 1, pp. 29–46. DOI:10.1006/jesp.1998.1371
2. Bell A.C., Burkley M. “Women Like Me Are Bad at Math”: The Psychological Functions of Negative Self-Stereotyping. *Social and Personality Psychology Compass*, 2014. Vol. 8, no. 12, pp. 708–720. DOI:10.1111/spc3.12145
3. Bernstein M.J., Young S.G., Claypool H.M. Is Obama's win a gain for Blacks?: Changes in implicit racial prejudice following the 2008 election. *Social Psychology*, 2010. Vol. 41, no. 3, pp. 147–151. DOI:10.1027/1864-9335/a000021
4. Best D.L., Williams J.E. Masculinity and femininity in the self and ideal self-descriptions of university students in 14 countries. In Hofstede G. (ed.). *Masculinity and femininity: The taboo dimension of national cultures*, SAGE publication, 1998. Vol. 3, pp. 106–116.
5. Biernat M., Vescio T.K., Green M.L. Selective self-stereotyping. *Journal of personality and social psychology*, 1996. Vol. 71, no. 6, pp. 1194–1209. DOI:10.1037/0022-3514.71.6.1194
6. Brewer M.B. Ingroup identification and intergroup conflict. In Ashmore R.D., Jussim L.J., Wilder D. (ed.). *Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction*, Oxford University Press on Demand, 2001. Vol. 3, pp. 17–41.
7. Brigham J.C. Ethnic stereotypes. *Psychological bulletin*, 1971. Vol. 76, no. 1, pp. 15–38. DOI:10.1037/h0031446
8. Brown R. *Prejudice: Its social psychology*. Malaysia: John Wiley & Sons, 2010.
9. Burkley M., Andrade A., Stermer S.P., Bell A.C. The double-edged sword of negative in-group stereotyping. *Social Cognition*, 2013. Vol. 31, no. 1, pp. 15–30. DOI:10.1521/soco.2013.31.1.15
10. Cadinu M., Latrofa M., Carnaghi A. Comparing Self-stereotyping with In-group-stereotyping and Out-group-stereotyping in Unequal-status Groups: The Case of Gender. *Self and Identity*, 2013. Vol. 12, no. 6, pp. 582–596. DOI:10.1080/15298868.2012.712753
11. Carlsson R., Agerström J. Methodological Issues in Predicting Discrimination from Attitudes, Prejudices, and Stereotypes [Electronic publication]. *Working paper series: Linnaeus University Centre for Labour Market and Discrimination Studies*, 2015. Available at: <https://www.divaportal.org/smash/get/diva2:911364/FULLTEXT01.pdf> (Accessed 13.08.2019).
12. Correll J., Park B., Judd C.M., Wittenbrink B., Sadler M.S., Keese T. Across the thin blue line: police officers and racial bias in the decision to shoot. *Journal of personality and social psychology*, 2007. Vol. 92, no. 6, pp. 1006–1023. DOI:10.1037/0022-3514.92.6.1006
13. Cuddy A.J., Fiske S.T., Glick P. The BIAS map: behaviors from intergroup affect and stereotypes. *Journal of personality and social psychology*, 2007. Vol. 92, no. 4, pp. 631–648. DOI:10.1037/0022-3514.92.4.631
14. Danbold F., Huo Y.J. No longer “All-American”? Whites' defensive reactions to their numerical decline. *Social Psychological and Personality Science*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 210–218. DOI:10.1177/1948550614546355

15. Deaux K., Lewis L.L. Structure of gender stereotypes: Interrelationships among components and gender label. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984. Vol. 46, no. 5, pp. 991–1004. DOI:10.1037/0022-3514.46.5.991
16. Dimock M. How America Changed During Barack Obama's Presidency [Electronic publication]. Pew Research Center, 2017. Available at: <https://www.pewresearch.org/2017/01/10/how-america-changed-during-barack-obamas-presidency/> (Accessed 11.08.2019).
17. Dovidio J.F., Gaertner S.L. Aversive racism and selection decisions: 1989 and 1999. *Psychological science*, 2000. Vol. 11, no. 4, pp. 315–319. DOI:10.1111/1467-9280.00262
18. Dovidio J.F., Brigham J.C., Johnson B.T., Gaertner S.L. Stereotyping, prejudice, and discrimination: Another look. In Macrae C.N., Stangor C., Hewstone M. (Ed.). *Stereotypes and stereotyping*, Guilford Press, 1996, pp. 276–319.
19. Eberhardt J.L., Davies P.G., Purdie-Vaughns V.J., Johnson S.L. Looking deathworthy: Perceived stereotypicality of Black defendants predicts capital-sentencing outcomes. *Psychological science*, 2006. Vol. 17, no. 5, pp. 383–386. DOI:10.1111/j.1467-9280.2006.01716.x
20. Effron D.A., Cameron J.S., Monin B. Endorsing Obama licenses favoring whites. *Journal of experimental social psychology*, 2009. Vol. 45, no. 3, pp. 590–593. DOI:10.1016/j.jesp.2009.02.001
21. Esteban J., Mayoral L., Ray D. Ethnicity and conflict: Theory and facts. *Science*, 2012. Vol. 336, no. 6083, pp. 858–865. DOI:10.1126/science.1222240
22. Figueiredo A., Valentim J.P., Doosje B. Theories on intergroup relations and emotions: a theoretical overview. *Psychologica*, 2015. Vol. 57, no. 2, pp. 7–33. DOI:10.14195/1647-8606_57
23. Finchilescu G. Intergroup anxiety in interracial interaction: The role of prejudice and metastereotypes. *Journal of Social Issues*, 2010. Vol. 66, no. 2, pp. 334–351.
24. Fiske S.T. Stereotyping, prejudice, and discrimination at the seam between the centuries: Evolution, culture, mind and brain. *European Journal of Social Psychology*, 2000. Vol. 30(3), pp. 299–322.
25. Fiske S.T., Cuddy A.J., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of personality and social psychology*, 2002. Vol. 82, no. 6, pp. 878–902. DOI:10.1037/0022-3514.82.6.878
26. Fowler C., Gasiorek J. Implications of metastereotypes for attitudes toward intergenerational contact. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23, no. 1, pp. 48–70. DOI:10.1177/1368430217744032
27. Hamilton D.L. (ed.). *Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior*. Psychology Press, 2017. 336 p.
28. Harris L.T., Fiske S.T. Diminishing vertical distance: power and social status as barriers to intergroup reconciliation. In Nadler A., Malloy T., Fisher J.D. (ed.). *Social psychology of intergroup reconciliation: From violent conflict to peaceful co-existence*. Oxford University Press, 2008, pp. 301–317.
29. Higgins E.T. Promotion and prevention: regulatory focus as a motivational principle. In Zanna M.P. (ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 30. New York: Academic Press, 1998, pp. 1–46.
30. Hodge S., Burden J., Robinson L., Bennett R. Theorizing on the stereotyping of Black male student-athletes: Issues and implications. *Journal for the Study of Sports and Athletes in Education*, 2008. Vol. 2, no. 2, pp. 203–226. DOI:10.1179/ssa.2008.2.2.203
31. Hogg M.A., Abrams D., Brewer M.B. Social identity: The role of self in group processes and intergroup relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017. Vol. 20, no. 5, pp. 570–581.
32. Hogg M.A., Reid S.A. Social identity, self-categorization, and the communication of group norms. *Communication theory*, 2006. Vol. 16, no. 1, pp. 7–30. DOI:10.1111/j.1468-2885.2006.00003.x
33. Hogg M.A., Turner J.C. Intergroup behaviour, self stereotyping and the salience of social categories. *British Journal of Social Psychology*, 1987. Vol. 26, no. 4, pp. 325–340. DOI:10.1111/j.2044-8309.1987.tb00795.x

34. Hymes R.W. Political attitudes as social categories: A new look at selective memory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. Vol. 51, no. 2, pp. 233–241. DOI:10.1037/0022-3514.51.2.233
35. Jaramillo J., Mello Z.R., Worrell F.C. Ethnic identity, stereotype threat, and perceived discrimination among Native American adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 2016. Vol. 26, no. 4, pp. 769–775. DOI:10.1111/jora.12228
36. Jost J.T., Banaji M.R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness. *British journal of social psychology*, 1994. Vol. 33, no. 1, pp. 1–27. DOI:10.1111/j.2044-8309.1994.tb01008.x
37. Jost J.T., Kay A.C. Exposure to benevolent sexism and complementary gender stereotypes: consequences for specific and diffuse forms of system justification. *Journal of personality and social psychology*, 2005. Vol. 88, no. 3, pp. 498–509.
38. Kane E.W. Education and beliefs about gender inequality. *Social Problems*, 1995. Vol. 42, no. 1, pp. 74–90. DOI:10.2307/3097006
39. Kane E.W., Kyyrö E.K. For whom does education enlighten? Race, gender, education, and beliefs about social inequality. *Gender & Society*, 2001. Vol. 15, no. 5, pp. 710–733. DOI:10.1177/089124301015005005
40. Kassir S., Fein S., Markus H.R. *Social Psychology*, 8th ed. Wadsworth Publishing, 2010.
41. Katz D., Braly K. Racial stereotypes of one hundred college students. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1933. Vol. 28, no. 3, pp. 280–290. DOI:10.1037/h0074049
42. Klein O., Azzi A.E. The strategic confirmation of meta-stereotypes: How group members attempt to tailor an out-group's representation of themselves. *British Journal of Social Psychology*, 2001. Vol. 40, no. 2, pp. 279–293. DOI:10.1348/014466601164759
43. Lake D.A., Rothchild D. Containing fear: the origins and management of ethnic conflict. *International security*, 1996. Vol. 21, no. 2, pp. 41–75. DOI:10.1162/isec.21.2.41
44. Latrofa M., Vaes J., Cadinu M. Self-stereotyping: the central role of an ingroup threatening identity. *The Journal of social psychology*, 2012. Vol. 152, no. 1, pp. 92–111. DOI:10.1080/00224545.2011.565382
45. Latrofa M., Vaes J., Cadinu M., Carnaghi A. The cognitive representation of self-stereotyping. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010. Vol. 36, no. 7, pp. 911–922. DOI:10.1177/0146167210373907
46. Laurin K., Kay A.C., Shepherd S. Self-stereotyping as a route to system justification. *Social Cognition*, 2011. Vol. 29, no. 3, pp. 360–375. DOI:10.1521/soco.2011.29.3.360
47. Levy B.R. Mind matters: Cognitive and physical effects of aging self-stereotypes. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 2003. Vol. 58, no. 4, pp. 203–211. DOI:10.1093/geronb/58.4.P203
48. Lockwood P. “Someone like me can be successful”: do college students need same gender role models? *Psychology of Women Quarterly*, 2006. Vol. 30, no. 1, pp. 36–46. DOI:10.1111/j.1471-6402.2006.00260.x
49. Lorenzi-Cioldi F. Self-stereotyping and self-enhancement in gender groups. *European Journal of Social Psychology*, 1991. Vol. 21, no. 5, pp. 403–417. DOI:10.1002/ejsp.2420210504
50. Lowery B.S., Unzueta M.M., Knowles E.D., Goff P.A. Concern for the in-group and opposition to affirmative action. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 90, no. 6, pp. 961–974. DOI:10.1037/0022-3514.90.6.961
51. Lun J., Sinclair S., Cogburn C. Cultural stereotypes and the self: A closer examination of implicit self-stereotyping. *Basic and Applied Social Psychology*, 2009. Vol. 31, no. 2, pp. 117–127. DOI:10.1080/01973530902880340
52. McIntosh M.E., Mac Iver M.A., Abele D.G., Nolle D.B. Minority rights and majority rule: Ethnic tolerance in Romania and Bulgaria. *Social Forces*, 1995. Vol. 73, no. 3, pp. 939–967. DOI:10.1093/sf/73.3.939

53. Middlebrook H. The fascinating, if unreliable, history of hate crime tracking in the US. [Electronic resource]. CNN, 2017. Available at: <https://edition.cnn.com/2017/01/05/health/hate-crimes-tracking-history-fbi/index.html> (Accessed 07.12.2019).
54. Onorato R.S., Turner J.C. Fluidity in the self-concept: the shift from personal to social identity. *European journal of social psychology*, 2004. Vol. 34, no. 3, pp. 257–278. DOI:10.1002/ejsp.195
55. Oswald D.L., Lindstedt K. The content and function of gender self-stereotypes: An exploratory investigation. *Sex Roles*, 2006. Vol. 54, no. 7-8, pp. 447–458. DOI:10.1007/s11199-006-9026-y
56. Otten S. Towards a more social Social Psychology: The case of meta-stereotypes. *Revista de Psicologia Social*, 2002. Vol. 17, no. 3, pp. 287–291. DOI:10.1174/02134740260373008
57. Owuamalam C.K., Tarrant M., Farrow C.V., Zagefka H. The effect of metastereotyping on judgements of higher-status outgroups when reciprocity and social image improvement motives collide. *Canadian Journal of Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement*, 2013. Vol. 45, no. 1, pp. 12–23. DOI:10.1037/a0030012
58. Pettigrew T.F., Meertens R.W. Subtle and blatant prejudice in Western Europe. *European journal of social psychology*, 1995. Vol. 25, no. 1, pp. 57–75. DOI:10.1002/ejsp.2420250106
59. Phalet K., Poppe E. Competence and morality dimensions of national and ethnic stereotypes: A study in six eastern-European countries. *European Journal of Social Psychology*, 1997. Vol. 27, no. 6, pp. 703–723. DOI:10.1002/(SICI)1099-0992(199711/12)27:6<703::AID-EJSP841>3.0.CO;2-K
60. Pratto F., Sidanius J., Levin S. Social dominance theory and the dynamics of intergroup relations: Taking stock and looking forward. *European review of social psychology*, 2006. Vol. 17, no. 1, pp. 271–320. DOI:10.1080/10463280601055772
61. Quillian L. Group threat and regional change in attitudes toward African-Americans. *American Journal of Sociology*, 1996. Vol. 102, no. 3, pp. 816–860. DOI:10.1086/230998
62. Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and social psychology review*, 2006. Vol. 10, no. 4, pp. 336–353. DOI:10.1207/s15327957pspr1004_4
63. Rivera L.M., Benitez S. The roles of in-group exemplars and ethnic-racial identification in self-stereotyping. *Social Cognition*, 2016. Vol. 34, no. 6, pp. 604–623. DOI:10.1521/soco.2016.34.6.604
64. Rudman L.A., Feinberg J., Fairchild K. Minority members' implicit attitudes: Automatic ingroup bias as a function of group status. *Social Cognition*, 2002. Vol. 20, no. 4, pp. 294–320. DOI:10.1521/soco.20.4.294.19908
65. Schmader T. Gender identification moderates stereotype threat effects on women's math performance. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2002. Vol. 38, no. 2, pp. 194–201. DOI:10.1006/jesp.2001.1500
66. Schwartz S.H., Struch N. Values, Stereotypes, and Intergroup Antagonism. In Bar-Tal D., Graumann C.F., Kruglanski A.W., Stroebe W. (ed.). *Stereotyping and prejudice: Changing conceptions*. Springer Science & Business Media, 2013, pp. 151–167.
67. Sherif M., Harvey O.J., Jack White B.J., Hood W.R., Carolyn W., Sherif C.W. *The Robbers Cave experiment: Intergroup conflict and cooperation*. Wesleyan University Press, United States of America, 1988.
68. Seibt B., Förster J. Stereotype threat and performance: How self-stereotypes influence processing by inducing regulatory foci. *Journal of personality and social psychology*, 2004. Vol. 87, no. 1, pp. 38–56. DOI:10.1037/0022-3514.87.1.38
69. Sidanius J., Pratto F. Social dominance an intergroup theory of social hierarchy and oppression. New York: Cambridge University Press, 1999. 19 p.
70. Simon B., Hamilton D.L. Self-stereotyping and social context: The effects of relative in-group size and in-group status. *Journal of personality and social psychology*, 1994. Vol. 66, no. 4, pp. 699–711.
71. Skinner A.L., Cheadle J.E. The “Obama effect”? Priming contemporary racial milestones increases implicit racial bias among Whites. *Social cognition*, 2016. Vol. 34, no. 6, pp. 544–558. DOI:10.1521/soco.2016.34.6.544

72. Smith J.L. The interplay among stereotypes, performance-avoidance goals, and women's math performance expectations. *Sex Roles*, 2006. Vol. 54, no. 3-4, pp. 287–296. DOI:10.1007/s11199-006-9345-z
73. Southern Poverty Law Center. Hate Groups 1999-2017 [Electronic resource]. SPLC, 2018. Available at: <https://www.splcenter.org/hate-map> (Accessed 07.09.2019).
74. Spencer S.J., Steele C.M., Quinn D.M. Stereotype threat and women's math performance. *Journal of experimental social psychology*, 1999. Vol. 35, no. 1, pp. 4–28. DOI:10.1006/jesp.1998.1373
75. Steele C.M. A threat in the air: How stereotypes shape intellectual identity and performance. *American psychologist*, 1997. Vol. 52, no. 6, pp. 613–629. DOI:10.1037/0003-066X.52.6.613
76. Stephan W.G., Renfro C., Davis M.D. The role of threat in intergroup relations. In Wagner U., Tropp L.R., Finchilescu G., Tredoux C. (ed.). *Improving intergroup relations: Building on the legacy of Thomas F. Pettigrew*. John Wiley & Sons, 2008, pp. 55–73.
77. Stone J., Lynch C.I., Sjomeling M., Darley J.M. Stereotype threat effects on Black and White athletic performance. *Journal of personality and social psychology*, 1999. Vol. 77, no. 6, pp. 1213–1227. DOI:10.1037/0022-3514.77.6.1213
78. Stroebe W., Insko C.A. Stereotype, Prejudice, and Discrimination: Changing Conceptions in Theory and Research. In Bar-Tal D., Graumann C.F., Kruglanski A.W., Stroebe W. (ed.). *Stereotyping and prejudice: Changing conceptions*. Springer Science & Business Media, 2013, pp. 3–34.
79. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In Jost J.T., Sidanius J. (ed.). *Key readings in social psychology. Political psychology: Key readings*. New York, NY, US: Psychology Press, 2004, pp. 276–293.
80. Talaska C.A., Fiske S.T., Chaiken S. Legitimizing racial discrimination: Emotions, not beliefs, best predict discrimination in a meta-analysis. *Social justice research*, 2008. Vol. 21, no. 3, pp. 263–296. DOI:10.1007/s11211-008-0071-2
81. Tesler M. The spillover of racialization into health care: How President Obama polarized public opinion by racial attitudes and race. *American Journal of Political Science*, 2012. Vol. 56, no. 3, pp. 690–704. DOI:10.1111/j.1540-5907.2011.00577.x
82. Torres K.C., Charles C.Z. Metastereotypes and the black-white divide: A qualitative view of race on an elite college campus. *Du Bois Review: Social Science Research on Race*, 2004. Vol. 1, no. 1, pp. 115–149. DOI:10.1017/S1742058X0404007X
83. Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Basil Blackwell, 1987.
84. van Veelen R., Otten S., Cadinu M., Hansen N. An integrative model of social identification: Self-stereotyping and self-anchoring as two cognitive pathways. *Personality and social psychology review*, 2016. Vol. 20, no. 1, pp. 3–26. DOI:10.1177/1088868315576642
85. Verkuyten M., Nekuee S. Ingroup bias: The effect of self-stereotyping, identification and group threat. *European Journal of Social Psychology*, 1999. Vol. 29, no. 2-3, pp. 411–418. DOI:10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/3<411::AID-EJSP952>3.0.CO;2-8
86. Vezzali L. Valence matters: Positive meta-stereotypes and interethnic interactions. *The Journal of social psychology*, 2017. Vol. 157, no. 2, pp. 247–261. DOI:10.1080/00224545.2016.1208140
87. Vorauer J.D., Hunter A.J., Main K.J., Roy S.A. Meta-stereotype activation: Evidence from indirect measures for specific evaluative concerns experienced by members of dominant groups in intergroup interaction. *Journal of personality and social psychology*, 2000. Vol. 78, no. 4, pp. 690–707. DOI:10.1037/0022-3514.78.4.690
88. Wenzel M., Mummendey A. & Waldzus S. Superordinate identities and intergroup conflict: The ingroup projection model. *European review of social psychology*, 2008. Vol. 18(1), pp. 331–372.
89. Wheeler S.C., Petty R.E. The effects of stereotype activation on behavior: A review of possible mechanisms. *Psychological bulletin*, 2001. Vol. 127, no. 6, pp. 797–826.

90. Wicker A.W. Attitudes versus actions: The relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects. *Journal of Social issues*, 1969. Vol. 25, no. 4, pp. 41–78. DOI:10.1111/j.1540-4560.1969.tb00619.x
91. Wodtke G.T. The impact of education on intergroup attitudes: A multiracial analysis. *Social Psychology Quarterly*, 2012. Vol. 75, no. 1, pp. 80–106. DOI:10.1177/0190272511430234
92. Wojciszke B. Multiple meanings of behavior: Construing actions in terms of competence or morality. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. Vol. 67, no. 2, pp. 222–232. DOI:10.1037/0022-3514.67.2.222

Information about the authors

Ahmed M. Dawd, PhD, Lecture, Jigjiga University Psychology, Jigjiga, Ethiopia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3030-7017>, e-mail: 165222404@ybu.edu.tr

Faqih Y.K. Oumar, PhD, Lecturer, Al-Munawwarah college, Mombasa, Kenya, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0844-6405>, e-mail: 165222405@ybu.edu.tr

Cem S. Cukur, PhD, Professor, Head of the Department of Psychology, Ankara Yildirim Beyazit University, Ankara, Turkey, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0213-489X>, e-mail: cemsafak@yahoo.com

Информация об авторах

Дауд Ахмед М., кандидат психологических наук, преподаватель, университет Джигдига, г. Джигдига, Эфиопия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3030-7017>, e-mail: 165222404@ybu.edu.tr

Омар Факих Ю.К., кандидат психологических наук, преподаватель, Колледж Аль-Мановара, г. Момбаза, Кения, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0844-6405>, e-mail: 165222405@ybu.edu.tr

Цукур Джем Сафар, PhD, профессор, заведующий кафедрой психологии, Университет Анкары Йилдирим Бязит, г. Анкара, Турция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0213-489X>, e-mail: cemsafak@yahoo.com

Получена 27.05.2020

Received 27.05.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021

Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова

Махнач А.В.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Лактионова А.И.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Цель. Анализ жизнеспособности семьи как ее системной характеристики с позиции организационной теории А.А. Богданова.

Контекст и актуальность. Возрастающая неопределенность существования человека и семьи делает востребованной такое ее качество, как жизнеспособность. Подход к семье как системе и практической работе с ней с позиции изучения ее жизнеспособности предполагает акцентирование не на слабости и дисфункциональности семьи, а на тех потенциальных и реальных возможностях, которые заложены в ней. Жизнеспособность семьи как ее системная характеристика зависит от баланса факторов риска и факторов защиты, в качестве которых рассматриваются ресурсы семьи, являющиеся индикаторами ее жизнеспособности. Ресурсы нуклеарной семьи, способствующие формированию и поддержанию ее жизнеспособности в широком временном, социальном и культурном контекстах, — это постепенно объединяющиеся индивидуальные ресурсы. Процесс формирования ресурсности семьи является не только их накоплением, но также синтезом и группированием ресурсов всей семьи как системы.

Используемая методология. Организационная теория А.А. Богданова.

Основные выводы. Организационная теория А.А. Богданова, являясь общенаучным подходом к изучению любой системы, позволяет проводить анализ жизнеспособности семьи как ее системной характеристики с позиции взаимодействия разнонаправленных активностей, опосредованных различиями в понимании семейных ценностей, коммуникативных потребностей и организационных паттернов. Совместная согласованная активность членов семьи, приводящая к возрастанию семейной жизнеспособности, достигается с помощью ресурсов.

Ключевые слова: жизнеспособность семьи, тектология А.А. Богданова, семья как система, ресурсы семьи, факторы риска, факторы защиты.

Финансирование. Исследование выполнено по государственному заданию Министерства образования и науки Российской Федерации № 0159-2021-0001 «Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций».

Для цитаты: Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 41–55. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203>

Family Resilience from the Perspective of A.A. Bogdanov' Organizational Theory

Alexander V. Makhnach

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Anna I. Laktionova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Objective. *Analysis of the family resilience as its systemic characteristics from the standpoint of the organizational theory of A.A. Bogdanov.*

Background. *The growing uncertainty of the existence of a person and a family makes such a quality as resilience in demand. The approach to the family as a system and practical work with it from the perspective of studying its resilience presupposes an emphasis not on the weakness and dysfunctionality of the family, but on those potential and real possibilities that are inherent in it. The family resilience as its systemic characteristic, depends on the balance of risk and protective factors, in the quality of which the family's resources are considered. Family resources are indicators of the family resilience. The resources of the nuclear family, contributing to the formation and maintenance of its resilience in wide temporal, social and cultural contexts, are gradually uniting individual resources. The process of forming the resource capacity of the family is not only their accumulation, but also the synthesis and grouping of the resources of the whole family as a system.*

Methodology. *Organizational theory A.A. Bogdanov.*

Conclusions. *Organizational theory A.A. Bogdanova, being a general scientific approach to the study of any system, makes it possible to analyze the family resilience as its systemic characteristics from the standpoint of the interaction of multidirectional activities mediated by differences in the understanding of family values, communication needs and organizational patterns. The joint coordinated activity of family members, leading to an increase in family resilience, is achieved with the help of certain resources.*

Keywords: *family resilience, A.A. Bogdanov's tectology, family as a system, family resources, risk factors, protective factors.*

Funding. *The study was carried out according to State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 0159-2021-0001 «Psychological problems of professional mentality in the context of organizational and technological innovation».*

For citation: *Makhnach A.V., Laktionova A.I. Family Resilience from the Perspective of A.A. Bogdanov' Organizational Theory. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 41–55. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120203> (In Russ.).*

Введение

В условиях значительных изменений, происходящих с семьей, изучение ее жизнеспособности приобретает особую актуальность. Проблематику научных исследований определяют закономерные и постоянные изменения современной

семьи, ее структуры, композиции и состава, групповых процессов и норм. В социальной психологии семья изучается как социальная система, социальный институт, малая группа. Каждое из этих понятий позволяет анализировать всю совокупность отношений, возникающих в семье; возможные изменения в поведе-

нии, установках, характер и содержание разных социальных ролей и функций в семье и, наконец, прогностичность устойчивости связей как между членами семьи, так и семьи с внешним окружением. Семья является многофункциональным и полипредметным объектом изучения, создавая новые формы приспособления к условиям жизни и обеспечивая развитие и личностный рост каждого ее члена в любых условиях существования. Следует отметить, что системный взгляд на семью и происходящие в ней процессы получил широкое признание в психотерапии семьи, супружеской психотерапии, доказав свою эффективность.

Возрастающая неопределенность существования человека и семьи делает востребованной такое ее качество, как жизнеспособность. Подход к семье как системе и практической работе с ней с позиции изучения ее жизнеспособности дает возможность увидеть ее сильные стороны (ресурсы) и на основании этого выстраивать работу с семьей и с каждым ее членом. В этом мы исходим не из слабости и дисфункциональности семьи, а из тех потенциальных и реальных возможностей, которые заложены в ней. Наши исследования и практика показывают, что такой подход к изучению семьи: а) ускоряет получение желаемого результата в работе с ней; б) предоставляет возможность каждому члену семьи обращаться к своим сильным сторонам

и семьи в целом, совладать со стрессом и неблагоприятными жизненными ситуациями. С позиции организационного подхода А.А. Богданова к жизнеспособности семьи становится возможным системный анализ ее функционирования и развития. Таким образом, этот подход к изучению жизнеспособности семьи представляется перспективным с позиции исследования вопросов современной семьи как развивающейся системы.

Организационная теория А.А. Богданова

Термин «жизнеспособность» впервые был употреблен А.А. Богдановым в его работе «Тектология (Всеобщая организационная наука)», изданной в 1910—1920-х годах. Тектология представляет собой одну из первых общенаучных теорий систем, согласно которой различные объекты природы и общества существуют и развиваются по единым законам организации¹. Общеизвестно, что Л. фон Бергаланфи первым выдвинул теорию организации живых систем, но вместе с тем стоит обратить внимание на следующий факт. Примерно за тридцать лет до публикации им своих размышлений по его теории систем российский философ и экономист А.А. Богданов предложил свою сложную и всеобъемлющую теорию систем, которая, к сожалению,

¹ «Основная и весьма оригинальная работа А. Богданова появилась в России под названием “Тектология” (1912—1927), следовательно, за несколько лет до того, как были опубликованы первые системно-теоретические представления Л. фон Бергаланфи — в то время ограниченные его исследованиями в биологии (1928). Кроме того, немецкий вариант наиболее важных первых двух томов с изложением всеобъемлющего представления А. Богданова об организации систем был опубликован на родном языке фон Бергаланфи еще в 1926—1928 годах и впоследствии был широко обсужден и проанализирован в немецких философских источниках. Мы, конечно, не обвиняем фон Бергаланфи в плагиате и не оспариваем его подлинный вклад в науку. История науки неоднократно показывала, что идеи часто созревают в умах двух или более ученых одновременно. Фон Бергаланфи вполне мог предложить свои системные идеи без какого-либо влияния со стороны Богданова» [24, с. 387].

почти неизвестна за пределами России [4]. Объединение элементов в систему структурными связями позволяет анализировать ее с позиций организационных принципов как отношения всех ее частей между собой, так и отношение ее с внешними системами. А.А. Богданов писал: «Само понятие “элементов” для организационной науки всецело относительное и условное: это просто те части, на которые сообразно задаче исследования понадобилось разложить его объект; они могут быть как угодно велики или малы, могут делиться дальше или не делиться — никаких рамок анализу здесь поставить нельзя» [2, с. 119]. Определенными активностью и сопротивлением по отношению к другим или к системе в целом обладает любой элемент. По мнению А.А. Богданова, «сопротивление — это та же активность, но взятая с иной точки зрения, как противопоставленная другой активности» [там же, с. 119]. Базовыми терминами для тектологической теории определены «понятия об элементах и об их сочетаниях. Элементами являются активности-сопротивления всех возможных родов. Сочетания сводятся к трем типам: комплексы организованные, дезорганизованные и нейтральные. Они различаются по величине практической суммы их элементов» [там же, с. 125].

А.А. Богданов рассматривал два универсальных организационных механизма системы (два вида закономерностей): формирующий и регулирующий механизмы.

Формирующий механизм (конъюгацию) он определил как «основу формирующего тектологического механизма, соединение комплексов». Результаты такого соединения могут отличаться: «Активности одного комплекса и активности другого соединяются так, что не делаются “сопротивлениями” одни для дру-

гих, следовательно, без всяких “потерь”: предельный положительный результат... в своем чистом и законченном виде этот случай является лишь идеальным. В действительности не бывает абсолютно гармоничного соединения активностей при конъюгации, не бывает того, чтобы никакая их доля не оказалась сопротивлением для другой. Случай прямо противоположный: активности одного комплекса становятся всецело сопротивлениями для активностей другого, полностью парализуют их или парализуются ими... полная нейтрализация вполне возможна и представляет явление чрезвычайно частое. Случай наиболее обычный: два комплекса соединяются таким образом, что их элементы-активности частично складываются, частично являются взаимными сопротивлениями, то есть организационно вычитаются» [2, с. 145–146].

Регулирующий механизм, который А.А. Богданов называет прогрессивным «подбором»: «закономерное сохранение или уничтожение — это есть первая схема универсального регулирующего механизма» [2, с. 189]. Автор выделяет различные его схемы: «первая схема подбора, в которой дело идет только о сохранении организационных форм или их несохранении, может быть обозначена термином “консервативный подбор”» [там же, с. 197]. «Прогрессивный подбор: положительный при возрастании суммы активностей комплекса ... и отрицательный при уменьшении суммы активностей» [там же, с. 202]. Он также считал, что «возрастание суммы активностей приводит к тому, что “новые неблагоприятные воздействия встречают не прежнее, а увеличенное сопротивление... Иными словами, динамическим элементом сохранения комплекса является возрастание его активностей за счет среды» [там же, с. 202]. Таким пониманием роли

среды, опосредующей возрастание активности элементов (в нашем случае — членов семьи), А.А. Богданов намного опередил и предопределил работы Ю. Бронфенбреннера и целого направления в психологии в русле экологической теории развития. Идеи экологической теории развития вписываются в понятие «тектологический подбор», который, согласно А.А. Богданову, воздействует на весь комплекс, непрерывно соотнося его с окружающей человека средой. По мнению Э. Мاستен и Р. Дистефано, «системный подход к жизнеспособности резонирует с идеями Ю. Бронфенбреннера и Л.С. Выготского о важности для развития человека взаимодействия с другими системами» [9, с. 33].

Речь при этом идет о «динамическом» или «подвижном» равновесии — позже это определяют как свидетельство действия закона гомеостаза в системном подходе к изучению семьи. «Комплекс, охватывающий более значительную сумму элементов, тем самым характеризуется как более устойчивый по отношению к среде, но, очевидно, только в прямом количественном смысле, то есть как обладающий большей суммой активностей-сопротивлений, противостоящих этой среде. Положительный подбор, очевидно, ведет к возрастанию этой “количественной устойчивости”, отрицательный — к ее уменьшению; или даже, точнее, положительный подбор тождествен с ее увеличением, отрицательный — с ее убыванием, потому что первый определяется как перевес ассимиляции над дезассимиляцией, то есть как возрастание суммы элементов комплекса, второй — противоположно этому. Но действительная, практическая устойчивость комплекса зависит отнюдь не только от количества сконцентрированных в нем активностей-сопротивлений, а еще от способа их соче-

тания, от характера их организационной связи» [2, с. 207].

Выше были кратко описаны некоторые аспекты организационной теории А.А. Богданова, которые, по нашему мнению, могут использоваться в анализе системной организации семьи как социальной системы и помогать интерпретировать данные о ее жизнеспособности.

Для целей анализа жизнеспособности семьи с позиции этой теории мы рассмотрим понятия «ресурсы семьи» и «жизнеспособность семьи».

Жизнеспособность семьи как ее системная характеристика

Традиционно наиболее детально изучены жизнеспособность ребенка и подростка, а работ по анализу жизнеспособности человека в семейном контексте явно недостаточно. Однако отмечается, что исследования жизнеспособности членов семьи и семьи в целом как социальной системы весьма сходны, и поэтому звучат призывы сблизить эти области еще больше [26].

По нашему мнению, «жизнеспособность семьи — это динамическая системная характеристика семьи, способной отвечать на стрессы различного генеза с использованием свойственных именно ей защитных факторов и семейных ресурсов (индивидуальные, семьи как системы, ресурсы внешней среды), предполагающих умение и готовность семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться» [10, с. 207].

Д. Хоули и Л. ДеХаан подняли вопрос о том, можно ли считать жизнеспособность объединяющим семью конструктом, а не совокупностью жизнеспособности отдельных ее членов. Они пришли к выводу, что жизнеспособность может быть

концептуализирована на уровне семьи, но при этом применение этого концепта в исследовательских целях является сложной задачей [20]. В семье как системе риск и жизнеспособность зависят от множественных влияний. Функционирование члена семьи связано с взаимодействием индивидуальных, семейных, общинных и более крупных системных переменных; их взаимодействие влияет на уязвимость и устойчивость к стрессовым жизненным ситуациям и хроническим состояниям. Жизнеспособность всегда возникает как свойство системы, но никогда не определяется исключительно ею. В случае анализа жизнеспособности семьи в исследованиях подчеркивается тот факт, что основными предикторами индивидуальной и семейной жизнеспособности являются контекстуальные факторы, содержащиеся в самой семье, например, внутрисемейные взаимосвязи и традиции, социальные условия проживания семьи и т.п. Анализ жизнеспособности семьи включает как внешние факторы, влияющие на семью на макроуровне, например, распространение инфекционных заболеваний (социальное и общественное здоровье), так и микроуровневые факторы, такие как способность отдельного человека или семьи реагировать на непредвиденные обстоятельства и драматические изменения в жизни (потеря работы, смена карьеры или индивидуальное здоровье) [22].

Концептуализируя это понятие, ряд исследователей выделяют несколько ключевых моментов. В частности, жизнеспособность семьи следует рассматривать не как статичную конструкцию, которая может описать одну определенную семью и не может быть применена к другой, а как направление развития семьи, по которому она идет, реагируя на воздействие определенных факторов

риска. Также важно рассматривать жизнеспособность семьи как в настоящем, так и в долгосрочной перспективе, поскольку многие факторы, которые изначально являются защитными или полезными для семей, могут подвергнуть семью риску позже. Кроме того, то, как на самом деле будет проявляться жизнеспособность и как эта характеристика будет оцениваться, зависит от конкретного стресса в семье и способности с ним справиться, обращаясь к ресурсам семьи [19]. Интересно, что в системной семейной психотерапии также феноменологически операционализируется термин «жизнеспособность семьи» при анализе сильных сторон семьи, ее ресурсов.

В настоящий момент в целях изучения жизнеспособности семьи анализируются основания, которые позволяют ей успешно функционировать в неблагоприятных социальных условиях, развиваться, выходить на более высокий уровень развития под воздействием стрессов. И, как следствие из этого, ведутся работы по изучению семейных ресурсов, относимых нами к защитному фактору жизнеспособности семьи. Изучение жизнеспособности семьи проводится в рамках различных теоретических подходов. Наши исследования проводятся в русле системного и экологического подходов, что позволяет анализировать жизнеспособность семьи и ее индивидуальные, личностные, социально-психологические ресурсы [7; 10; 11; 12; 13; 14].

Семейные ресурсы как источник жизнеспособности семьи

Ввиду широты, универсальности и масштабности понятия «ресурсы» семьи они позволяют охарактеризовать семью как систему, играя для нее защитную

и компенсаторную роль, одновременно являясь индикаторами ее жизнеспособности [6; 18; 21; 28]. В социальной психологии можно говорить только о «постепенном оформлении в семейной проблематике ресурсного подхода как отдельного научного направления» [10, с. 20]. Вместе с тем изучение семьи в рамках ресурсного подхода предоставляет разнообразный материал для выделения сильных сторон семьи, потенциалов ее развития, принятых в семье механизмов решения проблем.

В наших работах мы доказываем, что ресурсы нуклеарной семьи, способствующие формированию и поддержанию ее жизнеспособности в широком временном, социальном и культурном контекстах, — это постепенно объединяющиеся индивидуальные ресурсы: сначала в паре каждого из супругов, с появлением детей — формирование и слияние их ресурсов с родительскими, с включением в расширенную семью родных — присоединение индивидуальных ресурсов этих членов семьи. Другими словами, процесс формирования ресурсности семьи является не только накоплением ресурсов, но также их синтезом, группированием ресурсов всей семьи как системы. Поэтому умение использовать индивидуальные и семейные ресурсы для адаптации семьи к неблагоприятным внешним условиям способствует как преодолению потенциальных трудностей, так и дальнейшему развитию семьи. Для формирования этих ресурсов семье требуется время. Таким образом, объединяя теории развития, экологическую и системную теории семьи с исследованиями жизнеспособности в жизненном цикле семьи с учетом разных культурных контекстов и в различных ситуациях, мы анализируем ресурсность семьи в двух направлениях: каждого члена семьи и семьи как целого.

Ф. Уолш в книге «Укрепляя жизнеспособность семьи» рассматривает ее как организованное целое, включающее подструктуры, связанные сложной системой взаимозависимостей. Автор описывает семейные процессы, оказывающие влияние на семейную жизнеспособность: а) систему ценностей и убеждений; б) организационные процессы; в) процессы коммуникации [26].

Анализируя *систему семейных ценностей и убеждений*, Ю.В. Постылякова пишет: «жизнеспособные семьи осознают смысл кризиса, рассматривая его как общую для всей семьи проблему. При этом очень важна разделяемая всеми членами семьи уверенность в том, что вместе они смогут усилить свою способность справиться с проблемой» [17, с. 278]. Поэтому семья, являющаяся ресурсной, помогает каждому члену семьи быть жизнеспособным, т.к. любой личный кризис часто проходит в семейном контексте. При развитии кризиса одного из ее членов жизнеспособная семья сумеет оказать необходимую помощь.

Что касается *семейной организации*, жизнеспособные семьи обладают гибкой организацией всего происходящего в ней. Структурные характеристики семьи адаптируются к потребностям членов семьи или в целом — к ней, не придерживаясь жестких представлений о существующих правилах. Такие особенности структуры предоставляют семье возможность проходить безболезненно и/или с меньшими потерями сложные жизненные ситуации. Существующие в семье теплые и тесные взаимосвязи, характеризующие ее как жизнеспособную, формируют доверие друг к другу. В то же время учет личностных характеристик членов семьи, понимание и принятие их усиливает семью в целом, указывая на ее сильные стороны. Поэтому баланс между

индивидуальностью каждого члена семьи и необходимостью быть в близких отношениях делает семью жизнеспособной в условиях неопределенности и кризисов [13; 17].

Коммуникативные процессы семьи представляют собой общение в ней, поддержку каждого члена семьи в сложных ситуациях воздействия внешних и внутренних рисков. При динамическом понимании рисков осуществляется противодействие им и мобилизация ресурсов посредством активного участия в семейных транзакционных процессах, когда члены проводят переговоры и обсуждают свои отношения в своей социальной среде [25]. Взгляд на жизнеспособность с позиции коммуникативных процессов в ней предполагает центральную роль поддерживающих отношений для положительной адаптации членов семьи к неблагоприятным событиям. Процессы взаимоотношений поддерживают жизнеспособность людей, развивая их потенциал при необходимости преодолевать стрессовые ситуации. Ориентация на семью как систему в анализе семейной жизнеспособности расширяет наше понимание места этого феномена в формировании сети взаимоотношений, выявляя потенциальные источники жизнеспособности в ближайшем окружении и в расширенной семье. Ориентированный на жизнеспособность подход к семье как системе [26] направлен на выявление и вовлечение членов семьи, которые могут оказывать влияние на позитивное развитие других членов семьи. Изучение коммуникации в целях развития жизнеспособности осуществляется в междисциплинарных исследованиях и сосредотачивается на изучении того, как члены семьи взаимодействуют друг с другом. Понятное и открытое общение играет важную роль в жизнеспособных

семьях в создании системы помощи друг другу, особенно в ситуации кризиса и нестабильности. Такое понимание роли семьи в жизни каждого ее члена, принятие семьи как основы стабильности и развития всех помогает формировать собственные для нее механизмы управления и совладания со сложными жизненными ситуациями. Ставшее привычным для семьи сопереживание друг другу формирует в каждом ее члене уверенность в своевременной помощи и необходимой поддержке [11; 16].

В работах по изучению преодоления неблагоприятных жизненных событий в семье обращено внимание на умение оперировать собственными семейными ресурсами. Показано, что у членов семьи с выраженной жизнеспособностью личные ресурсы дополняют навыки управления общими ресурсами семьи, усиливая жизнеспособность семьи в целом [8; 16]. По данным Ю.В. Постыляковой, «различия в семейных характеристиках и задачах, стоящих перед семьей на разных этапах ее жизненного цикла, оказывают влияние на сочетание семейных и индивидуальных ресурсов, способствующих поддержанию нормального семейного функционирования и решению проблем семьи» [16, с. 460]. При этом необходимо обращать внимание на «особенности сочетания ресурсов в зависимости от: а) структурных характеристик семьи и этапов ее жизненного цикла, б) особенностей и различий, существующих в индивидуальных и семейных ресурсах» [там же, с. 461]. Исследователи рассматривают жизнеспособность как процесс на протяжении всей жизни, в котором уроки, извлеченные из прошлых событий и обстоятельств, могут повлиять на текущий выбор жизненных перспектив одним из членов семьи, семьей в целом или даже поколением [15; 23].

Таким образом, жизнеспособность семьи является психическим новообразованием, зонтичной характеристикой, постепенно формирующейся и развивающейся после ее создания, когда отдельные компоненты жизнеспособности ее членов начинают складываться в компонент жизнеспособности семьи. Важную роль при этом играют наличие ресурсов в семье, умение пользоваться этими ресурсами и особенности их сочетания в зависимости от ее особенностей, времени существования ее как семьи, участия каждого из ее членов в развитии ее жизнеспособности. Какое сочетание ресурсов способствует возрастанию жизнеспособности семьи, мы сможем проанализировать с точки зрения организационной теории А.А. Богданова.

Анализ жизнеспособности семьи с позиции теории А.А. Богданова

Предприняв попытку анализа жизнеспособности семьи с позиции организационного подхода А.А. Богданова, который, как мы уже говорили выше, приложим к изучению любой системы в природе и человеческой деятельности, мы рассматриваем семью как систему и как соотношение всех ее частей (членов семьи).

Говоря о нелинейных взаимодействиях между членами семьи, мы можем проанализировать возникающие в результате активности-сопротивления как «комплексы организованные, дезорганизованные и нейтральные» (по А.А. Богданову). С такими нелинейными и подчас сложными жизненными ситуациями семья встречается каждый раз, когда она в целом или ее член вынуждены организовать совместную деятельность с обращением к ресурсам семьи. Ю.В. Ковалева считает, что «совместную регуляцию по-

ведения можно определить как процесс взаимной подстройки и согласования, в том числе компенсаторного, регуляторных ресурсов партнеров, взаимодействующих в актуальной жизненной ситуации» [5, с. 51]. По А.А. Богданову, этот процесс можно определить как «формирующий механизм соединения комплексов». При этом координация регуляторных ресурсов может носить как характер прямого позитивного согласования, приводящего к возрастанию суммы активностей комплекса, в результате возникает «организованный комплекс», по А.А. Богданову, так и компенсации, вследствие чего могут возникать как организованный, так и нейтральный комплексы.

Разнонаправленные активности, опосредованные различиями в понимании семейных ценностей, коммуникативных потребностей и организационных паттернов, приводят к взаимным сопротивлениям, приводящим в результате к возникновению дезорганизованного комплекса, уменьшению суммы активностей и снижению ресурсности семьи. В том случае, если разнонаправленные активности членов семьи противодействуют друг другу, уничтожаются и взаимно дезорганизуются, семью как дезорганизованную систему мы рассматриваем как нежизнеспособную.

Мы можем предположить, исходя из положений А.А. Богданова, что семья как организованная система, в которой целое не равно сумме частей за счет совпадения комплексов активности, является жизнеспособной. Это достигается путем обращения семьи к уже существующим ресурсам, а также разработкой новых моделей жизнедеятельности семьи, обращением к ранее неиспользованным ресурсам, которые изменяют структуру ресурсов в ней. Однако способы, которыми определенные сообщения и истории

вспоминаются и реализуются в семейных поколениях и связаны с конкретными событиями, такими как деиндустриализация, менее известны. Очевидно, что с помощью известных семье ресурсов и достигается совместная согласованная активность членов семьи, приводящая к возрастанию семейной жизнеспособности. По А.А. Богданову: «два комплекса соединяются таким образом, что их элементы-активности частично складываются, частично являются взаимными сопротивлениями, то есть организационно вычитаются» [2, с. 146]. На этом основании жизнеспособность семьи определяется соотношением факторов риска и факторов защиты семьи.

В процессе жизни в семье происходят изменения, и она развивается от одного этапа к другому — согласно конкретным задачам этого развития [3; 5]. Неустойчивость семьи, рассматриваемой нами в качестве тектологического комплекса, приводит ее к более высокой социальной организации, являясь источником внутреннего, как правило, нелинейного развития.

Известно, что жизнеспособность не является стабильной характеристикой человека или семьи. Те ресурсы, которые делают семью жизнеспособной при определенных социальных и природных условиях, с их изменением теряют свою защитную функцию и перестают быть фактором защиты. Так, А.И. Антонов считает, что «семья борется за свое сохранение в социуме и должна обладать потенциалом сопротивления вмешательству государства и других институтов. Семья как автономная система не может не характеризоваться средствами противодействия таким внешним влияниям, которые угрожают ее существованию» [1, с. 100].

При этом вступают в силу «регулирующие механизмы», приводящие к «закономерному сохранению или унич-

тожению» — «отбор» или «подбор». «Консервативный подбор», подразумевающий только сохранение организационных форм, не позволяет семье перейти на новый уровень функционирования как следствие выхода семьи из сложной жизненной ситуации, когда привычные механизмы дают сбой, а новые еще не сформировались.

«Прогрессивный положительный подбор», ведущий к возрастанию суммы активностей комплекса, заключается в гибком изменении организационных форм существования: например, изменение баланса между связанностью членов семьи в сторону повышения сплоченности в случае тяжелой болезни одного из членов семьи. Важнейшую роль при этом будет играть семейная гибкость, о которой мы писали выше. В результате увеличивается сопротивление семьи как системы вмешательству неблагоприятных средовых факторов и возрастает ее жизнеспособность.

В случае же отрицательного прогрессивного подбора происходит «уменьшение суммы активностей» за счет возрастания сопротивления в нелинейных взаимодействиях между членами семьи. В этом случае организационные связи принимают противоречивый характер, приводящий к уменьшению сопротивления семейной системы враждебным факторам среды и снижению ее жизнеспособности.

Нацеленность на развитие жизнеспособности в семье подчеркивает то, что она сосредотачивается на своих способностях справляться с неблагоприятными ситуациями. Сильные факторы стресса или накопление стрессов с течением времени могут подорвать функционирование семьи, вызывая неблагоприятное развитие во всей сети взаимоотношений семьи. Подход и реакция семьи имеют

решающее значение для жизнеспособности всех ее членов, от маленьких детей до уязвимых взрослых [27].

Выводы

1. Подход к семье как системе и практической работе с ней с позиции изучения ее жизнеспособности предполагает акцентирование не на слабости и дисфункциональности семьи, а на тех потенциальных и реальных возможностях, которые заложены в ней.

2. Жизнеспособность семьи как ее системная характеристика зависит от баланса факторов риска и факторов защиты, в качестве которых рассматриваются ресурсы семьи, являющиеся индикаторами ее жизнеспособности.

3. Семью следует рассматривать как жизнеспособную, если в результате ответа на стрессор любого генеза достигается баланс между факторами риска и защиты или последние превышают факторы риска.

4. Ресурсы нуклеарной семьи, способствующие формированию и поддержанию ее жизнеспособности в широком временном, социальном и культурном контекстах, — это постепенно объединяющиеся индивидуальные ресурсы. Процесс формирования ресурсности семьи является не только их накоплением, но также синтезом и группированием ресурсов всей семьи как системы.

5. Организационная теория А.А. Богданова, являясь общенаучным подходом к изучению любой системы, позволяет проводить анализ жизнеспособности семьи как ее системной характеристики с позиции взаимодействия разнонаправленных активностей, опосредованных различиями в понимании семейных ценностей, коммуникативных потребностей и организационных паттернов. Совместная согласованная активность членов семьи, приводящая к возрастанию семейной жизнеспособности, достигается с помощью ресурсов.

Литература

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. 360 с.
2. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. Том 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
3. Варга А.Я. Введение в системную семейную терапию. М.: Когито-Центр, 2017. 182 с.
4. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М.: ИД «София», 2003. 310 с.
5. Ковалева Ю.В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Том 33. № 5. С. 50–70.
6. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В. Индивидуальные и групповые тенденции совладания с трудностями в российских семьях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Том 20. № 2. С. 71–77.
7. Лактионова А.И. Особенности эффективной замещающей семьи, воспитывающей подростка-сироту // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 225–242.
8. Лактионова А.И. Взаимосвязь смысловых образований и рефлексивности с жизнеспособностью человека // Психологический журнал. 2017. Том 38. № 5. С. 27–40.
9. Мастен Э.С., Дистефано Р. Наука о жизнеспособности и ее применение для позитивного развития детей // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и

социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–45.

10. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с. (а)
11. *Махнач А.В.* Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 46–70. (б)
12. *Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // *Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека* / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.
13. *Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В.* Жизнеспособность и семейные ресурсы замещающих родителей // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2018. Том 15. № 4. С. 45–54. DOI:10.31079/1992-2868-2018-15-4-45-54
14. *Махнач А.В., Постылякова Ю.В.* Модель жизнеспособности семьи // *Психологические исследования проблем современного российского общества* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 438–460.
15. *Одинцова М.А., Гусарова Е.С., Айсмонтас Б.Б.* Жизнеспособность семьи в стрессогенных ситуациях инвалидности в зарубежных исследованиях // *Современная зарубежная психология*. 2020. Том 9. № 1. С. 29–38. DOI:10.17759/jmfp.2020090103
16. *Постылякова Ю.В.* Индивидуальные и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект* / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 459–477.
17. *Постылякова Ю.В.* Повышение ресурсности и жизнеспособности кандидатов в замещающие родители в ходе обучения // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2016. Том 1. № 1. С. 272–283.
18. *Холостова Е.И., Шинина Т.В.* Социально-психологическая устойчивость семьи в современной России. М.: Дашков и К, 2018. 342 с.
19. *De Haan L., Hawley D.R., Deal J.E.* Operationalizing family resilience: A methodological strategy // *The American Journal of Family Therapy*. 2002. Vol. 30(4). P. 275–291. DOI:10.1080/01926180290033439
20. *Hawley D.R., DeHaan L.* Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives // *Family Process*. 1996. Vol. 35(2). P. 283–298. DOI:10.1111/j.1545-5300.1996.00283.x
21. *Kiernan K.E., Mensah F.K.* Poverty, family resources and children's early educational attainment: the mediating role of parenting // *British Educational Research Journal*. 2011. Vol. 37(2). P. 317–336. DOI:10.1080/01411921003596911
22. *Linkov I., Trump B.D.* The Science and Practice of Resilience. Cham: Springer, 2019. DOI:10.1007/978-3-030-04565-4
23. *Lucas K., Buzzanell P.M.* Memorable messages of hard times: Constructing short- and long-term resiliencies through family communication // *Journal of Family Communication*. 2012. Vol. 12(3). P. 189–208. DOI:10.1080/15267431.2012.68719
24. *Mattessich R.* The systems approach: Its variety of aspects // *Journal of the American Society for Information Science*. 1982. Vol. 33(6). P. 383–394. DOI:10.1002/asi.4630330609
25. *Ungar M.* Families as navigators and negotiators: Facilitating culturally and contextually specific expressions of resilience // *Family Process*. 2010. Vol. 49(3). P. 421–435. DOI:10.1111/j.1545-5300.2010.01331.x

26. Walsh F. Strengthening Family Resilience (3rd ed.). New York: Guilford, 2016. 400 p.
27. Walsh F. Family Resilience // Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change / M. Ungar (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 255–270. DOI:10.1093/oso/9780190095888.003.0015
28. Windlea G., Markland D.A., Woods R.T. Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age // Aging & Mental Health. 2008. Vol. 12(3). P. 285–292. DOI:10.1080/13607860802120763

References

1. Antonov A.I. Mikrosotsiologiya Sem'i (Metodologiya Issledovaniya Struktur i Protssessov) [Microsociology of the Family (Methodology for the Study of Structures and Processes)]. Moscow: Nota Bene, 1998. 360 p. (In Russ.).
2. Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya Organizatsionnaya Nauka [Tectology: General Organizational Science]. Vol. 1. Moscow: Ekonomika, 1989. 304 p. (In Russ.).
3. Varga A.Ya. Vvedeniye v sistemnyuyu semeynuyu terapiyu [An introduction to systemic family therapy]. Moscow: Kogito-Center, 2017. 182 p. (In Russ.).
4. Kapra F. Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivykh system [The Web of Life. A New Scientific Understanding of Living Systems]. Moscow: Sofiya, 2003. 310 p. (In Russ.).
5. Kovaleva YU.V. Sovmestnaya regulyatsiya povedeniya suprugov na razlichnykh etapakh zhiznennogo tsikla sem'i [Joint regulation of the behavior of spouses at different stages of the family life cycle]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2012. Vol. 33(5), pp. 50–70. (In Russ.).
6. Kryukova T.L., Saporovskaya M.V. Individual'nye i gruppovye tendentsii sovladaniya s trudnostyami v rossiiskikh sem'yakh [Individual and group tendencies of coping with difficulties in Russian families]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetik = Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics*, 2014. Vol. 20(2), pp. 71–77. (In Russ.).
7. Laktionova A.I. Osobennosti effektivnoy zameshchayushchey sem'i, vospityvayushchey podrostka-sirotu [Features of an effective foster family raising an orphan teenager]. In Makhnach A.V. (Eds.). *Sem'ya, Brak i Roditel'stvo v Sovremennoy Rossii* [Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia]. Vol. 2. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2015, pp. 225–242. (In Russ.).
8. Laktionova A.I. Vzaimosvyaz' smyslovykh obrazovaniy i refleksivnosti s zhiznesposobnost'yu cheloveka [The relationship of semantic formations and reflexivity with human resilience]. *Psikhologicheskii Zhurnal = Psychological Journal*, 2017. Vol. 38, no. 5, pp. 27–40. (In Russ.).
9. Masten A.S., Distefano R. Nauka o zhiznesposobnosti i ee primenenie dlya pozitivnogo razvitiya detei [The science of resilience and its application for the positive development of children]. In A.V. Makhnach, L.G. Dikaya (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty* [Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2016, pp. 31–45. (In Russ.).
10. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma [Human and Family Resilience: a Socio-psychological Paradigm]. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2016. 459 p. (In Russ.).
11. Makhnach A.V. Issledovaniya zhiznesposobnosti cheloveka: osnovnyye podkhody i modeli [Studies of human resilience: basic approaches and models]. In A.V. Makhnach, L.G. Dikaya (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i sotsial'nye aspekty* [Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2016, pp. 46–70. (In Russ.).
12. Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V. Programma psikhologicheskoi diagnostiki lichnostnykh i semeinykh resursov v praktike otbora, obucheniya i soprovozhdeniya zameshchayushchikh roditel'ei [The program of psychological diagnosis of personal and family

- resources in the practice of selection, training and support of foster parents]. In Dikaya L.G., et al. (Eds.). *Metody psikhologicheskogo obespecheniya professional'noi deyatelnosti i tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov cheloveka* [Methods of Psychological Support of Professional Activities and Technologies for the Development of Human Mental Resources]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2014, pp. 166–193. (In Russ.).
13. Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V. Zhiznesposobnost' i semeinye resursy zameshchayushchikh roditel'ei [Resilience and family resources of foster parents]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and Human Sciences in the Far East*, 2018. Vol. 15(4), pp. 45–54. DOI:10.31079/1992-2868-2018-15-4-45-54 (In Russ.).
14. Makhnach A.V., Postylyakova Yu.V. Model' zhiznesposobnosti sem'i [Family Resilience Model]. In Zhuravlev A.L. (Eds.). *Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennoogo rossiiskogo obshchestva* [Psychological Studies of the Problems of Modern Russian Society]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2013, pp. 438–460. (In Russ.).
15. Odintsova M.A., Gusarova E.S., Aismontas B.B. Zhiznesposobnost' sem'i v stressogennykh situatsiyakh invalidnosti v zarubezhnykh issledovaniyakh [Family resilience in stressful situations of disability in foreign studies]. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9(1), pp. 29–38. DOI:10.17759/jmfp.2020090103 (In Russ.).
16. Postylyakova Yu.V. Individual'nye i semeinye resursy u kandidatov v zameshchayushchie roditeli [Individual and family resources of foster parents' applicants]. In Makhnach A.V., Prihozhan A.M., Tolstykh N.N. (Eds.). *Problema sirotstva v sovremennoi Rossii: Psikhologicheskii aspekt* [The Problem of Orphanhood in Modern Russia: Psychological Aspect]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2015, pp. 459–477. (In Russ.).
17. Postylyakova Yu.V. Povysheniye resursnosti i zhiznesposobnosti kandidatov v zameshchayushchie roditeli v khode obucheniya [Increasing the resource and resilience of foster parents' applicants during training]. *Institut Psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 2016. Vol. 1(1), pp. 272–283. (In Russ.).
18. Kholostova E.I., Shinina T.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya ustoichivost' sem'i v sovremennoi Rossii [Socio-psychological Sustainability of the Family in Modern Russia]. Moscow: Dashkov & K, 2018. 342 p. (In Russ.).
19. De Haan L., Hawley D.R., Deal J.E. Operationalizing family resilience: A methodological strategy. *The American Journal of Family Therapy*, 2002. Vol. 30(4), pp. 275–291. DOI:10.1080/01926180290033439
20. Hawley D.R., DeHaan L. Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives. *Family Process*, 1996. Vol. 35(2), pp. 283–298. DOI:10.1111/j.1545-5300.1996.00283.x
21. Kiernan K.E., Mensah F.K. Poverty, family resources and children's early educational attainment: the mediating role of parenting. *British Educational Research Journal*, 2011. Vol. 37(2), pp. 317–336. DOI:10.1080/01411921003596911
22. Linkov I., Trump B.D. *The Science and Practice of Resilience*. Cham: Springer, 2019. DOI:10.1007/978-3-030-04565-4
23. Lucas K., Buzzanell P.M. Memorable messages of hard times: Constructing short- and long-term resiliencies through family communication. *Journal of Family Communication*, 2012. Vol. 12(3), pp. 189–208. DOI:10.1080/15267431.2012.68719
24. Mattessich R. The systems approach: Its variety of aspects. *Journal of the American Society for Information Science*, 1982. Vol. 33(6), pp. 383–394. DOI:10.1002/asi.4630330609
25. Ungar M. Families as navigators and negotiators: Facilitating culturally and contextually specific expressions of resilience. *Family Process*, 2010. Vol. 49(3), pp. 421–435. DOI:10.1111/j.1545-5300.2010.01331.x
26. Walsh F. *Strengthening Family Resilience* (3rd ed.). New York: Guilford, 2016. 400 p.

27. Walsh F. Family Resilience. Multisystemic resilience: adaptation and transformation in contexts of change. M. Ungar (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 255–270. DOI:10.1093/oso/9780190095888.003.0015
28. Windlea G., Markland D.A., Woods R.T. Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age. *Aging & Mental Health*, 2008. Vol. 12(3), pp. 285–292. DOI:10.1080/13607860802120763

Информация об авторах

Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, заместитель директора по науке, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Лактионова Анна Игоревна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Information about the authors

Alexander V. Makhnach, Doctor of Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Anna I. Laktionova, PhD in Psychology, Leading Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-2142>, e-mail: apan@inbox.ru

Получена 10.04.2020

Received 10.04.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Оценка ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси

Одинцова М.А.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru*

Радчикова Н.П.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com*

Янчук В.А.

*УО «Белорусский государственный университет» (УО БГУ),
г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by*

Цель. Сравнительный анализ оценивания ситуации пандемии COVID-19 в зависимости от возраста респондентов и стратегий государственного регулирования противодействия инфекции (на примере Беларуси и России).

Контекст и актуальность. Исследование оценок ситуации пандемии COVID-19 жителей стран, отличающихся стратегиями государственного регулирования, дает возможность выявить сходства и различия в оценивании ситуации, степени ее влияния на разные сферы жизни, страхов, своих возможностей. Представлена одна из первых попыток выявления личностно-редово-активной интердетерминации психологической феноменологии.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с 11 апреля по 4 июня 2020 года с помощью Google-формы.

Участники. В исследовании приняли участие 439 человек от 18 до 62 лет: 231 россиянин (77,9% женщин; ср. возраст 32,68+9,16) и 208 белорусов (75,5% женщин; ср. возраст 30,94+10,28). Из них: 1) молодежь России от 18 до 30 лет (N=91; ср. возраст 23,6+4,21); Беларусь (N=113; ср. возраст 23,1+3,8); 2) зрелое поколение россиян от 31 до 60 лет (N=140; ср. возраст 38,6+6,25) и белорусов (N=95; ср. возраст 40,25+7,37).

Методы. Специально разработанная анкета с оценками от 0 до 10 (по шкале Ликерта) ситуации COVID-19 и открытый вопрос.

Результаты. Белорусы и россияне одинаково высоко оценили свои возможности и ресурсы в ситуации пандемии. Люди старшего возраста обеих стран наделяют данную ситуацию более негативными оценками при одновременно высоком оценивании своих возможностей в отличие от молодежи. В условиях самоизоляции снижается интенсивность страхов, более позитивно оценивается ситуация, однако усиливается ее влияние на физическую активность и состояние

психики. Глобальные и личные страхи доминируют при самоизоляции, а социальные — при отсутствии таковой. При самоизоляции с повышением возможностей и ресурсов человека снижаются оценки страхов, оценки сложности ситуации пандемии и степени ее влияния на разные сферы жизни.

Основные выводы. *Оценки трудности ситуации пандемии, страхов, степени ее влияния на разные сферы жизни выше у жителей Беларуси, что может объясняться отсутствием дополнительных мер сдерживания распространения коронавирусной инфекции.*

Ключевые слова: *пандемия COVID-19, оценка ситуации, страхи, государственное регулирование, самоизоляция.*

Для цитаты: *Одичцова М.А., Радчикова Н.П., Янчук В.А. Оценка ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120204>*

Assessment of the COVID-19 Pandemic Situation by Residents of Russia and Belarus

Maria A. Odintsova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Natalya P. Radchikova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: natalya.radchikova@gmail.com

Vladimir A. Yanchuk

Belarusian State University, Minsk, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by

Objective. *Comparative analysis of assessing the situation of the COVID-19 pandemic depending on the age of the respondents and the strategies of state regulations against infection (example of Belarus and Russia).*

Background. *The study of COVID-19 assessments by residents of regions with different state regulations of the pandemic situation makes it possible to identify the similarities and differences in assessments of the situation, the degree of its impact on different spheres of life, fears, their capabilities and to outline the directions of psychological assistance. This is one of the first attempts to identify the personality-environment-activity interdetermination of psychological phenomenology is presented.*

Study design. *The study was conducted from April 11th to June 4th, 2020 using Google Form.*

Measurements. *Specially designed questionnaire with scores from 0 to 10 (on the Likert scale) of the COVID-19 situation and an open-ended question.*

Participants. *It was attended by 439 people from 18 to 62 years old: 231 Russians (77.9% of women; average age 32.68+9.16 years) and 208 Belarusians (75.5% of women; average age 30.94+10.28 years). Of these: 1) Russian youth from 18 to 30 years old (N=91; average age 23.6+4.21 years) and Belarus youth (N=113; average age 23.1+3.8 years); 2) the mature generation of Russians from 31 to 60 years old (N=140; average age 38.6+6.25 years) and Belarusians (N=95; average age 40.25+7.37 years).*

Results. *Both Belarusians and Russians highly estimated their capabilities and resources. Older people in both countries give a more negative assessment of the pandemic situation, while at the same time giving a higher assessment of their resources than young people. In self-isolation the intensity of*

fears decreases, the situation is assessed more positively, but the influence on physical activity and mental state increases. Global and personal fears dominate in the absence of self-isolation, while social fears dominate in the absence of self-isolation. There is a positive correlation between person's capabilities and resources and the assessment of fears, the difficulties of the pandemic situation, and the degree of its impact on various aspects of life in the situation of self-isolation.

Conclusions. *Assessments of the pandemic situation complexity, the degree of its impact on various aspects of life, and fears are higher among the residents of Belarus, which may be explained by the lack of additional measures against the spread of coronavirus infection.*

Keywords: *COVID-19 pandemic, assessment of the situation, fears, government regulation, self-isolation.*

For citation: Odintsova M.A., Radchikova N.P., Yanchuk V.A. Assessment of the COVID-19 Pandemic Situation by Residents of Russia and Belarus. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120204> (In Russ.).

Введение

О целесообразности тех или иных стратегий, предпринимаемых разными государствами в ответ на пандемию, ведутся оживленные дискуссии. Одни считают, что жесткие чрезвычайные меры не оправданы [3; 23], другие высказываются в пользу самоизоляции [15; 20]. В каждом случае специалисты обеспокоены сохранением благополучия, физического и психологического здоровья населения своих стран. Исследования, сопровождающие эти дискуссии, создают некоторое представление об эффективности тех или иных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и ее последствий. Так, анализ различий в подходах к решению проблемы COVID-19 в Иордании и Австралии показал [9], что более половины иорданцев испытывают стресс и беспокойство, а в 35% случаев страдают от домашнего насилия в результате введения жестких ограничительных мер. Австралия при минимальных ограничениях, но на фоне внедрения государственных программ поддержки психического благополучия населения, так же как и Иордания, успешно справляется с пандемией.

Масштабное исследование выраженности страхов и воздействия пандемии на психическое здоровье населения разных штатов Америки показало, что страх распространен неравномерно: наиболее выражен в густонаселенных местах и чаще зарегистрированными случаями заболевания [13]. Показано, что страх перед вирусом и последующие проблемы с психическим здоровьем населения связаны с видами мер, предпринятых в разных штатах для борьбы с вирусом. Исследование психического здоровья некоторых мегаполисов Китая (с обязательной самоизоляцией и без карантина) показало, что режим самоизоляции оказывает влияние на психическое здоровье жителей вплоть до появления симптоматики ПТСР [23]. В исследовании отечественных специалистов было обнаружено, что самоизоляция и социальное дистанцирование выделяются в самостоятельный стресс-фактор [6]. В Испании, одной из самых пострадавших в результате COVID-19 стран, выявлено, что 36,6% людей испытывают психологический стресс. Резкое изменение жизни испанцев в результате самоизоляции привело к высокому уровню страха [18]. В Израиле обнаружены потенциальные проблемы с психическим здоровьем: у 25%

израильтян — высокий или очень высокий уровень тревоги, а 12% подвержены риску депрессии [19]. В исследовании С. Драйхерст и ее коллег [12], проведенном в 10 странах с разной государственной политикой, выявлено, что убежденность населения в неэффективности действий правительства повышает восприятие уровня риска. С другой стороны, высокий уровень восприятия риска усиливает защитное поведение людей в отношении здоровья.

Таким образом, в условиях пандемии каждая страна идет своим путем через уникальный «естественный эксперимент», созданный COVID-19. Какой путь окажется более верным и каковы будут последствия — покажет время. Однозначно признается, что пандемия COVID-19 как особая ситуация усилила психологическое напряжение во всем мире. Предпринимаются разные меры по ее сдерживанию и защите населения. В большинстве стран введен режим самоизоляции, но люди по-разному оценивают и реагируют на принятые меры.

Исследования последствий пандемии COVID-19 показали ограниченные возможности традиционно доминирующего персонцентрического подхода, фокусирующегося на выявлении личностных детерминант изучаемых психологических феноменов. Более продуктивным представляется использование идей культурно-диалогической метатеории интеграции психологического знания, акцентирующей внимание на комплексном взаимодействии личностно-средово-активностных интердетерминант поведения [24]. С учетом представленного выше многообразия государственного регулирования ситуации пандемии в нашем исследовании фокус внимания сконцентрирован на различиях в использованных стратегиях и их потенциальной эффективности.

Психологический эффект такого рода влияния может быть локализован на примере сравнения близкородственных культур (Беларуси и России), имеющих достаточно продолжительный совместный исторический опыт проживания и общий язык, что позволяет снизить потенциальное влияние иных культурно обусловленных переменных. В России был введен режим самоизоляции и реализована государственная поддержка (финансовая, социальная, медицинская) для сохранения благополучия и здоровья россиян [17]. В Беларуси правительство отрицало пандемию и не предприняло дополнительных мер для защиты населения. Безопасность как устойчивое психическое состояние ощущения непрерывности жизненных событий, чувство порядка, спокойствие — все это было нарушено в жизни белорусов, оставшихся без своевременной поддержки государства. Как известно, в условиях кризисов, хаоса и неопределенности люди особенно нуждаются в сильном и своевременном вмешательстве правительства для координации своих стратегий и эффективного преодоления [11]. Особое значение при этом приобретают характеристики лидера: сочувствующий, уделяющий внимание безопасности, заботящийся об эмоциональных потребностях населения [14]. Исследователи предупреждают, что в противном случае последствия могут быть самыми непредсказуемыми [11]. В этом плане население России и Беларуси, стран с глубокими историческими корнями патернализма, особенно нуждается в разумном патернализме, который выражается не только во всеобщем регулировании и контроле жизни населения, но и в проявлении заботы о своих гражданах в особенно трудные для них времена.

Дополнительным фактором, который оказывает воздействие на восприятие

ситуации, является возраст, который учитывается в большинстве исследований пандемии и который, по мнению Н.Н. Толстых, играет особую роль в качестве переменной в области социальной психологии развития, призванной развивать представления «о развивающемся человеке в сложно организованном, глобализирующемся и быстро изменяющемся, качественно трансформирующемся мире» [7, с. 31].

Таким образом, целью исследования стал анализ оценивания пандемии жителями стран с разными стратегиями государственного регулирования данной ситуации (Беларуси и России). Предполагается, что оценки своих возможностей, самой ситуации пандемии, страхов и оценки ее влияния на разные сферы жизни зависят от возраста и от стратегий государственного регулирования.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось с 11 апреля по 4 июня 2020 года в период самоизоляции в России и в Беларуси, где пандемия отрицалась.

Выборка. В исследовании приняли участие 711 человек. После исключения ответов из других стран (Украина, Грузия, Узбекистан и др.), лиц в возрасте до 18 лет и балансировки по полу и возрасту выборка включила 439 человек в возрасте от 18 до 62 лет; из них 231 россиянин (77,9% женщин; ср. возраст $32,68 \pm 9,16$) и 208 белорусов (75,5% женщин; ср. возраст $30,94 \pm 10,28$). Группы не различались по возрасту ($t(237)=1,84$; $p=0,06$) и полу ($\chi^2=0,37$; $p=0,57$).

Выборка была разделена на группы:

1) молодежь России от 18 до 30 лет ($N=91$; ср. возраст $23,6 \pm 4,21$, медиана=24),

Беларуси ($N=113$; ср. возраст $23,1 \pm 3,8$ года, медиана=23);

2) зрелое поколение россиян от 31 до 60 лет ($N=140$; ср. возраст $38,6 \pm 6,25$, медиана=37), белорусов ($N=95$; ср. возраст $40,25 \pm 7,37$, медиана=39).

Методы. Использовалась специально разработанная анкета, основанная на подходе Е.В. Битюцкой к когнитивному оцениванию трудной жизненной ситуации, в котором когнитивное оценивание рассматривается как «процесс, участвовавший в формировании и функционировании субъективного образа ситуации в индивидуальном сознании» [1, с. 53]. При этом подчеркивается важность оценок, которые в совокупности становятся субъективным заключением людей о сложности самой ситуации.

Вопросы анкеты (всего 35 вопросов) включали оценки ситуации COVID-19 по 11-бальной шкале Ликерта (от 0 – минимальная оценка до 10 – максимальная оценка) по следующим блокам характеристик:

1) три вопроса, включающие социодемографические характеристики (пол, возраст, место проживания);

2) шесть оценок степени влияния ситуации на разные сферы жизни (трудную занятость, уровень заработной платы, уровень физической активности, состояние психики, качество отношений с близкими, качество социальных контактов);

3) девять оценок выраженности страхов (умереть; заболеть; заболеют мои близкие, и я не смогу им помочь; близкие заболеют и умрут; останусь один; останусь без работы; останусь без средств к существованию; испортить отношения с партнером; будущего) и один открытый вопрос для описания своего страха (на что и/или на кого он похож; для чего нужен?);

4) девять оценок ситуации (неопределенность; трудность; личная значимость; сила переживаемого в данный момент стресса; непредсказуемость; неконтролируемость; безвыходность; размер потерь, связанных с ситуацией; сложность выполнять рекомендации властей);

5) восемь оценок собственных возможностей для преодоления ситуации (физические, психологические, интеллектуальные, духовные, временные, творческие, материальные, социальные).

Статистический анализ. Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки возможностей, оценки самой ситуации и ее воздействия на разные сферы жизни был применен трехфакторный дисперсионный анализ с апостериорным критерием Дункана. Дисперсионный анализ проводился четыре раза — для каждой из внутригрупповых переменных, образующих отдельные блоки методики: 1) оценки степени влияния ситуации на разные сферы жизни (6 уровней); 2) оценки страхов (9 уровней); 3) оценки трудности и значимости ситуации (9 уровней) и 4) оценки возможностей респондентов (8 уровней). В качестве межгрупповых факторов, участвующих во всех четырех анализах, выступили переменные: стратегии государственно-

го регулирования (с самоизоляцией/без самоизоляции) и возраст (до 30 лет/от 31 года). Для определения эффекта пола использовался t-критерий Стьюдента. Для определения выраженности разных видов страха в зависимости от стратегий сдерживания коронавирусной инфекции применялся критерий хи-квадрат Пирсона. Для выявления взаимосвязей между оценками своих возможностей и оценками ситуации, степени ее влияния на разные сферы жизни, страхов был применен корреляционный анализ (вычислялись коэффициенты корреляции Пирсона).

Результаты

Описательная статистика по вопросам всех пяти блоков анкеты представлена в табл. 1. Результаты показывают, что выборки сбалансированы по стране проживания и по возрасту, но среди респондентов преобладают женщины. Для четырех оценочных блоков анкеты (сила влияния ситуации на разные аспекты жизни, страхи, сложность ситуации и возможности) были посчитаны меры согласованности ответов (альфа Кронбаха и альфа Гутмана при расщеплении на две части), которые показали очень хорошее согласование (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика по вопросам анкеты

Социодемографические характеристики		
Показатель	N	%
Страна		
Беларусь	208	47,40%
Россия	231	52,60%
Группа (возраст)		
До 30 лет	204	46,50%
От 31 года и старше	235	53,50%

Пол		
Женский	337	76,80%
Мужской	102	23,20%
Вопросы анкеты		
Показатель	M±s	Me [Q1; Q3]
Влияние ситуации на: (альфа Кронбаха=0,74; альфа Гуттмана=0,81)		
Мою трудовую занятость	5,0±3,5	5,0 [2,0; 8,0]
Уровень моей заработной платы (дохода)	4,1±3,8	4,0 [0,0; 8,0]
Уровень моей физической активности	5,6±3,5	6,0 [3,0; 9,0]
Состояние моей психики	4,7±3,0	5,0 [2,0; 7,0]
Качество моих отношений с близкими	3,6±3,1	3,0 [0,5; 6,0]
Качество моих социальных контактов	5,6±3,1	6,0 [3,0; 8,0]
Средняя оценка влияния ситуации	4,8±2,2	5,0 [3,2; 6,5]
Оценки страхов (альфа Кронбаха=0,87; альфа Гуттмана=0,92)		
Умереть	2,9±3,0	2,0 [0,0; 5,0]
Заболеть	4,0±3,1	4,0 [1,0; 6,0]
Заболели бы мои близкие, и я не смогу им помочь	7,0±3,0	8,0 [5,0; 10,0]
Мои близкие заболели бы и умерли	6,9±3,3	8,0 [5,0; 10,0]
Я останусь один (одна)	4,1±3,6	4,0 [1,0; 7,0]
Останусь без работы	3,7±3,3	3,0 [0,0; 6,0]
Останусь без средств к существованию	4,8±3,5	5,0 [2,0; 8,0]
Испортить отношения с партнером	2,6±3,2	1,0 [0,0; 5,0]
Будущего	4,2±3,2	5,0 [1,0; 7,0]
Средняя оценка страхов	4,5±2,3	4,0 [2,9; 6,2]
Оценки ситуации (альфа Кронбаха=0,88; альфа Гуттмана=0,90)		
Неопределенность ситуации в мире	6,9±2,1	7,0 [5,0; 8,0]
Тяжесть ситуации в настоящий момент	5,7±2,5	6,0 [4,0; 8,0]
Личная значимость ситуации	5,3±2,7	5,0 [3,0; 7,0]
Сила переживаемого стресса	4,6±2,9	5,0 [2,0; 7,0]
Сложность предугадать, что произойдет дальше	6,2±2,8	7,0 [4,0; 9,0]
Сложность контролировать ситуацию	5,7±3,1	6,0 [4,0; 8,0]
Безвыходность ситуации	4,2±2,6	4,0 [2,0; 6,0]
Потери, связанные с ситуацией	3,6±2,6	3,0 [2,0; 5,0]
Сложность выполнять рекомендации властей	3,8±3,2	3,0 [1,0; 6,0]
Средняя оценка тяжести и значимости ситуации	5,1±1,9	5,0 [3,4; 6,6]
Оценки возможностей (альфа Кронбаха=0,91; альфа Гуттмана=0,93)		
Физические	5,7±2,8	6,0 [4,0; 8,0]
Психические	6,5±2,7	7,0 [5,0; 9,0]
Интеллектуальные	6,8±2,6	7,0 [5,0; 9,0]
Моральные/Духовные	6,9±2,6	7,0 [5,0; 9,0]
Временные	6,3±2,7	7,0 [5,0; 8,0]

Творческие	6,0±3,1	6,0 [4,0; 9,0]
Материальные	5,2±2,9	5,0 [3,0; 7,5]
Социальные	5,8±2,7	6,0 [4,0; 8,0]
Средняя оценка имеющихся ресурсов	6,2±2,2	6,0 [5,0; 7,8]

Примечания. М — среднее арифметическое; s — стандартное отклонение; Me — медиана, Q1 — нижний квартиль; Q3 — верхний квартиль.

Так как число респондентов мужского пола было недостаточным для включения фактора «Пол» в расчеты дисперсионного анализа, эффект этого фактора был рассмотрен отдельно. Различия, по крайней мере, в один балл по 11-балльной шкале, достигшие уровня статистической значимости, обнаружены по трем показателям. Женщины выше мужчин оценили влияние ситуации на состояние психики (4,9 vs 3,8 баллов; $t(437)=3,37$; $p<0,001$), силу стресса (4,8 vs 3,6 баллов; $t(437)=3,74$; $p<0,001$) и сложность в контроле ситуации (5,9 vs 4,7 баллов; $t(437)=3,77$; $p<0,001$).

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки возможностей респондентов был применен трехфакторный дисперсионный анализ для смешанной схемы,

в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутригрупповой переменной — возможности респондентов. Оценка возможностей по 11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Статистический анализ показал, что оценки возможностей зависят только от возраста ($F(1,435)=9,9$; $p=0,0018$), но не зависят от стратегий государственного регулирования ($F(1,435)=0,6$; $p=0,4323$). Статистически значимых взаимодействий не обнаружено, то есть респонденты более старшего возраста выше оценили практически все свои возможности (табл. 2), кроме социальных.

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки страхов был применен трех-

Таблица 2

Оценки респондентами своих возможностей в зависимости от возраста (ср.±ст. откл. и уровень статистической значимости по апостериорному критерию Дункана)

Возможности	Возраст респондентов		p, уровень стат. знач.
	До 30 лет (N=204)	Старше 30 лет (N=235)	
Физические	5,2±2,8	6,0±2,8	0,007
Психические	6,2±2,9	6,9±2,6	0,015
Интеллектуальные	6,4±2,6	7,2±2,4	0,002
Моральные/Духовные	6,4±2,8	7,3±2,4	0,000
Временные	6,0±2,8	6,6±2,6	0,046
Творческие	5,7±3,1	6,3±3,0	0,038
Материальные	4,9±2,9	5,5±2,9	0,021
Социальные	5,7±2,7	6,0±2,6	0,368

факторный дисперсионный анализ для смешанной схемы, в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутригрупповой переменной — разные страхи. Оценка страхов по 11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Анализ оценок страхов показал, что при отсутствии взаимодействия второго порядка ($F(8,3480)=0,6; p=0,8185$) оба взаимодействия первого порядка статистически значимы: оценки страхов зависят от возраста ($F(8,3480)=6,3; p<0,0001$), и эта зависимость одинакова для обеих стран (рис. 1). Выраженность страхов также зависит от стратегий государственного регулирования ($F(8,3480)=5,0; p<0,0001$),

и эта зависимость одинакова для любого возраста (рис. 2). Респонденты старшего возраста выше оценили страхи заболеть, умереть, остаться без работы. Молодежь в большей степени озабочена проблемами близких и вероятностью испортить отношения с партнером. Практически все оценки страхов существенно выше при отсутствии дополнительных мер сдерживания пандемии (рис. 2).

Респондентам предлагалось написать и свой вариант ответа: страх, который не вошел в предлагаемый перечень. Ответ на этот вопрос дали 292 человека (66,5% от всей выборки). При описании своих страхов респонденты сосредотачивались в основном на негативных образах. Приведем некоторые примеры: 1) предме-

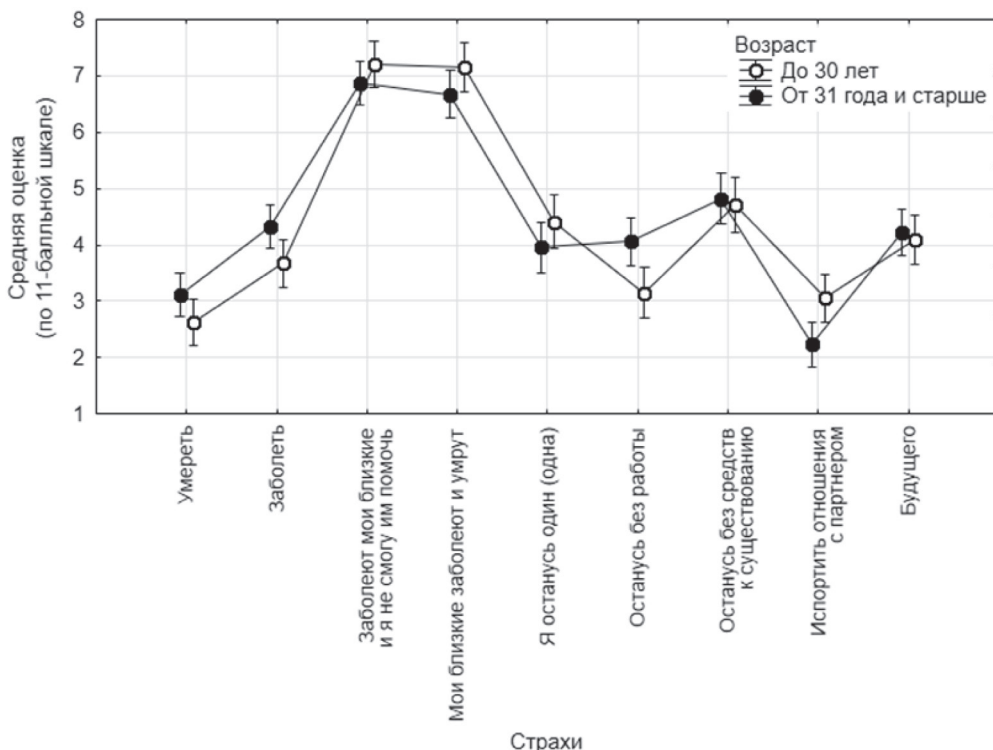


Рис. 1. Оценки страхов респондентами разного возраста

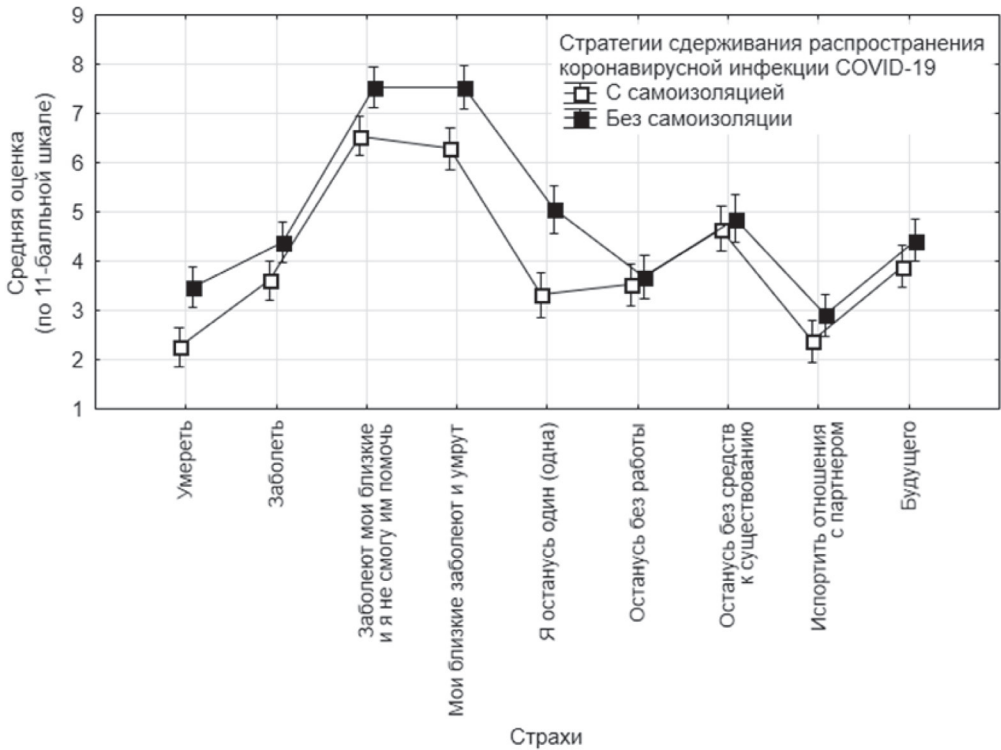


Рис. 2. Оценки страхов респондентами COVID-19 при разных стратегиях государственного регулирования

ты («склизкий, неприятный воздушный шар»; «черная маска на рот»; «кандалы»; «высокий бетонный забор»; «липкая смола») — 12,3% от всех ответивших; 2) природные явления («неосязаемый серый дым»; «серая большая хмурая туча»; «холодная одинокая темнота»; «волосатое фиолетовое облако») — 12,3% от всех ответивших; 3) человек («орущий от бессилия»; «одинокий, грустный»; «серый с косой на плече»; «неприятный пассажир за спиной») — 4,8% от всех ответивших; 4) абстракция («липкая серая субстанция»; «огромная черная засасывающая воронка»; «космическая туманность»; «вязкая жижа, шагающая за мной по пятам»; «темная масса, которая окутывает и

не дает дышать») — 32,9% от всех ответивших; 5) чувства («неприятность»; «ощущение под ложечкой»; «переживания и грусть») — 11,3% от всех ответивших; 6) животные («большое бородавчатое с грубой кожей (как у динозавров — с выступами и бороздами) из рода рептилий»; «страшилка из мультика»; «маленькое серое лохматое создание»; «серый и уставший мыш»; «клоп склизкий, холодный»; «слон, не смотрящий вниз, идущий по людям») и т.п. — 9,3% от всех ответивших. При этом 17,1% респондентов образ не указали. Выбор того или иного образа страха не зависел ни от страны проживания ($\chi^2=4,07$; $p=0,67$), ни от возраста респондентов ($\chi^2=6,49$; $p=0,37$).

Содержательный анализ страхов позволил систематизировать информацию в пять независимых категорий:

1) *глобальные*, связанные с возможностью кризиса в стране и мире, войной, «чипизацией», ограничением свобод и т.д. (7,2% от всех ответивших);

2) *индивидуальные*, отражающие эмоциональную нестабильность, срыв личных и семейных планов, финансовые потери и т.п. (11,6% от всех ответивших);

3) *социальные*, связанные с отношениями: «боюсь окружения, посторонних людей» (2,1% от всех ответивших);

4) *экзистенциальные*: «не понять что-то важное», «не обнаружить новые возможности», «не справиться с неопределенностью» (6,5% от всех ответивших);

5) тип страха было сложно отнести к той или иной категории (72,6% от всех ответивших).

Обнаружена тенденция к различиям в частоте обозначения того или иного типа страха при разных стратегиях сдер-

живания пандемии (табл. 3): глобальные и личные страхи доминируют при самоизоляции, а социальные — при отсутствии таковой. Для старшего поколения в большей степени, чем для молодежи, характерны глобальные и социальные страхи (табл. 3).

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки ситуации COVID-19 был применен трехфакторный дисперсионный анализ для смешанной схемы, в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутригрупповой переменной — различные аспекты ситуации COVID-19 (неопределенность, тяжесть, стрессогенность, сложность и т.д.). Оценка разных аспектов ситуации COVID-19 по 11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Статистический анализ оценок пандемии жителями двух стран показал, что

Таблица 3

Выраженность разных видов страха (число ответов и процентное соотношение) в зависимости от стратегии сдерживания коронавирусной инфекции ($\chi^2=9,19$ при $p=0,056$) и от возраста ($\chi^2=10,39$ при $p=0,034$)

Страхи	Стратегии государственного регулирования		Возраст	
	С самоизоляцией	Без самоизоляции	До 30 лет	От 31 года и старше
Глобальные	13	8	3	18
	61,90%	38,10%	14,29%	85,71%
Личные	23	11	12	22
	67,65%	32,35%	35,29%	64,71%
Социальные	1	5	1	5
	16,67%	83,33%	16,67%	83,33%
Экзистенциальные	11	8	8	11
	57,89%	42,11%	42,11%	57,89%
Не выражены	100	112	98	114
	47,17%	52,83%	46,23%	53,77%

при отсутствии взаимодействия второго порядка ($F(8,3480)=1,8; p=0,0743$) оба взаимодействия первого порядка статистически значимы: оценки характеристик ситуации зависят от возраста ($F(8,3480)=3,5; p=0,0005$), и эта зависимость одинакова для разных стратегий государственного регулирования (рис. 3). Оценки ситуации пандемии также зависят от стратегий ее сдерживания на государственном уровне ($F(8,3480)=2,6; p=0,0069$), и эта зависимость одинакова для любого возраста (рис. 4). Как видим, респонденты старшего возраста оценивают непредсказуемость, безвыходность, неподконтрольность ситуации значительно выше молодежи. При отсутствии строгих мер противодействия инфекции ситуация оценивается как более трудная,

значимая, безысходная и менее предсказуемая.

Для определения влияния разных стратегий государственного регулирования ситуации пандемии и возраста на оценки влияния ситуации COVID-19 на разные стороны жизни респондентов был применен трехфакторный дисперсионный анализ для смешанной схемы, в котором в качестве межгрупповых факторов использовались стратегии государственного регулирования и возраст, а в качестве внутрigrupповой переменной – различные стороны жизни респондентов (трудовая занятость, состояние психики, уровень зарплаты, отношения с близкими и т.д.). Оценка степени влияния ситуации COVID-19 на разные стороны жизни респондентов по

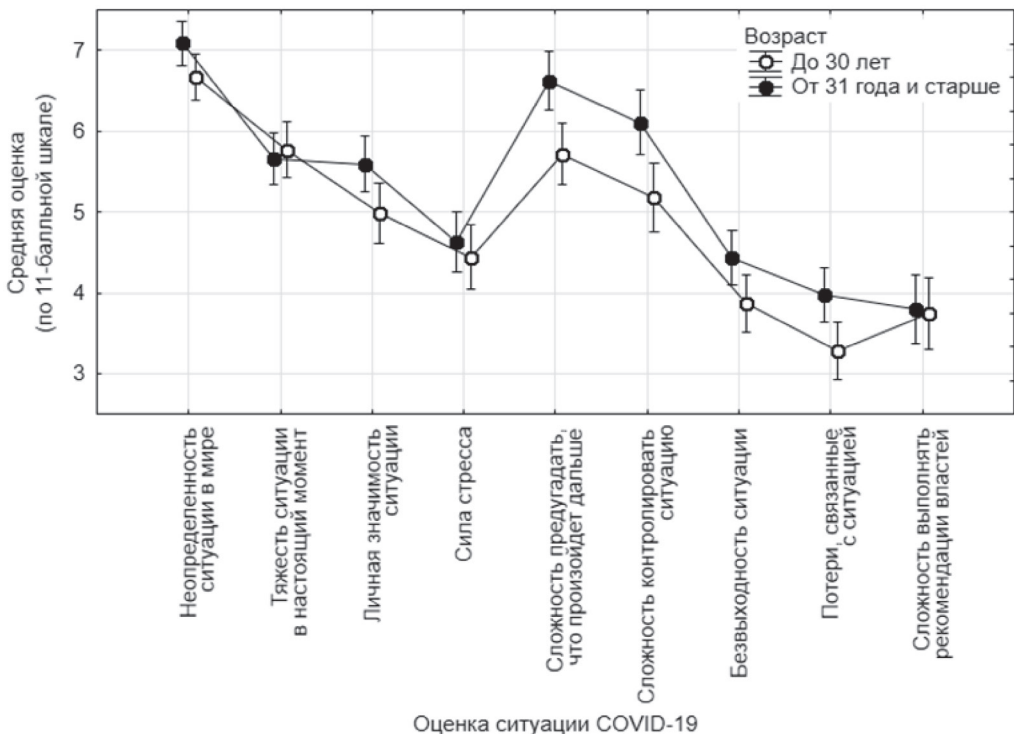


Рис. 3. Оценки ситуации COVID-19 респондентами разного возраста

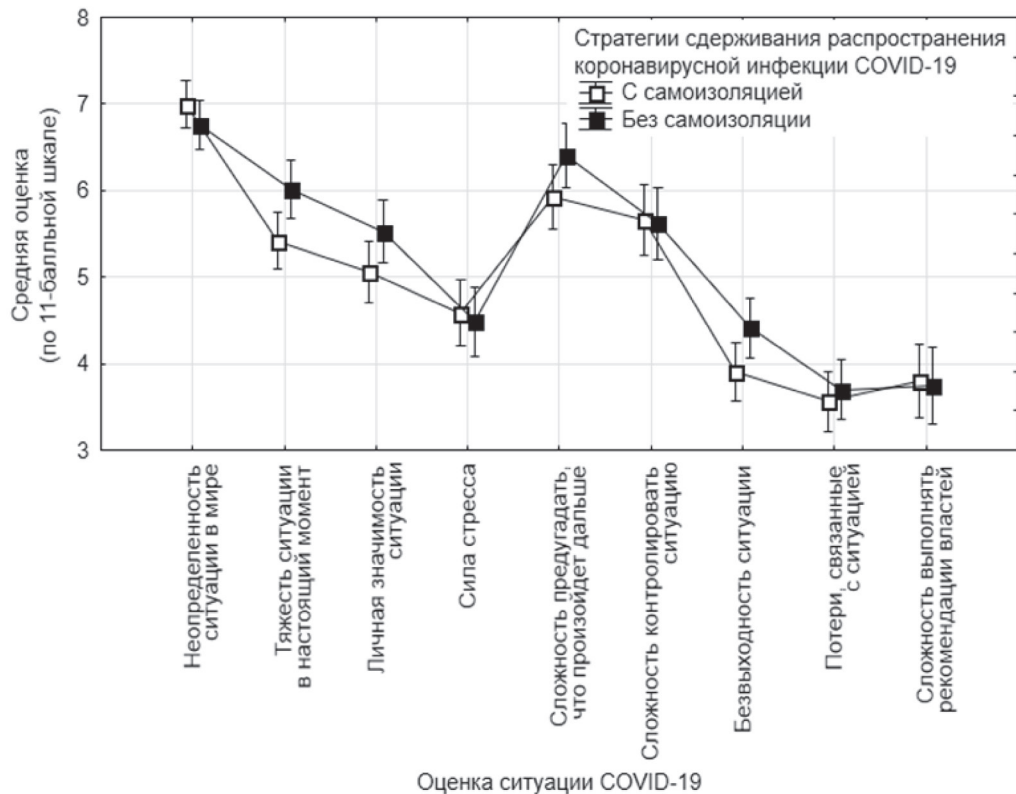


Рис. 4. Оценки ситуации COVID-19 при разных стратегиях государственного регулирования

11-балльной шкале являлась зависимой переменной. Анализ влияния пандемии на разные аспекты жизни респондентов говорит о том, что существует статистически значимое взаимодействие второго порядка: оценки влияния ситуации зависят от возраста по-разному при неодинаковых стратегиях государственного регулирования ($F(5,2175)=3,3$; $p=0,0057$). Результаты представлены на рис. 5. Введение режима самоизоляции повлияло, прежде всего, на уровень физической активности респондентов. Тем не менее влияние ограничительных мер на качество социальных контактов находится на среднем уровне и не отличается

от оценок молодых респондентов при отсутствии ограничений (рис. 5). О влиянии пандемии на качество социальных контактов сообщают респонденты старшего возраста, не находящиеся в самоизоляции. Наименьшее воздействие пандемия оказала на качество взаимоотношений с близкими. Респонденты старшего возраста выше оценили влияние пандемии на трудовую занятость при самоизоляции, а молодежь, наоборот, — без введения режима самоизоляции. Оценки воздействия пандемии на уровень заработной платы одинаковы и невысоки у респондентов обеих возрастных групп при отсутствии самоизо-

ляции, в то время как молодежь гораздо выше старших оценивает влияние ситуации на уровень доходов при введении ограничений. Оценки воздействия ситуации на состояние психики выше при самоизоляции.

Корреляционный анализ между оценками возможностей и оценками ситуации отдельно для двух выборок (в самоизоляции и при отсутствии ограничительных мер) показал, что статистически значимые корреляционные связи оказались слабыми и умеренными: от 0,13 до 0,29 по абсолютной величине (табл. 4). При самоизоляции все возможности имеют значение для оценок ситуации и выраженности страхов

(обнаружены статистически значимые связи с оценками ситуации и страхами) (табл. 4). При этом связи отрицательные, следовательно, чем выше оцениваются возможности, тем ниже оценки: страхов, степени влияния пандемии на разные аспекты жизни, значимости, неопределенности и безысходности ситуации, что вполне закономерно. Особую важность приобретают психические, творческие, социальные и материальные возможности (множество статистически значимых связей).

При отсутствии дополнительных мер по регулированию ситуации пандемии на государственном уровне практически не получено статистически значимых

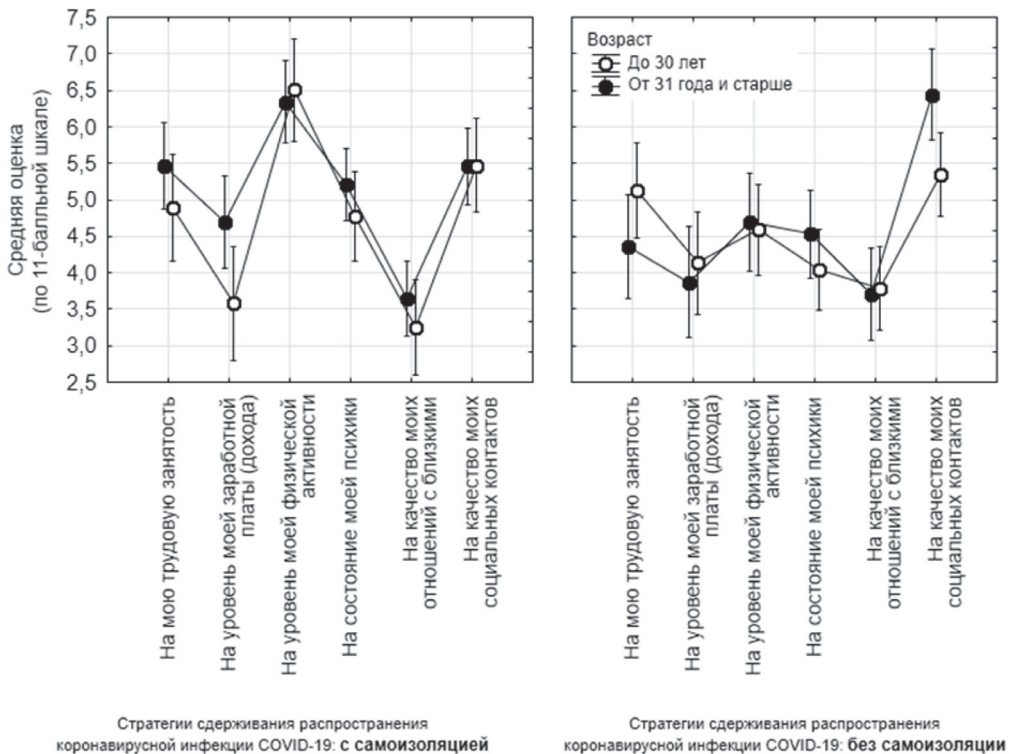


Рис. 5. Средние оценки влияния пандемии на сферы жизни при разных стратегиях государственного регулирования

Взаимосвязи оценок возможностей и оценок ситуации, страхов, влияния пандемии на разные сферы жизни (коэффициенты корреляции Пирсона для стран с разными стратегиями государственного регулирования: с самоизоляцией/без самоизоляции)

Возможности	Средняя оценка влияния ситуации	Средняя оценка страха	Средняя оценка тяжести и значимости ситуации
Физические	-0,09/0,13	-0,16 /0,03	-0,08/0,09
Психические	-0,21 /-0,02	-0,26 /-0,11	-0,29 /-0,12
Интеллектуальные	-0,11/ 0,15	-0,20 /-0,02	-0,17 /0,02
Моральные/Духовные	-0,13 /-0,02	-0,20 /-0,11	-0,18 /-0,11
Временные	-0,12/0,02	-0,16 /-0,07	-0,18 /-0,04
Творческие	-0,11/0,09	-0,26 /-0,02	-0,23 /0,01
Материальные	-0,16 /-0,08	-0,18 /-0,06	-0,17 /-0,05
Социальные	-0,18 /-0,02	-0,18 /-0,04	-0,23 /0,02
Средняя оценка имеющихся возможностей	-0,17 /0,04	-0,25 /-0,06	-0,24 /-0,03

Примечание. Жирным шрифтом выделены статистически значимые связи.

связей. Неважными оказались все возможности, кроме интеллектуальных. При этом обнаружена положительная связь: чем выше люди оценили свои интеллектуальные возможности, тем более негативно они оценили ситуацию.

Обсуждение результатов

Выборки двух стран не различаются в оценках своих возможностей (физических, психических, временных, творческих, материальных, социальных), поэтому полученные различия в оценивании страхов, сложности ситуации пандемии и ее влияния на некоторые сферы жизни респондентов могут объясняться разными стратегиями государственного регулирования COVID-19.

Сама ситуация неопределенности, с которой впервые столкнулись жители России и Беларуси и которую достаточно сложно интерпретировать, вы-

звала крайне негативные и расплывчатые образы страхов. Неопределенность ситуации порождает неопределенность образов. В результате такой неопределенности люди вынуждены отказаться от старых привычных взглядов на себя и этот мир, стараются более четко обозначить происходящее, найти смысл [22], что отразилось в высказываниях по поводу обратной стороны страха, о чем писали сами респонденты, отвечая на вопрос «Для чего нужен этот страх?»: «остановиться и поразмышлять», «обратиться к себе», «задуматься над своей жизнью», «изменить отношение к себе и своим близким» и т.п.

Практически все страхи существенно выше у жителей Беларуси, что может служить подтверждением значимости и важности заботы о своих гражданах со стороны государства в периоды кризисов. Страх белорусов «остаться одному» свидетельствует о недостаточно продуманной стратегии государственного

регулируемая, заключающейся в отрицании пандемии, что лишает граждан чувства безопасности: люди ощущают себя одинокими при столкновении с масштабным бедствием. Так, в исследовании К. Сибли и коллег показано, что чувство общности людей, находящихся в самоизоляции, возрастает с возрастанием доверия к правительству и удовлетворенности на национальном уровне [20]. Несмотря на введенные ограничения, пандемия становится объединяющим событием для россиян, а забота на государственном уровне вселяет дополнительную уверенность, снижает страхи даже в условиях других пандемических факторов, что подтверждается исследованиями зарубежных коллег [15; 16]. Вместе с тем наше исследование показало, что в условиях самоизоляции люди чаще высказывались о страхах, связанных с последствиями пандемии: страхи ограничения свобод, возможного кризиса в стране и мире, финансовых потерь и т.п.

Жители Беларуси оценили ситуацию пандемии как более трудную, значимую, безысходную и менее предсказуемую, что согласуется с исследованием, где показано, что в среднем люди выше воспринимают риск и истолковывают ситуацию как более угрожающую при неудачном управлении рисками [12].

Отрицательные связи между оценками своих возможностей и оценками негативных аспектов ситуации пандемии, полученные для жителей России, говорят о следующем. В условиях самоизоляции с повышением возможностей снижаются оценки страхов, степень влияния пандемии на разные сферы жизни, ниже оцениваются значимость, неопределенность и безвыходность ситуации, причем особую значимость приобретают психические, творческие и социальные ресурсы. Таким образом, отрицательные свя-

зи, хотя и оказавшиеся слабыми, вполне предсказуемы. Отсутствие таких связей в выборке респондентов из Беларуси, а также одна положительная связь могут объясняться стимулирующей ролью ситуации пандемии в активизации ресурсов. Например, установлено, что чем сильнее оценивается угроза от пандемии, тем выше способности ей противостоять [4], а страх играет мобилизующую роль, активизирует способности, навыки самоблагодания [2].

Наше исследование показало, что женщины обеих стран выше мужчин оценили влияние ситуации на состояние психики, силу переживаемого ими стресса и сложность в контроле над ситуацией, что согласуется с данными, полученными в Испании [18], Израиле [19], Венгрии [21], и объясняется более эмоциональным и ответственным отношением женщин к опасностям, в отличие от мужчин. Например, в исследованиях других стран также принимало участие больше женщин (75,1% в Испании, 61% в Израиле, 86,9% в Венгрии), что свидетельствует об их большей вовлеченности, заинтересованности, обеспокоенности происходящим и в итоге сказывается на оценках.

Респонденты старшего возраста как в России, так и в Беларуси выше оценили страхи: заболеть и умереть, остаться без работы, что объясняется большей вероятностью наступления данных событий для них не только в период пандемии. Они же более негативно оценили и саму ситуацию пандемии, что согласуется с исследованием отечественных специалистов [8], но несколько противоречит исследованию А. Сабо и коллег [21], в котором обнаружено, что COVID-19 вызывает наибольший стресс у молодых людей до 30 лет. Исследователи объясняют это принятием молодыми людьми вве-

денных ограничений, препятствующих их полноценной социальной и личной жизни. Влияние на физическую активность и состояние психики, оцененное выше обеими возрастными группами в самоизоляции, является закономерным последствием ограничительных мер. Считается, что даже короткие периоды отсутствия физической активности наносят ущерб физическому здоровью и эмоциональному благополучию [10]. Это может быть компенсировано специально разработанными программами [10] и обращением людей к смысловому полю [16]. Так, обнаружено, что социальная изоляция способствует высокому уровню осмысленности жизни на фоне сниженного беспокойства перед пандемией [16]. Осмысление объединяющих народ жизненных стрессовых событий, участие в мерах по снижению передачи инфекции, рекомендованных властями, может помочь людям почувствовать солидарность и согласие.

Результаты нашего исследования показывают, что независимо от возраста и условий сдерживания пандемии довольно низко оценивалась сложность выполнить рекомендации властей, что говорит о сравнительно быстрой адаптации россиян к условиям самоизоляции. Это подтверждается исследованием отечественных ученых, в котором показано, что самоизоляция не повлияла на удовлетворенность жизнью россиян [5].

Выводы

Результаты сравнительного анализа оценок ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси позволяют сделать следующие выводы.

1. Россияне и белорусы достаточно высоко оценили свои возможности для

преодоления ситуации пандемии вне зависимости от разных стратегий государственного регулирования.

2. Респонденты старшего возраста обеих стран, в отличие от молодежи, оценили ситуацию пандемии более негативно при одновременно более высоком оценивании своих возможностей.

3. Женщины проявили высокую заинтересованность в исследовании и, в отличие от мужчин, выше оценили стрессогенность, неконтролируемость ситуации, влияние на состояние их психики.

4. Разные меры государственного регулирования COVID-19 по-разному сказываются на психологическом состоянии населения: самоизоляция снижает интенсивность страхов, способствует более позитивной оценке ситуации, но усиливает влияние на физическую активность и состояние психики. При отсутствии дополнительных мер противодействия инфекции негативные оценки ситуации пандемии повышаются, выше уровень страхов, а страх остаться одному обусловлен утратой чувства безопасности в результате недостаточной заботы государства о своих гражданах.

5. В условиях самоизоляции с повышением возможностей и ресурсов человека снижаются оценки: 1) страхов; 2) сложности самой ситуации пандемии; 3) степени ее влияния на разные аспекты жизни, что не свойственно людям при недостаточности ограничительных мер.

Заключение

Традиционное доминирование в сравнительных исследованиях персонцентрического подхода оставляет за скобками влияние среды или социокультурного контекста, в которых функционируют

социальные общности. Ситуация пандемии показала ошибочность такого рода недооценки и перспективность рассмотрения психологической феноменологии в контексте личностно-средово-активной интердетерминации, позволяющей включить в ракурс рассмотрения следующее: стратегии государственного регулирования ситуации пандемии, субъективное заключение людей о самой ситуации, о страхах, которые она порождает, степени ее влияния на разные сферы жизни и о необходимых ресурсах для ее преодоления.

Несмотря на некоторые ограничения (небольшой объем в выборках

мужчин, отсутствие данных о бытовых и семейных обстоятельствах), нами представлена общая картина оценивания ситуации пандемии населением стран с разными стратегиями государственного регулирования COVID-19 (России и Беларуси). Это может стать ориентиром для разработки программ психологической помощи на государственном уровне, так как государственные органы несут особую ответственность не только за контроль жизни населения, но и за поддержание своей способности адекватно реагировать на кризисные ситуации для сохранения жизни и здоровья граждан.

Литература

1. *Битюцкая Е.В.* Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиции деятельностного подхода А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 2. С. 40–56.
2. *Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В., Маринова Т.Ю., Израйловиц Р.* Страх перед коронавирусным заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 99–118. DOI:10.17759/cpse.2020090205
3. *Касьянов В.В., Гафиагулина Н.Х., Самыгин С.И.* Особенности и проблемы социального поведения в условиях самоизоляции российского населения // Гуманитарий юга России. 2020. Том 9(42). № 2. С. 51–63. DOI:10.18522/2227-8656.2020.2.3
4. *Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Коноховская Ю.Е., Дорохов Е.А.* Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119–146. DOI:10.17759/cpse.2020090206
5. *Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205
6. *Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э.* Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 2020. № 2. С. 87–94. DOI:10.31363/2313-7053-2020-2-87-94
7. *Толстых Н.Н.* Социальная психология развития: интеграция идей Л.С. Выготского и А.В. Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1. С. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103
8. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204
9. *Al-Mahadin S.* Laughing it off: Coronavirus superspreaders, anxiety, and fear in Jordan and Australia // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12. № 5. P. 45–46. DOI:10.1037/tra0000630

10. *Amatriain-Fernández S., Murillo-Rodríguez E.S., Gronwald T., Machado S., Budde H.* Benefits of physical activity and physical exercise in the time of pandemic // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 264–266. DOI:10.1037/tra0000643
11. *Breznau N.* The Welfare State and Risk Perceptions: the Novel Coronavirus Pandemic and Public Concern in 70 Countries // *European Societies*. 2020. DOI:10.1080/14616696.2020.1793215
12. *Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., van der Bles A.M., Spiegelhalter D., van der Linden S.* Risk perceptions of COVID-19 around the world // *Journal of Risk Research*. 2020. DOI:10.1080/13669877.2020.1758193
13. *Fitzpatrick K.M., Harris C., Drawwe G.* Fear of COVID-19 and the mental health consequences in America // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 17–21. DOI:10.1037/tra0000924
14. *Kaiser R.B.* Leading in an unprecedented global crisis: The heightened importance of versatility // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 2020. Vol. 72. № 3. P. 135–154. DOI:10.1037/cpb0000186
15. *Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A.* Social isolation and the mitigation of coronavirus anxiety: The mediating role of meaning // *Death Studies*. 2020. DOI:10.1080/07481187.2020.1775362
16. *Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A.* Social isolation as a means of reducing dysfunctional coronavirus anxiety and increasing psychoneuroimmunity // *Brain, Behavior, and Immunity*. 2020. Vol. 87. P. 138–139. DOI:10.1016/j.bbi.2020.05.007
17. *Reshetnikov V., Mitrokhin O., Shepetovskaya N., Belova E., Jakovljevic M.* Organizational measures aiming to combat COVID-19 in the Russian Federation: the first experience // *Expert Review of Pharmacoeconomics & Outcomes Research*. 2020. DOI:10.1080/14737167.2020.1823221
18. *Rodriguez-Rey R., Garrido-Hernansaiz H., Collado S.* Psychological impact of COVID-19 in Spain: Early data report // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 550–552. DOI:10.1037/tra0000943
19. *Shapiro E., Levine L., Kay A.* Mental health stressors in Israel during the coronavirus pandemic // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 499–501. DOI:10.1037/tra0000864
20. *Sibley C.G., Greaves L.M., Satherley N., Wilson M.S., Overall N.C., Lee C.H., Barlow F.K.* Effects of the COVID-19 pandemic and nationwide lockdown on trust, attitudes toward government, and well-being // *American Psychologist*. 2020. Vol. 75. № 5. P. 618–630. DOI:10.1037/amp0000662
21. *Szabo A., Ábel K., Boros S.* Attitudes toward COVID-19 and stress levels in Hungary: Effects of age, perceived health status, and gender // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 6. P. 572–575. DOI:10.1037/tra0000665
22. *Winter D.A., Reed N.* Unprecedented Times for Many but not for All: Personal Construct Perspectives on the COVID-19 Pandemic // *Journal of Constructivist Psychology*. 2020. DOI:10.1080/10720537.2020.1791291
23. *Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W.* China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2020. Vol. 12. № 5. P. 3–5. DOI:10.1037/tra0000609
24. *Yanchuk V.A.* The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge // *Journal of Russian & East European Psychology*. 2018. Vol. 55(2–3). P. 241–286. DOI:10.1080/10610405.2018.1529531

References

1. Bityutskaya E.V. Kognitivnoe otsenivanie trudnoi zhiznennoi situatsii s pozitsii deyatel'nostnogo podkhoda A.N. Leont'eva [Cognitive appraisal of the difficult life situation in

- A.N. Leontiev's activity approach]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 2013, no. 2, pp. 40–56. (In Russ.).
2. Gritsenko V.V., Reznik A.D., Konstantinov V.V., Marinova T.Yu., Izrailovits R. Strakh pered koronavirusnym zabolevaniem (COVID-19) i bazisnye ubezhdeniya lichnosti [Fear of Coronavirus Disease (COVID-19) and Basic Personality Beliefs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 99–118. DOI:10.17759/cpe.2020090205 (In Russ.).
 3. Kas'yanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Osobennosti i problemy sotsial'nogo povedeniya v usloviyakh samoizolyatsii rossiiskogo naseleniya [Features and problems of social behavior in the Conditions of self isolation regime of the Russian population]. *Gumanitarii yuga Rossii = Humanities of the south of Russia*, 2020. Vol. 9(42), no. 2, pp. 51–63. DOI:10.18522/2227-8656.2020.2.3 (In Russ.).
 4. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., Konyukhovskaya Yu.E., Dorokhov E.A. Vospriyatie COVID-19 naseleniem Rossii v usloviyakh pandemii 2020 goda [Perception of COVID-19 During the 2020 Pandemic in Russia]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2020. Vol. 9. no. 2, pp. 119–146. DOI:10.17759/cpe.2020090206 (In Russ.).
 5. Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. Pandemiya kak vyzov sub'ektivnomu blagopoluchiyu: trevoga i sovladanie [Pandemic as a Challenge to Subjective Well-Being: Anxiety and Coping]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 90–108. DOI:10.17759/cpp.2020280205 (In Russ.).
 6. Sorokin M.Yu., Kas'yanov E.D., Rukavishnikov G.V., Makarevich O.V., Neznanov N.G., Lutova N.B., Mazo G.E. Psikhologicheskie reaktzii naseleniya kak faktor adaptatsii k pandemii COVID-19 [Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic]. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii = V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*, 2020, no. 2, pp. 87–94. DOI:10.31363/2313-7053-2020-2-87-94 (In Russ.).
 7. Tolstykh N.N. Sotsial'naya psikhologiya razvitiya: integratsiya idei L.S. Vygotskogo i A.V. Petrovskogo [Social Psychology of Development: Integrating the Ideas of L.S. Vygotsky and A.V. Petrovsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 25–34. DOI:10.17759/chp.2020160103 (In Russ.).
 8. Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Psikhologicheskoe sodержanie trevogi i profilaktiki v situatsii infodemii: zashchita ot koronavirusa ili «porochnyi krug» trevogi? [Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the “vicious circle” of anxiety?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204 (In Russ.).
 9. Al-Mahadin S. Laughing it off: Coronavirus superspreaders, anxiety, and fear in Jordan and Australia. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 45–46. DOI:10.1037/tra0000630
 10. Amatriain-Fernández S., Murillo-Rodríguez E.S., Gronwald T., Machado S., Budde H. Benefits of physical activity and physical exercise in the time of pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 5, pp. 264–266. DOI:10.1037/tra0000643
 11. Breznau N. The Welfare State and Risk Perceptions: the Novel Coronavirus Pandemic and Public Concern in 70 Countries. *European Societies*, 2020. DOI:10.1080/14616696.2020.1793215
 12. Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J., Recchia G., van der Bles A.M., Spiegelhalter D., van der Linden S. Risk perceptions of COVID-19 around the world. *Journal of Risk Research*, 2020. DOI:10.1080/13669877.2020.1758193
 13. Fitzpatrick K.M., Harris C., Drawve G. Fear of COVID-19 and the mental health consequences in America. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 17–21. DOI:10.1037/tra0000924

14. Kaiser R.B. Leading in an unprecedented global crisis: The heightened importance of versatility. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 2020. Vol. 72, no. 3. pp.135–154. DOI:10.1037/cpb0000186
15. Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A. Social isolation and the mitigation of coronavirus anxiety: The mediating role of meaning. *Death Studies*, 2020. DOI:10.1080/07481187.2020.1775362
16. Milman E., Lee S.A., Neimeyer R.A. Social isolation as a means of reducing dysfunctional coronavirus anxiety and increasing psychoneuroimmunity. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020. Vol. 87, pp. 138–139. DOI:10.1016/j.bbi.2020.05.007
17. Reshetnikov V., Mitrokhin O., Shepetovskaya N., Belova E., Jakovljevic M. Organizational measures aiming to combat COVID-19 in the Russian Federation: the first experience. *Expert Review of Pharmacoeconomics & Outcomes Research*, 2020. DOI:10.1080/14737167.2020.1823221
18. Rodríguez-Rey R., Garrido-Hernansaiz H., Collado S. Psychological impact of COVID-19 in Spain: Early data report. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 5, pp. 550–552. DOI:10.1037/tra0000943
19. Shapiro E., Levine L., Kay A. Mental health stressors in Israel during the coronavirus pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 499–501. DOI:10.1037/tra0000864
20. Sibley C.G., Greaves L.M., Satherley N., Wilson M.S., Overall N.C., Lee C.H., Barlow F.K. Effects of the COVID-19 pandemic and nationwide lockdown on trust, attitudes toward government, and well-being. *American Psychologist*, 2020. Vol. 75, no. 5, pp. 618–630. DOI:10.1037/amp0000662
21. Szabo A., Abel K., Boros S. Attitudes toward COVID-19 and stress levels in Hungary: Effects of age, perceived health status, and gender. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 6, pp. 572–575. DOI:10.1037/tra0000665
22. Winter D.A., Reed N. Unprecedented Times for Many but not for All: Personal Construct Perspectives on the COVID-19 Pandemic. *Journal of Constructivist Psychology*, 2020. DOI:10.1080/10720537.2020.1791291
23. Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12. no. 5, pp. 3–5. DOI:10.1037/tra0000609
24. Yanchuk V.A. The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge. *Journal of Russian & East European Psychology*, 2018. Vol. 55(2–3), pp. 241–286. DOI:10.1080/10610405.2018.1529531

Информация об авторах

Одинцова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Радчикова Наталия Павловна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент кафедры возрастной психологии факультета дошкольной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО МПГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Янчук Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и организационной психологии, УО «Белорусский государственный университет» (УО БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by

Information about the authors

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distant Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Nataly P. Radchikova, PhD in Psychology, Leading Researcher of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Moscow State University of Psychology & Education; Associate Professor of the Department of Developmental Psychology, Faculty of Pre-School Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5139-8288>, e-mail: nataly.radchikova@gmail.com

Vladimir A. Yanchuk, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social and Organisational Psychology, Belarusian State University, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4524-8371>, e-mail: yanchuk@academy.edu.by

Получена 01.10.2020

Received 01.10.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021

Индивидуальные установки взрослого населения к протективному поведению в ситуации пандемии COVID-2019

Байрамова Ю.В.

Институт образования Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1637-8943>, e-mail: julia_bayramova@hotmail.com

Рагимова А.Г.

Институт образования Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3772-9658>, e-mail: ayisha.arahimova@gmail.com

Цель. Анализ связи намерений следовать протективному поведению в ситуации пандемии COVID-2019 с индивидуальными установками относительно ситуации и протективного поведения, нормативными убеждениями и поведением референтной группы, принимаемыми моральными нормами, предвосхищаемым аффектом при неследовании протективному поведению и воспринимаемым поведенческим контролем.

Контекст и актуальность. В ситуации пандемии коронавируса, повсеместно принимающей широкий масштаб, от индивидов требуется неизбежная и стремительная перестройка стиля жизни. Перемены идут в тесной связи с экономической, социальной и экзистенциальной неопределенностью. В связи с этим становится актуальной задача выявить способствующие и препятствующие факторы, существующие в индивидуальном сознании, для адаптации к требуемым формам поведения в обществе (правилам социального дистанцирования и обращения за медицинской помощью).

Дизайн исследования. Для опроса применялись онлайн-формы опросника на русском и на азербайджанском языках. Проверялась регрессионная модель следования протективному поведению отдельно для каждой языковой группы.

Участники. В исследовании приняли участие 56 русскоязычных и 68 азербайджаноязычных пользователей социальных сетей, проживающих в Азербайджане.

Методы. В методологическую основу исследования был положен конструктивистский взгляд на индивидуальное поведение. На основе Теории планируемого поведения (Theory of Planned Behaviour) был разработан авторский опросник «Протективное поведение в условиях пандемии COVID-19».

Результаты. Была проверена надежность структуры опросника и создана регрессионная модель для объяснения протективного поведения. Показаны различия в индивидуальном отношении и субъективных нормах, определяющих протективное поведение для русскоязычных и азербайджаноязычных граждан. Определена общая роль прошлого опыта (длительности соблюдения карантина) в закреплении протективного поведения как привычного для обеих групп.

Основные выводы. Индивидуальное отношение и нормативные убеждения по-разному определяют протективное поведение среди русскоязычных и азербайджаноязычных граждан. Выдвинуто предположение о защитном характере следования протективному поведению как снижению тревоги в связи с будущей неопределенностью. Результаты исследования раскрывают особенность следования протективному поведению специфической выборки респондентов — людей среднего класса раннего взрослого возраста, что ограничивает возможность обобщения выводов на другие возрастные и социоэкономические группы.

Ключевые слова: индивидуальные установки, теория планируемого поведения, психология здоровья, ситуация пандемии, covid-19.

Для цитаты: Байрамова Ю.В., Рахимова А.Г. Индивидуальные установки взрослого населения к протективному поведению в ситуации пандемии COVID-2019 // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 78–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120205>

Individual Attitude towards Protective Behavior during COVID-2019 Pandemic in Adult Population

Yuliya V. Bayramova

Azerbaijan Institute of Education, Baku, Azerbaijan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1637-8943>, **e-mail:** julia_bayramova@hotmail.com

Ayisha G. Rahimova

Azerbaijan Institute of Education, Baku, Azerbaijan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3772-9658>, **e-mail:** ayisha.arahimova@gmail.com

Objective. Analysis of the link between intention to follow recommendations for protective behavior in the case of Covid-19 pandemic and individual attitudes toward the situation, normative beliefs and behavior of referent group, anticipated affect and perceived behavioral control.

Background. In the situation of the coronavirus pandemic, which is widespread ubiquitously, people have to inevitably and quickly change their lifestyle. These changes are closely linked to economic, social and existential uncertainty. In this regard, it becomes necessary to identify the facilitating and inhibiting factors for adaptation to required forms of behavior in society (rules of social distancing and seeking medical care).

Methodology. The methodological rationale for the research was a positive constructivist view of individual behavior. On the basis of the Theory of Planned Behavior the questionnaire “Protective behavior in the context of the COVID-19 pandemic” was developed.

Study design. The survey method was applied through online-forms of questionnaires in Azerbaijani and Russian languages. The regression model of following the protective behavior was tested separately for each language group.

Participants. The study involved 56 Russian-speaking and 68 Azerbaijani-speaking residents of Azerbaijan (social networks users).

Results. The reliability of the questionnaire was tested and a regression model was created to explain protective behavior. Differences in individual attitudes and subjective norms that determine protective behavior for Russian-speaking and Azerbaijani-speaking citizens are shown. The general role of past experience (duration of adherence to the quarantine regime) in consolidating protective behavior for both groups was determined.

Conclusions. Individual attitudes and normative beliefs define protective behavior in different ways among Russian-speaking and Azerbaijani-speaking citizens. An assumption has been made about the defensive nature of following the protective behavior as a decrease in anxiety in connection with future uncertainty. The results of the study reveal the peculiarity of following the protective behavior of a specific sample of respondents – people of the middle class of early adulthood, which limits the possibility of generalizing the conclusions to other age and socio-economic groups.

Keywords: individual attitudes, theory of planned behavior, health psychology, pandemic situation, covid-19.

For citation: Bayramova Y.V., Rahimova A.G. Individual Attitude towards Protective Behavior during COVID-2019 Pandemic in Adult Population. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 78–93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120205> (In Russ.).

Введение

Здоровье как социальный конструкт отражает историческую эпоху, политическое и социокультурное состояние общества [13]. С этой точки зрения угроза для здорового существования индивидов создается доминирующим в определенный момент времени общественным курсом. Как никогда становится актуальным вопрос, поставленный Л. Зингер (L. Singer) [21], о дискурсе эпидемии. Ситуация пандемии COVID-19, охватывающая сейчас весь мир, носит не только эпидемиологический и биомедицинский характер, но и выражает широкий пласт психосоциального измерения. Период пандемии поставил индивидов перед базовыми человеческими нуждами в осмыслении собственного способа жизни в реальности, полной рисков и неопределенности. Сейчас мы можем видеть, как знакомое и привычное окружение стремительно и повсеместно превращается в потенциально опасное. Человечество способно разными путями проходить через эти процессы, тем не менее большая часть населения встречается с непреодолимыми потерями, отчуждением, усиливающейся тревогой, депрессией и иными стрессовыми переживаниями. Экстренные меры в виде перехода на дистанционную работу и обучение, а также рекомендации о личной гигиене, требования о социальной дистанции и ношении масок вводятся как всемирными [23], так и локальными государственными авторитетами (ТЭВВ – Объединение по управлению медицинскими территориальными подразделениями). Данные рекомендации подразумевают протективное поведение, целью которого является сокращение количества заражений среди граждан. В следовании протективному поведению можно предполагать и под-

держивающую функцию для населения, направленность на чувство личного контроля в ситуации стихийного распространения и индивидуального вклада в коллективную судьбу. Но также следует отметить и возможный обратный эффект в виде отчужденного и депривированного в социальной изоляции человека.

А. Бродбент (A. Broadbent), применяя анализ «выгоды-затраты», выделяет ключевые факторы, влияющие на разные уровни жизни в обществе и принятие решений в ситуации пандемии [9]. Не только сами симптомы и опасность болезни, но и социальный ответ оказывается важным в лечении и функционировании в будущем [25]. В связи с этим актуальным становится исследование социального ответа населения на вводимые общественным авторитетом новые нормы поведения. Раскрытие субъективных составляющих в намерении следовать протективному поведению имеет двустороннюю значимость. Во-первых, это способствует определению мишеней для психологической работы с населением по совладанию с чрезвычайной ситуацией распространения коронавируса. Во-вторых, выделяет значимые факторы для регуляции протективного поведения среди населения, тем самым снижая количество заражений.

Хорошо себя зарекомендовавшим методом в сфере исследования здоровья, а также потребительского поведения является Теория планируемого поведения (ТПП), впервые разработанная А. Айзенем (I. Ajzen) [6; 11]. ТПП рассматривается как прогнозируемая модель социального поведения в зависимости от существующей информации о поведении, первоначально влияющая на намерение человека демонстрировать его. Чем выше намерение человека быть вовлеченным в определенное поведение,

замечает автор [6], тем выше вероятность его демонстрации.

В рамках ТПП основными компонентами, определяющими поведение человека через намерение, выступают следующие:

1) **Отношение к поведению** — когнитивные убеждения в связи с поведением и их оценка с точки зрения значимости и возможных последствий для индивида.

2) **Нормативные убеждения** — убеждения относительно референтной группы лиц; включают в себя как представления о том, как действует большинство, так и заинтересованность и одобрение значимых других в следовании протективному поведению, а также мотивацию индивида соглашаться с мнением референтной группы.

3) **Воспринимаемый поведенческий контроль** — показывает исполнительные функции и локус контроля в определенной ситуации, отражает способствующие и препятствующие факторы в осуществлении поведения.

4) **Моральные нормы** — ощущение правильности и личностного присвоения определенного поведения как ценности.

5) **Идентичность** — социальная категоризация поведения как согласующегося с представлением о собственной личности.

6) **Предвосхищаемый аффект** — аффективная обратная связь о последствиях несоблюдения поведения; обычно представлена чувством вины, сожаления, страха.

В данном исследовании ТПП была уточнена и дополнена в следующую модель в соответствии с целями исследования (см. рисунок).

Как показали исследования в ситуациях пандемии, важными показателями активной демонстрации людьми протективного поведения являются эмоциональная окраска доступной информации о пандемии [16], тревога самого индивида и тревожное отношение окружающих к проблеме [19], а также нахождение самого индивида в группе риска [22].



Рис. Предикторы протективного поведения

Основной целью данного исследования является выявление психосоциальных факторов, определяющих согласие следовать протективному поведению в ситуации пандемии COVID-2019.

Метод

Схема проведения исследования. Респонденты привлекались для участия в онлайн-опросе через социальные сети (преимущественно через молодежные группы и социальные группы помощи в образовательных учреждениях). Перед началом исследования каждый респондент подтверждал информированное согласие на участие. После основного этапа исследования регистрировались социоэкономические параметры (возраст, пол, социоэкономический статус, сфера занятости, семейный статус, условия проживания). Сбор данных проходил на протяжении 2 недель в начальный период карантинного режима.

Выборка. В онлайн-опросе приняли участие 124 взрослых респондента (в возрасте 18–70 лет). Среди них 56 респондентов (45 женщин, 11 мужчин) — русскоязычные, 68 респондентов (46 женщин, 22 мужчин) — азербайджаноязычные. Респонденты преимущественно являются жителями г. Баку (96% среди русскоязычных и 70% среди азербайджаноязычных). Средний возраст среди обеих групп приходился на период 18–25 (44% среди русскоязычных и 54% среди азербайджаноязычных) и 26–35 лет (31 и 36% соответственно). Наиболее представленный социоэкономический класс — средний (79% среди русскоязычных и 51% для азербайджаноязычных). Сфера занятости для русскоязычных респондентов представлена в большей степени частным сектором (37%) и студентами (21%), среди азер-

байджаноязычных — государственным сектором (71%). Возрастная и социоэкономическая специфика выборки, а также малое количество задействованных участников ограничивают возможность обобщения выводов на другие возрастные и социоэкономические группы.

Методы. Для исследования отношения взрослого населения к пандемии коронавируса и выявления ключевых факторов, определяющих намерения следовать рекомендуемым со стороны ВОЗ и локального Объединения по управлению медицинскими территориальными подразделениями мерам, нами был разработан опросник «Протективное поведение в условиях пандемии COVID-19» на основе ТПП [5; 6; 7; 12; 15]. Анализируя перечень рекомендаций [23] и определений протективного поведения (ПП) в период пандемии в зарубежных исследованиях [17; 22], нами были выделены 4 формы целевого поведения:

1. **Социальная самоизоляция** — остаюсь дома (за исключением похода в ближайший магазин или аптеку);
2. **Санитарная гигиена** — часто мою руки, дезинфицирую вещи частого пользования (телефон, компьютеры, иные гаджеты, поверхности в доме);
3. **Социальная дистанция** — находясь вне дома, сохраняю дистанцию с другими минимум 1,5 метра (на улице, в очереди);
4. **Доверие медицине** — обращусь за медицинской помощью в случае появления симптомов.

В статье рассмотрены первые три формы протективного поведения, объединенные в группу **социальное дистанцирование**, четвертая форма образовала отдельный подвид — **готовность обратиться за медпомощью**, который заслуживает самостоятельного рассмотрения в будущем.

Для оценки форм протективного поведения использовались как классиче-

ские шкалы, сконструированные А. Айзенем [11], так и дополнительные шкалы, предложенные последователями М. Коннером, К. Армиейджем, Ф. Кайзером, М. Рейдом, П. Спарксом, Д. Джессопом (M. Conner, C. Armitage, F.G. Kaiser, M. Reid, P. Sparks, D.C. Jessop) [8; 14; 20].

С учетом специфики протективного поведения и ситуации пандемии в опросник были включены следующие шкалы:

Намерения (целевая зависимая переменная): представленность мотивации в сознательном плане и решение приложить усилия для осуществления протективного поведения.

Прошлый опыт: следование протективному поведению на протяжении последних трех недель.

Индивидуальные отношения представлены тремя субшкалами:

— **прямое отношение:** оценка ПП с точки зрения валентности и эффективности для индивида,

— **поведенческие убеждения:** оценка последствий ПП с точки зрения мер контроля государством, страха заражения, социально-экономических последствий и межличностной депривации,

— **отношение к ситуации** (авторское дополнение в рамках измерения индивидуальных установок): оценка информационных ресурсов, серьезности ситуации, потенциала по разрешению ситуации пандемии.

Нормативные убеждения (включая **описательные** и **предписательные нормы**, а также мотивацию следования лично значимым и профессиональным авторитетам).

Моральные нормы.

Предвосхищаемый аффект.

Воспринимаемый поведенческий контроль:

— **локус контроля** / (контрольные убеждения)

— **сила контроля** / (содействия и препятствия в осуществлении поведения).

Для оценки респондентам предлагалась 6-балльная шкала (1=полностью не согласен; 6=полностью согласен). В качестве семантических шкал для оценки прямого отношения к ПП были использованы: приятно/неприятно; расслабляет/напрягает; полезно/бесполезно; эффективно/неэффективно; безопасно/опасно. Количество пунктов, составленных на каждую шкалу, было избыточным, что позволило проверить надежность-согласованность общей структуры.

Анализ проводился отдельно для русскоязычной и азербайджаноязычной подвыборки. Схожая картина социодемографической представленности (за исключением сферы занятости) дает основания для сравнения результатов между подвыборками и объяснения их культурально-языковой спецификой. Основанием для предположения различий выступают различные информационные источники, которыми пользуются азербайджаноязычные и русскоязычные граждане Азербайджана.

Для статистического анализа данных использовался пакет SPSS Statistics 21. Применялись критерий альфа-Кронбаха, U-Манна-Уитни, множественный регрессионный анализ (метод Backward).

Результаты

Проверка структуры опросника.

Для оценки согласованности пунктов со шкалой был применен критерий альфа-Кронбаха. Пункты, понижающие надежность-согласованность шкалы, после качественного анализа были удалены из основной структуры опросника. В табл. 1

приведены сравнительные статистики по критерию альфа-Кронбаха для русскоязычной и азербайджаноязычной форм опросника после удаления плохо работающих на шкалу пунктов.

Как следует из значений критерия альфа-Кронбаха, надежность шкал в азербайджаноязычной форме ниже, чем в русскоязычной, однако достаточна для того, чтобы быть принятой как надежная шкала. Наименее низкая согласованность касается шкал *Воспринимаемый поведенческий контроль* (0,530), *Намерения* (0,460) и *Прошое поведение* (0,513). Что касается низкой надежности самих *Намерений*, одно из объяснений можно найти в неравномерности сроков введения протективных мер. Рекомендации начинались с усиления санитарной гигиены и сохранения дистанции, в то время как режим социальной изоляции был введен позже. Возможно, именно в связи с этим пункт 5 о социальной самоизоляции дома снижает согласованность как для намерений, так и для прошлого поведения.

Следует отметить основные различия в структурах между двумя формами. В азербайджаноязычной форме от *Прямого отношения* (0,808) к поведению была выделена *Оценка безопасности* (0,825) в отдельную подшкалу, что говорит о безопасности как о выделяющемся критерии оценки, не сводимом к привлекательности-эффективности. *Предвосхищаемый аффект* для русскоязычной выборки преимущественно концентрирован вокруг страха заражения, в то время как для азербайджаноязычных респондентов страх распространяется не только на заражение, то есть потерю здоровья, но и другие формы потерь — работы и близких межличностных контактов. Для азербайджаноязычной формы из шкалы *Воспринимаемого поведенческого контроля* был удален пункт о сохранении дистанции — нахождение дома и соблюдение гигиены согласовываются с точки зрения оценки личной ответственности, в то время как сохранение дистанции воспринимается азербайджаноязычными респондентами

Таблица 1

Надежность-согласованность шкал опросника «Протективное поведение в условиях пандемии COVID-19»

Шкалы	Русскоязычная форма	Азербайджаноязычная форма
Намерения	0,72	0,46
Прошое поведение	0,80	0,51
Поведенческие убеждения	0,90	0,77
Отношение к поведению	0,91	0,81
Оценка безопасности		0,83
Отношение к ситуации	0,91	0,78
Предписательные нормы	0,85	0,86
Описательные нормы	0,85	0,85
Моральные нормы	0,84	0,71
Предвосхищаемый аффект	0,74	0,73
Локус контроля	0,63	0,53
Сила контроля	0,94	0,95

как носящее несколько иной подтекст в плане личного контроля. То же самое можно проследить как тенденцию и среди русскоязычных респондентов, но в данном случае удаление пункта дает незначительное повышение надежности. Можно предположить, что при необходимости рассмотрения поведения в социальном окружении локус контроля преимущественно перемещается на другого и не может быть расценен как зависящая от индивида форма поведения. В то же время сила контроля для обеих групп напрямую связана с близкими людьми — то есть среди прочих предложенных факторов (материальное положение, государственные меры), способствующих и затрудняющих ПП, забота о здоровье близких оказалась наиболее существенной.

Надежность шкал опросника «Протективное поведение в условиях пандемии COVID-19», как показал анализ согласованности пунктов со шкалой, достаточно высока и дает нам основания для дальнейшего анализа.

Для проверки структуры предложенной модели изначально планировалось применение методологии структурного моделирования. Однако результаты проведенного предварительного анализа (методом конфирматорного факторного анализа) дали основания для изменения изначально запланированных этапов анализа. А именно, небольшой объем подвыборки, а также комплексность предложенной теоретической модели не позволяют применение изначально запланированной методологии. В соответствующей литературе также можно найти рекомендации о применении структурного моделирования на небольших выборках с объемом от 30 до 450 респондентов [24]. Однако в таком случае проверяемая модель должна быть «про-

стой». Таким образом, реализация такого сценария анализа данных в условиях данного исследования невозможна. Тем не менее полученные на данный момент данные задают направление для дальнейшей проверки гипотезы на более обширной выборке.

В табл. 2 приведены средние значения по шкалам для русскоязычных и азербайджаноязычных респондентов.

Распределение ответов имеет выраженный перекоп в сторону утвердительных ($As_{MAX} = -1,584$; $As_{MIN} = -0,740$). Для сравнения установок азербайджаноязычных и русскоязычных респондентов был применен непараметрический критерий U-Манна-Уитни (статистические результаты приведены в табл. 3). Шкалы прямого отношения были удалены из анализа, так как не были эквивалентными для групп.

По шкалам *Прошлое поведение, Описательные нормы, Предвосхищаемый эффект, Локус контроля* не было обнаружено значимых отличий. Вне зависимости от языковой принадлежности респондентов наблюдается согласованность в опыте следования ПП, определении поведения социального большинства, эмоциональном предвосхищении последствий несоблюдения ПП и воспринимаемом контроле поведения. В то же время азербайджаноязычные респонденты отличаются более выраженным намерением следовать ПП, придают большую значимость следствиям ПП, имеют более сильные установки относительно серьезности ситуации и эффективности мер борьбы, больше отмечают значение одобрения ПП со стороны близких и их мнение касательно ПП, а также мнение профессионалов, больше ставят ПП в моральные обязательства, меньше видят препятствий для ПП в наличии близких в зоне риска.

Таблица 2

Описательные статистики по шкалам опросника «Протективное поведение в условиях пандемии COVID-19»

Шкалы	Русскоязычная форма		Азербайджаноязычная форма	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Намерения	4,98	1,15	5,54	0,56
Прошное поведение	4,99	1,22	5,44	0,68
Поведенческие убеждения	4,58	1,11	5,29	0,57
Отношение к поведению	4,40	1,17	5,01	0,68
Оценка безопасности			1,88	1,20
Отношение к ситуации	4,44	0,94	5,09	0,73
Предписательные нормы	4,96	1,17	5,45	0,82
Описательные нормы	4,97	1,05	5,04	1,03
Мотивация следования близким	3,57	1,51	5,15	1,05
Мотивация следования профессионалам	5,05	1,03	5,46	0,74
Моральные нормы	4,88	1,31	5,52	0,61
Предвосхищаемый аффект	4,40	1,16	4,19	1,20
Локус контроля	4,55	1,15	5,25	1,06
Сила контроля	4,95	1,08	3,64	1,94

Таблица 3

Сравнительный анализ установок относительно протективного поведения для азербайджаноязычных и русскоязычных респондентов

Шкалы	U-Манна-Уитни	Уровень значимости
Намерения**	1344,00	,004
Прошное поведение	1555,50	,072
Поведенческие убеждения**	1076,50	,000
Отношение к ситуации**	1199,50	,000
Предписательные нормы*	1462,50	,018
Описательные нормы	1798,50	,590
Мотивация следования близким**	786,00	,000
Мотивация следования профессионалам*	1498,50	,026
Моральные нормы*	1427,00	,013
Предвосхищаемый аффект	1660,50	,220
Локус контроля	1171,00	,094
Сила контроля*	1480,00	,032

Примечание: * — значимое различие при $\alpha=0,05$; ** — значимое различие при $\alpha=0,01$.

Для выявления предикторов ПП (социального дистанцирования) применял-

ся регрессионный анализ отдельно для двух выборок респондентов.

Была принята регрессионная модель, объясняющая 83,5% общей дисперсии ($R=0,914$; $R^2=0,835$, $df=43$) для русскоязычных респондентов:

Намерение ПП = $0,227 + 0,434 \times \text{Прошл\о\е П\о\в\е\д\е\н\и\е} + 0,247 \times \text{О\т\н\о\ш\е\н\и\е к С\и\т\у\а\ц\и\и} + 0,284 \times \text{Д\е\с\р\и\п\т\и\в\н\ы\е Н\о\р\м\ы} + 0,2 \times \text{М\о\р\а\л\ь\н\ы\е Н\о\р\м\ы} - 0,091 \times \text{М\н\е\н\и\е Б\л\и\з\к\и\х} - 0,231 \times \text{М\н\е\н\и\е П\р\о\ф\е\с\с\и\о\н\а\л\о\в} + 0,177 \text{Д\л\и\т\е\л\ь\н\о\с\т\ь К\а\р\а\н\т\и\н\а}$

Как мы видим, в табл. 4 шкалы *Моральные нормы* и *Мотивация следования близким* вносят значимый вклад в модель лишь на уровне тенденции ($\alpha=0,1$), однако удаление данных шкал из ана-

лиза ухудшает модель, понижая объяснительную силу ($R=0,870$; $R^2=0,776$, $df=43$). Тест на мультиколлинеарность ($VIF < 10$) показывает удовлетворительные значения, что дает нам основания для использования данной модели множественной регрессии.

В блоке *Индивидуальное отношение* (установки и знания относительно ПП) прямая оценка валентности и эффективности ПП, как и непрямая оценка результатов следования ПП не давали прогностического эффекта в намерении следовать ПП. Значимым предиктором оказалось *Отношение к ситуации пандемии*, а не к конкретному поведению (а именно, восприятие серьезности, достоверности источников и оценка мер

Таблица 4

Регрессионная модель 1: факторы, определяющие намерение следовать протективному поведению для русскоязычной выборки

Регрессионная модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	T	Уровень значимости	95.0% Доверительный интервал		Коллинеарность	
	B	Стандартная ошибка	Beta			Нижняя граница	Верхняя граница	Допустимое отклонение	VIF
(Константа)	0.227	0.497		0.457	0.650	-0.781	1.235		
Прошл\о\е п\о\в\е\д\е\н\и\е	0.434	0.092	0.467	4.741	0.000	0.248	0.62	0.471	2.124
О\т\н\о\ш\е\н\и\е к с\и\т\у\а\ц\и\и	0.247	0.095	0.269	2.609	0.013	0.055	0.438	0.43	2.324
О\п\и\с\а\т\е\л\ь\н\ы\е н\о\р\м\ы	0.284	0.096	0.265	2.945	0.006	0.088	0.48	0.567	1.765
М\о\р\а\л\ь\н\ы\е н\о\р\м\ы	0.2	0.104	0.233	1.924	0.062	-0.011	0.411	0.312	3.205
М\о\т\и\в\а\ц\и\я с\л\е\д\о\в\а\н\и\я б\л\и\з\к\и\м	-0.091	0.053	-0.126	-1.694	0.099	-0.199	0.018	0.826	1.21
М\о\т\и\в\а\ц\и\я с\л\е\д\о\в\а\н\и\я п\р\о\ф\е\с\с\и\о\н\а\л\а\м	-0.231	0.102	-0.226	-2.265	0.030	-0.438	-0.024	0.458	2.181
Д\л\и\т\е\л\ь\н\о\с\т\ь с\а\м\о\и\з\о\л\я\ц\и\и	0.177	0.057	0.231	3.112	0.004	0.062	0.292	0.829	1.206

борьбы с вирусом). Шкалу определяли следующие пункты:

38. Ресурсы, на основе которых я получаю информацию о ситуации пандемии, являются...

Ненадежные 1 2 3 4 5 6 Надежные

39. Я считаю, что ситуация пандемии коронавируса в мире...

Несерьезная 1 2 3 4 5 6 Серьезная

40. Я считаю, что работа в борьбе с распространением коронавируса продлевается системой здравоохранения...

Плохо 1 2 3 4 5 6 Хорошо

Бесполезно 1 2 3 4 5 6 Полезно

Неэффективно 1 2 3 4 5 6 Эффективно

В блоке *Нормативные убеждения* в качестве предикторов оказались *описательные нормы* (то, что по убеждению делает большинство), но не *предписательные нормы* (то, что по убеждению одобрили бы близкие люди). А также в качестве предиктора с обратным вкладом оказалась *мотивация следования* мнению близких и (с большим весом) мнению профессионалов.

Дополнительно также вносят свой вклад *моральные нормы*, то есть личное

присвоение корректности и важности ПП в ситуации пандемии, а также прошлый опыт – или же время нахождения на карантине и степень следования ПП к моменту прохождения опроса.

Далее рассмотрим предикторы следования социальноязычным респондентов для азербайджаноязычных респондентов (см. табл. 5). Была принята регрессионная модель, объясняющая 57,4% общей дисперсии ($R=0,758$; $R^2=0,574$, $df=64$):

Намерение ПП = $1,681 + 0,499 \times \text{Прошлой Поведение} + 0,245 \times \text{Поведенческие Убеждения}$

Как мы видим из таблицы, здесь также нет существенных взаимосвязей между переменными-предикторами ($VIF < 10$), что дает нам возможность использовать данную модель.

При сравнении с предсказательной моделью для русскоязычной выборки так же весомым предиктором выступает *прошлой поведение*, что, следовательно, представляет следование ПП в свете

Таблица 5

Регрессионная модель 2: факторы, определяющие намерение следовать протективному поведению для азербайджаноязычной выборки

Регрессионная модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	T	Уровень значимости	95.0% Доверительный интервал		Коллинеарность	
	B	Стандартная ошибка				Нижняя граница	Верхняя граница	Допустимое отклонение	VIF
(Константа)	1.681	.774		2.173	.034	.128	3.234		
Прошлой поведение	.499	.080	.600	6.269	.000	.340	.658	.749	1.334
Поведенческие убеждения	.245	.093	.251	2.624	.011	.058	.432	.749	1.334

движения в сторону привычки и ритуализации.

Вторым весомым предиктором стали *поведенческие убеждения* относительно последствий при соблюдении ПП. Следствия, способствующие следованию протективному поведению, — это избежание личного заражения, предотвращение распространения вируса, действия в соответствии с государственными мерами, отсутствие затруднений для межличностных контактов. Остальные шкалы не внесли значимого вклада в намерение следовать ПП.

Обсуждение результатов

Основываясь на полученных моделях, можно говорить о разных детерминантах в определении намерений следовать ПП у русскоговорящих и азербайджаноговорящих граждан Азербайджана. Данная картина отражает различие в установках относительно планирования социального поведения. Если индивид верит в надежность источников информации, в серьезность происходящей ситуации в мире, а также полагает высокую эффективность и пользу от мер, предпринимаемых местными авторитетами власти (а именно системой здравоохранения), оценивая их работу с положительной стороны, то с большей вероятностью он/она будут следовать предлагаемым протективным нормам поведения. Сочетание ориентации на большинство и невысокого полагания на мнение близких и профессионалов создает противоречивую картину. Это может быть рассмотрено как тенденция присоединяться в ситуации паники и неопределенности к действиям большинства, тем самым уменьшая тревогу и обеспечивая общность с другими в ситуации изоляции, и ненуж-

ность обращения к профессиональным или личностным отношениям для продолжения ПП. Обращение к профессиональным и личностно важным мнениям дает обратный эффект и уменьшает склонность следовать ПП.

При сравнении результатов о важности оценки информации как достоверной и ситуации как серьезной с результатами об ориентации на большинство и нежелательности обращений к иным возможным мнениям создается определенная картина восприятия пандемии. Можно предполагать фиксацию на доминирующей в обществе информации как реальной и достоверной и намерения придерживаться ПП как способа снижения тревоги перед неопределенностью, в том числе перед возможностью столкнуться с иными альтернативами жизни при пандемии. Недостаточное доверие к личному и конкретно-профессиональному мнению сочетается с ориентацией на массовые формы поведения. Можно полагать, что обмен мнениями с близкими способствует рефлексии поведения и расширению контекста ситуации, что, в свою очередь, ставит человека перед сознательным выбором следования. В отличие от сознательного выбора любая форма неизбирательного реагирования, являясь стереотипным следованием протективным мерам либо распространением фэйковой информации, что было показано Г. Пенникуком (G. Pennycook) и др. [18], непродолжительно, но быстро снижает тревогу.

Моральные нормы при этом определяют социальную ценность того, что человек самоограничивает себя, присвоение требуемого как присущего собственной моральной системе ведет к намерению реализации этого поведения дальше.

В восприятии поведенческого контроля не прослежено значимых пре-

дикторов для реализации поведения. Возможно, в случае стихийности, внезапности и неизвестности ощущение личной позиции к ситуации остается на втором месте. А возможно, является культурным артефактом в связи с предположением о склонности к внешнему локусу контроля как доминанте общественного сознания в Азербайджане (данная гипотеза нуждается в проверке в будущих исследованиях).

Что касается прошлого поведения, то, как отмечают в своем метаобзоре К. Армитейдж, М. Коннер [8; 10], обычно его роль оказывается важной при прогнозе намерений привычного, автоматизированного поведения. В данном случае можно предположить, что сила формирования привычки ПП усиливается в ситуации вынужденных мер и неопределенности, сопряженной с пандемией. Примечательно, что именно этот фактор при сравнении двух групп респондентов, вне зависимости от языка, оказался значимым. Еще Э. Эриксон указывал на важность ритуалов в социальной жизни как средства снижения тревоги [4]. Защитное поведение в этом случае может иметь как позитивные, так и негативные последствия, как способствовать снижению количества заражений и перейти в разряд продуктивной поведенческой стратегии по совладанию с тревогой заражения, так и развиться в дисфункциональную тревогу, препятствующую нормальной социальной жизни человека, что показано в исследовании А.Ш. Тхостова и Е.И. Рассказовой [3]. Это наглядно подкрепляется и анализом психопатологических феноменов типа обсессивно-компульсивных симптомов, а также здоровыми социальными практиками и обрядами, способствующими прохождению сложных эпизодов и кризисов

жизни или же в условиях снижения чувства самоэффективности [1; 2].

Выводы

1. ТПП подходит для выявления установок и прогнозирования протективного поведения в условиях пандемии.

2. Есть языковая специфика в представленности установок относительно поведения. Для русскоязычных респондентов базовым предиктором ПП служит отношение к ситуации пандемии как серьезной с наличием надежных источников информации и эффективными способами борьбы со стороны авторитетов, сопровождаемое убеждением в следовании ПП большинства вокруг и небольшой заинтересованностью в мнениях близких и профессионалов. Для азербайджаноязычных респондентов акцент ставится на оценку последствий следования ПП — установка на избежание заражения с большей мерой толкает на следование ПП. За данными предикторами можно полагать механизм защиты от тревоги неопределенности в сложившейся ситуации.

3. Общим фактором вне зависимости от языковой принадлежности выступает опора на прошлый опыт. Чем дольше индивиды следуют ПП, тем больше они склонны принимать и дальнейшее намерение следовать протективным мерам.

Полученные результаты использовались при составлении рекомендаций для сборника «COVID-19 и психология» (со стороны Объединения по управлению медицинскими территориальными подразделениями) и имели практическое применение в качестве информирования населения о потенциальных установках и индивидуальных различиях в следовании протективному поведению.

Литература

1. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. С. 480.
2. Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2002. 944 с.
3. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и ее профилактика в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI:10.17759/срр.2020280204
4. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М.: Флинта, 2006, 342 с.
5. *Ajzen I.* Residual effects of past on future behaviour: habituation and reasoned action perspectives // Personality and Social Psychology Review. 2002(b). No. 6. P. 107–122.
6. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. No. 50. P. 179–211.
7. *Albery I., Munafò M.* Key concepts in health psychology. London: Sage Publication, 2008. P. 282.
8. *Armitage C.J., Conner M.* Efficacy of the theory of planned behaviour: a meta-analytic review // British Journal of Social Psychology. 2001. No. 40. P. 471–499.
9. *Broadbent A.* Philosophy of Epidemiology. London: Macmillan, 2013. P. 228.
10. *Conner M., Armitage C.* Extending the theory of planned behaviour: a review and avenues for further research // Journal of Applied Social Psychology. 1998. No. 28. P. 1430–1464.
11. *Fishbein M., Ajzen I.* Belief, Attitude, Intention, and Behavior. An introduction to theory and research. Reading, MA: Addison-Wesley, 2010. P. 578.
12. *Francis J.J., Eccles M.P., Johnston M., Walker A., Grimshaw J., Foy R., Kaner E.F.S., Smith L. & Bonetti D.* Constructing Questionnaires Based on the Theory of Planned Behaviour: A Manual for Health Services Researchers. University of Newcastle, 2004.
13. *Hardey M.* Health in Social Context. Buckingham: Open University Press, 1998. P. 180.
14. *Kaiser F.G.* A moral extension of the theory of planned behaviour: Norms and anticipated feelings of regret in conservationism // Personality and Individual Differences. 2006. No. 41. P. 71–81.
15. *McGuckin C., Prentice G.P., McLaughlin C.G., Harkin E.* Prediction of self-monitoring compliance: Application of the theory of planned behaviour to chronic illness sufferers // Psychology, Health & Medicine. 2012. Vol. 17(4). P. 478–487. DOI:10.1080/13548506.2011.630399
16. *Miller S., Yardley L. & Little P.* Development of an intervention to reduce transmission of respiratory infections and pandemic flu: Measuring and predicting hand-washing intentions // Psychology, Health & Medicine. 2012. Vol. 17(1). P. 59–81.
17. *Liao Q., Wu P., Lam W.W.T., Cowling B.J., Fielding R.* Trajectories of public psycho-behavioural responses relating to influenza A(H7N9) over the winter of 2014-15 in Hong Kong // Psychology & Health. 2019. Vol. 34(2). P. 162–180. DOI:10.1080/08870446.2018.1515436
18. *Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G. & Rand D.G.* Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention // Psychological Science. 2020. Vol. 31(7). P. 770–780.
19. *Prati G., Pietrantonio L. & Zani B.* A social-cognitive model of pandemic influenza H1N1 risk perception and recommended behaviors in Italy // Risk Analysis: An International Journal. 2011. Vol. 31(4). P. 645–656.
20. *Reid M., Sparks P., Jessop D.C.* The effect of self-identity alongside perceived importance within the theory of planned behaviour // European Journal of Social Psychology. 2018. No. 48. P. 883–889.
21. *Singer L.* Erotic welfare: Sexual theory and politics in the age of epidemic. Psychology Press, 1993. P. 210.
22. *Wise T., Zbozinek T.D., Michelini G., Hagan C.C.* Changes in risk perception and protective behavior during the first week of the COVID-19 pandemic in the United States // Royal Society open science. 2020. Vol. 7(9). DOI:10.1098/rsos.200742

23. World Health Organisation. Coronavirus disease (COVID-19) advice for the public [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения 07.04.2020).
24. Wolf E.J., Harrington K.M., Clark S.L., Miller M.W. Sample size requirements for structural equation models: an evaluation of power, bias, and solution propriety // *Educational and Psychological Measurement*. 2013. Vol. 73. No. 6. P. 913–934. DOI:10.1177/0013164413495237
25. Zola I.K. *Socio-medical inquiries: Recollections, reflections, and reconsiderations*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1983. P. 349.

References

1. Beitson G. *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psixiatrii i epistemologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology]. Moscow: «Smysl», 2000. P. 480. (In Russ.).
2. *Klinicheskaya psikhologiya* [Clinical Psychology]. In M. Perre, U. Baumann (ed.). Saint Petersburg: Piter, 2002. 944 p. (In Russ.).
3. Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Psikhologicheskoe sodержanie trevogi i ee profilaktika v situatsii infodemii: zashchita ot koronavirusa ili «porochnyi krug» trevogi? [Psychological Contents of Anxiety and the Prevention in an Infodemic Situation: Protection against Coronavirus or the “Vicious Circle” of Anxiety?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204 (In Russ.).
4. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Flinta, 2006. P. 342. (In Russ.).
5. Ajzen I. Residual effects of past on future behaviour: habituation and reasoned action perspectives. *Personality and Social Psychology Review*, 2002(b), no. 6, pp. 107–122.
6. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991, no. 50, pp. 179–211.
7. Albery I., Munafò M. *Key concepts in health psychology*. London: Sage Publication, 2008. P. 282.
8. Armitage C.J., Conner M. Efficacy of the theory of planned behaviour: a meta-analytic review. *British Journal of Social Psychology*, 2001, no. 40, pp. 471–499.
9. Broadbent A. *Philosophy of Epidemiology*. London: Macmillan, 2013. P. 228.
10. Conner M., Armitage C. Extending the theory of planned behaviour: a review and avenues for further research. *Journal of Applied Social Psychology*, 1998, no. 28, pp. 1430–1464.
11. Fishbein M., Ajzen I. *Belief, Attitude, Intention, and Behavior. An introduction to theory and research*. Reading, MA: Addison-Wesley, 2010. P. 578.
12. Francis J.J., Eccles M.P., Johnston M., Walker A., Grimshaw J., Foy R., Kaner E.F.S., Smith L. & Bonetti D. *Constructing Questionnaires Based on the Theory of Planned Behaviour: A Manual for Health Services Researchers*. University of Newcastle, 2004.
13. Hardey M. *Health in Social Context*. Buckingham: Open University Press, 1998. P. 180.
14. Kaiser F.G. A moral extension of the theory of planned behaviour: Norms and anticipated feelings of regret in conservationism. *Personality and Individual Differences*, 2006, no. 41, pp. 71–81.
15. McGuckin C., Prentice G.P., McLaughlin C.G., Harkin E. Prediction of self-monitoring compliance: Application of the theory of planned behaviour to chronic illness sufferers. *Psychology, Health & Medicine*, 2012. Vol. 17, no. 4, pp. 478–487. DOI:10.1080/13548506.2011.630399
16. Miller S., Yardley L. & Little P. Development of an intervention to reduce transmission of respiratory infections and pandemic flu: Measuring and predicting hand-washing intentions. *Psychology, Health & Medicine*, 2012. Vol. 17, no. 1, pp. 59–81.
17. Liao Q., Wu P., Lam W.W.T., Cowling B.J., Fielding R. Trajectories of public psycho-behavioural responses relating to influenza A(H7N9) over the winter of 2014-15 in Hong Kong. *Psychology & Health*, 2019. Vol. 34, no. 2, pp. 162–180. DOI:10.1080/08870446.2018.1515436

18. Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J.G. & Rand D.G. Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention. *Psychological Science*, 2020. Vol. 31, no. 7, pp. 770–780.
19. Prati G., Pietrantoni L. & Zani B. A social cognitive model of pandemic influenza H1N1 risk perception and recommended behaviors in Italy. *Risk Analysis: An International Journal*, 2011. Vol. 31, no. 4, pp. 645–656.
20. Reid M., Sparks P., Jessop D.C. The effect of self-identity alongside perceived importance within the theory of planned behaviour. *European Journal of Social Psychology*, 2018, no. 48, pp. 883–889.
21. Singer L., Erotic welfare: Sexual theory and politics in the age of epidemic. *Psychology Press*, 1993. P. 210.
22. Wise T., Zbozinek T.D., Michelini G. and Hagan C.C. Changes in risk perception and protective behavior during the first week of the COVID-19 pandemic in the United States. *Royal Society open science*, 2020. Vol. 7, no. 9. DOI:10.1098/rsos.200742
23. World Health Organisation. Coronavirus disease (COVID-19) advice for the public [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (Accessed 07.04.2020).
24. Wolf E.J., Harrington K.M., Clark S.L., Miller M.W. Sample size requirements for structural equation models: an evaluation of power, bias, and solution propriety. *Educational and Psychological Measurement*, 2013. Vol. 73, no. 6, pp. 913–934. DOI:10.1177/0013164413495237
25. Zola I.K. *Socio-medical inquiries: Recollections, reflections, and reconsiderations*. Philadelphia. PA: Temple University Press, 1983. 349 p.

Информация об авторах

Байрамова Юлия Владимировна, магистр психологических наук, психолог-исследователь, Центр Образовательных Технологий, Институт образования Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1637-8943>, e-mail: julia_bayramova@hotmail.com

Рагимова Аиша Галиб кызы, магистр психологических наук, психолог-исследователь, Центр Образовательных Технологий, Институт образования Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3772-9658>, e-mail: ayisha.arahimova@gmail.com

Information about the authors

Yuliya V. Bayramova, MSc Psychology, Research psychologist, Center for Educational Technologies, Institute of Education of The Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1637-8943>, e-mail: julia_bayramova@hotmail.com

Ayisha G. Rahimova, MSc Psychology, Research psychologist, Center for Educational Technologies, Institute of Education of The Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3772-9658>, e-mail: ayisha.arahimova@gmail.com

Получена 04.08.2020

Received 04.08.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021

Психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях детского оздоровительного лагеря

Филинкова Е.Б.

*ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»
(ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9802-4497>, e-mail: jane421@yandex.ru*

Ковалев П.А.

*ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»
(ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0898-8434>, e-mail: pavelkovalev0611@gmail.com*

Цель. Изучение психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском оздоровительном лагере в разных социальных ситуациях и в разном социальном окружении.

Контекст и актуальность. Негативные эффекты воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в государственных учреждениях возможно компенсировать за счет их пребывания в альтернативных условиях социализации, в том числе — в детском оздоровительном лагере. Важным является изучение психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях оздоровительного лагеря как фактора, определяющего эффективность их социализации.

Дизайн исследования. В работе изучалось влияние на психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в лагере двух факторов — типа социальной ситуации и состава социального окружения. Наличие связи проверялось через применение U-критерия Манна-Уитни, критерия Краскела-Уоллиса.

Участники. Воспитанники центров содействия семейному воспитанию ($N=115$), находящиеся на отдыхе в детских оздоровительных лагерях в смешанных отрядах ($N=64$) и в обособленных отрядах ($N=51$). Из них 55 мальчиков и 60 девочек в возрасте от 12 до 15 лет.

Методы (инструменты). Опрос с использованием методики самооценки эмоциональных состояний А. Уэссмана и Д. Рикса, включенное программированное наблюдение.

Результаты. У подростков в смешанных отрядах («семейные» подростки и дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей) психологическое самочувствие более благоприятно в ситуации общения с вожатыми, наименее благоприятно — в ситуации совместной деятельности со сверстниками. В отрядах, состоящих только из детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, самочувствие более благоприятно в ситуациях совместной деятельности и повседневного общения. В целом дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в обособленных отрядах чувствуют себя более комфортно по сравнению со своими сверстниками, находящимися в смешанных отрядах.

Основные выводы. Тип социальной ситуации и состав социального окружения являются детерминантами психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском оздоровительном лагере.

Ключевые слова: психологическое самочувствие, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, детский оздоровительный лагерь, социальная ситуация.

Для цитаты: Филинкова Е.Б., Ковалев П.А. Психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях детского оздоровительного лагеря // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120206>

Psychological Well-Being of Orphaned Children and Children Who Left without Parental Care in the Conditions of a Children's Health Camp

Evgeniya B. Filinkova

Moscow State Regional University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9802-4497>, e-mail: jane421@yandex.ru

Pavel A. Kovalev

Moscow State Regional University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0898-8434>, e-mail: pavelkovalev0611@gmail.com

Objective. *Study of the psychological well-being of children left without parental care in a children's health camp in different social situations and in different social environments.*

Background. *The negative effects of raising orphaned children in state institutions can be compensated by their stay in alternative socialization conditions, including in a children's health camp. It is important to study the psychological well-being of orphans in a health camp as determining the effectiveness of their socialization.*

Study design. *The paper studied the influence of two factors on the psychological well-being of orphaned children in the camp: the type of social situation and the composition of the social environment. The connection was checked by applying the Mann-Whitney U-test and the Kruskal-Wallis test.*

Participants. *Students of centers for the promotion of family education (N=115) who are on vacation in children's health camps in mixed groups (N=64) and in separate groups (N=51). Of these, 55 are boys and 60 are girls between the ages of 12 and 15. Camp counselors (N=15) from mixed (N=10) and separate (N=15) groups.*

Measurements. *A survey using the method of self-assessment of emotional States by A. Wessman and D. Rix, including programmed observation.*

Results. *The composition of the social environment is one of the factors that determine the well-being of children. Among teenagers in mixed groups ("family" teenagers and orphaned children), it is more favorable in the situation of communication with counselors, and less favorable in the situation of joint activities with peers. In groups consisting only of orphaned children, the well-being is more favorable in situations of joint activity and everyday communication. In General, orphaned children in separate detachments feel more comfortable compared to orphans in mixed detachments. There was a discrepancy between the assessment of psychological well-being by orphaned teenagers and the assessment of this well-being by counselors.*

Conclusions. *The psychological well-being of orphaned teenagers in a children's health camp is determined by two factors — the type of social situation and the composition of the social environment.*

Keywords: *psychological well-being, orphaned children, children's health camp, social situation.*

For citation: Filinkova E.B., Kovalev P.A. Psychological Well-Being of Orphaned Children and Children Who Left without Parental Care in the Conditions of a Children's Health Camp. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 94–109. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120206> (In Russ.).

Введение

Несмотря на эффективность деинституционализации, значительное количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, продолжают проживать в центрах содействия семейному воспитанию (далее — ЦССВ), которые характеризуются сниженной эмоциональной насыщенностью контактов со взрослыми, окружением сверстниками, имеющими последствия психологических травм, дефицитом возможностей выбора видов деятельности и способов ее осуществления. Ограниченность контактов с окружающими людьми, отношение к себе как к никому не нужному, бесперспективность будущего, сложности устройства подростков-сирот в семьи граждан меняют уверенность в себе, нарушают доверие к миру [8; 12; 13; 19; 24; 25]. В связи с этим для воспитанников ЦССВ приобретает особое значение пребывание в условиях, где эти негативные особенности частично или даже полностью элиминируются, и появляются возможности для проявления социальной активности, освоения новых моделей поведения со сверстниками и взрослыми. Наиболее распространенным примером таких условий являются детские оздоровительные лагеря (далее — ДОЛ): ежегодно тысячи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отправляются отдыхать туда на 2–3 месяца.

Исследований, посвященных жизнедеятельности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ, к настоящему времени немного, большинство из них посвящены педагогическим аспектам организации отдыха детей, но не затрагивают проблем их самочувствия в данный период [2; 4; 11; 21]. Между тем изучение особенностей психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попе-

чения родителей, во время пребывания в лагере позволит выявить имеющиеся у них сложности в установлении контактов с семейными сверстниками и даст ориентиры для выстраивания эффективного взаимодействия вожатых с воспитанниками-сиротами, что в конечном итоге будет способствовать более успешной социализации последних.

Большинство авторов рассматривают психологическое самочувствие как психологическое состояние, считая его ядром эмоционально-оценочную сферу [5; 9; 14; 18; 22; 23]. Мы понимаем психологическое самочувствие как «субъективное состояние, детерминированное воздействием внешних макро- и микро-социальных условий. Это воздействие осуществляется не напрямую, а опосредованно, через систему личностных свойств, смыслов, ценностей» [6, с. 154]. Основываясь на позиции Л.В. Куликова [7], мы выделяем следующие характеристики самочувствия как состояния: эмоциональные, активационные (интенсивность психических процессов), тонические (ресурс сил индивида), тензионные (степень напряжения).

Анализ исследований, посвященных психологии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, показал, что в качестве главного внутреннего фактора, определяющего психологическое самочувствие детей, их устойчивость к психотравмирующим воздействиям, авторы выделяют качество сформированных привязанностей [1; 3; 12; 13; 15; 17]. Специфика привязанностей данной категории детей определяется ситуацией психической депривации, связанной с развитием вне семьи и отсутствием надежных и предсказуемых отношений со взрослым. Исследования показали превалирование ненадежных типов привязанности у воспитанников интернатных

учреждений, что проявляется в том числе в неадекватных крайних позициях ребенка во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками — от полного отстранения до крайней эмоциональной зависимости и «цепляния» [3; 17]. В то же время исследователи подчеркивают чрезвычайно важную роль взрослого (воспитателя), которую он играет в формировании психологического благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [10; 26]. В ДОЛ у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, появляется новый широкий круг общения (вожатые и сверстники из семей), вследствие чего создаются условия для воспроизведения неэффективных моделей привязанности.

Целью нашего исследования было изучение самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ. Предметом исследования выступили факторы, определяющие психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ.

Задачи исследования:

1. изучить особенности психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ в зависимости от состава социального окружения (обособленные отряды — только сироты или смешанные — сироты и «семейные» дети);

2. изучить особенности психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ в зависимости от типа ситуации взаимодействия (общение или совместная деятельность со сверстниками, общение со взрослыми);

3. сравнить внутренние и внешние показатели психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ.

Гипотеза исследования: психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ определяется составом социального окружения и типом ситуации взаимодействия.

Метод

В исследовании принимали участие 115 воспитанников ЦССВ, находящихся на отдыхе в ДОЛ в летний период. Из них 64 человека находились в смешанных отрядах, 51 человек — в обособленных отрядах. В исследовании приняли участие 55 мальчиков и 60 девочек, возраст участников исследования — от 12 до 15 лет. Также в исследовании приняли участие 5 вожатых из обособленных отрядов и 10 вожатых из смешанных отрядов, выступивших в качестве наблюдателей.

В качестве методов эмпирического исследования были использованы опрос и включенное программированное наблюдение. Опрос подростков проводился в письменной форме с использованием методики самооценки эмоциональных состояний А. Уэссмана и Д. Рикса [16], модифицированной нами для данного исследования. Методика основана на субъективном оценивании участниками исследования собственного психологического самочувствия путем выбора из утверждений опросника тех, которые в большей степени его характеризуют. Самооценивание происходило на завершающем этапе пребывания в ДОЛ на следующий день после деловой игры. Выбор характеристик самочувствия подростки совершали трижды — относительно каждой из изучаемых ситуаций (повседневного общения со сверстниками, деловой игры, общения со взрослыми). Методика

позволяет изучить основные показатели самочувствия: спокойствие — тревожность, энергичность — усталость, приподнятость — подавленность, уверенность в себе — беспомощность и определить интегральный показатель психологического самочувствия. В результате количественной обработки данных определяется уровень выраженности каждого из показателей самочувствия (высокий, средний или низкий) относительно каждой ситуации.

Наблюдение велось вожатыми лагеря, включенными непосредственно в разные виды деятельности подростков в ДОЛ с применением разработанной программы (схемы). Относительно каждой из трех ситуаций вожатые отмечали наличие или отсутствие конкретных характеристик психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, относящихся к одной из трех групп показателей. Первая группа показателей соотносится с мотивационно-деятельностными проявлениями самочувствия и включает в себя мотивацию (проявляет ли ребенок желание общаться со сверстниками, со взрослыми, участвовать в игре), характеристику отношений в процессе игры и общения (положительные/нейтральные/отрицательные), отношение к результату деятельности (доволен/недоволен). Вторая группа показателей, выделенных для наблюдения, соотносится с эмоциональными проявлениями самочувствия и предполагает выбор характеристик активности (возбужден/активен/пассивен), степени напряжения (апатичен/спокоен/тревожен), модальности эмоционального состояния (весел/грустен/подавлен).

Методы статистической обработки данных: описательная статистика, U-критерий Манна-Уитни, критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты

В результате исследования получены данные, характеризующие психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в смешанных и обособленных отрядах в разных ситуациях (табл. 1).

Представленные результаты показывают, что в двух группах подростков выявлен средний уровень психологического самочувствия в целом по трем ситуациям.

Для выявления значимости различий по показателям психологического самочувствия подростков в разных ситуациях и в разном социальном окружении был проведен статистический анализ. Первоначально с помощью критерия Краскела-Уоллиса проводилось сравнение сразу трех ситуаций по каждому из показателей самочувствия отдельно для смешанных и обособленных отрядов (табл. 2).

Для выявления значимости различий между показателями психологического самочувствия подростков из смешанных и обособленных отрядов в каждой из трех ситуаций проведен статистический анализ с применением U-критерия Манна-Уитни (табл. 3).

Обсуждение результатов

Рассмотрим психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ситуации «Игра», которая предполагала объединение подростков в микрогруппы и необходимость их взаимодействия для достижения общего результата. По самоотчетам подростков из смешанных отрядов их самочувствие в игре можно охарактеризовать как напряженное, неуверенное,

Таблица 1

**Психологическое самочувствие детей-сирот и детей,
оставшихся без попечения родителей, в разных типах ситуаций
в условиях ДОЛ (N=115)**

Показатели описательной статистики	Показатели психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в разных ситуациях в условиях ДОЛ*														
	Ситуация «Игра со сверстниками»					Ситуация «Общение со сверстниками»					Ситуация «Общение с вожатыми»				
	Спокойствие — тревожность	Энергичность — усталость	Приподнятость — подавленность	Уверенность — беспомощность	Суммарная оценка состояния	Спокойствие — тревожность	Энергичность — усталость	Приподнятость — подавленность	Уверенность — беспомощность	Суммарная оценка состояния	Спокойствие — тревожность	Энергичность — усталость	Приподнятость — подавленность	Уверенность — беспомощность	Суммарная оценка состояния
Подростки из смешанных отрядов															
Среднее значение	3,6	3,6	3,5	3,5	14,1	4,6	3,5	4,1	4,0	16,3	5,5	5,7	6,2	5,6	23,0
Подростки из обособленных отрядов															
Среднее значение	5,3	4,7	5,0	5,3	20,2	5,0	5,0	5,0	4,9	20,0	5,0	5,2	5,3	5,3	21,0

Примечание: * — высокий уровень показателей по каждой из шкал определяется при значениях 7 и более баллов, низкий уровень — при значениях 4 балла и ниже. Границы высоких значений суммарной оценки состояния — 26–40 баллов, низких — 4–14 баллов.

Таблица 2

**Значимость различий показателей психологического самочувствия
детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,
в разных ситуациях взаимодействия**

Показатели психологического самочувствия	Социальное окружение	
	смешанные отряды	обособленные отряды
Спокойствие — тревожность	,000**	,396
Энергичность — усталость	,000**	,136
Приподнятость — подавленность	,000**	,268
Уверенность — беспомощность	,000**	,126
Суммарная оценка состояния	,000**	,196

Примечание: ** — $p \leq 0,01$.

Значимость различий показателей психологического самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из смешанных и обособленных отрядов в разных ситуациях взаимодействия

Показатели психологического самочувствия	Ситуации взаимодействия		
	Игра	Общение со сверстниками	Общение с вожатыми
Спокойствие — тревожность	,000**	,106	,056
Энергичность — усталость	,000**	,000**	,011*
Приподнятость — подавленность	,000**	,000**	,003**
Уверенность — беспомощность	,000**	,001**	,183
Суммарная оценка состояния	,000**	,000**	,001**

Примечание: ** — $p \leq 0,01$; * — $p \leq 0,05$.

проявляющееся в безынициативности, пассивности, нерешительности. У подростков из обособленных отрядов все показатели самочувствия в ситуации игры находятся в диапазоне средних: они охарактеризовали свое состояние как достаточно сдержанное и уравновешенное, отмечали умеренную степень активности, энергичности и решительности.

Субъективная (внутренняя) оценка детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, своего состояния не вполне совпадает с внешней его оценкой вожатыми по результатам наблюдения. По данным вожатых, в ситуации игры отношения сирот в смешанных отрядах чаще оценены как безразличные (60,5% от общего количества оценок, равного количеству детей). Высокая активность в игре у подростков-сирот наблюдалась в 41,9% случаев, треть (34,9%) детей проявляли заметную пассивность, оставшиеся (23,2%) демонстрировали чрезмерное возбуждение, проявляющееся через громкие высказывания, перебивающие ход обсуждения, в некоторых случаях через агрессивные реакции. При этом внешние проявления тревожности у подростков во время игры вожатые наблюдали не часто, по их мнению, большинство

детей (60,5%) из ЦССВ во время игры были спокойны. Вероятно, в смешанных отрядах подростки-сироты не рассчитывали, что их поведение будет оценено положительно или их похвалят. Поэтому они старались показать свое безразличие к деятельности в игре, были недостаточно активны, возбуждены, проявляли некоторую агрессивность, так как в непривычных условиях ДОЛ еще не освоили новые формы взаимоотношений со сверстниками, взрослыми и продолжали вести себя так, как привыкли в ЦССВ.

Психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из обособленных отрядов, с точки зрения наблюдателей, было несколько иным: отношения во время игры носили положительный характер (в 54,0% случаев), однако тревожность проявлялась немного чаще (как «спокойное» состояние оценивалось только в 49,2% случаев). Уровень активности подростков в обособленных отрядах практически не отличался от аналогичного уровня у детей из смешанных отрядов, однако имелись качественные отличия: вожатые из обособленных отрядов описывали эту активность как во многом беспорядочную, не ориентированную

на конечный результат. Возможно, что в обособленном отряде подростки-сироты видели примеры иного поведения и пытались копировать их, что приводило к необходимости планировать свою деятельность. Это умение у них было развито плохо, так как их деятельность всегда была зарегламентирована и контролировалась воспитателями. Вожатые же из смешанных отрядов отмечали, что подростки-сироты, глядя на семейных сверстников, пытались ориентироваться на задачи игры, решать поставленную проблему.

Сравнение внешних и внутренних оценок самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, во время игры позволяет заметить следующие факты. Во-первых, уровень активности подростков из смешанных отрядов внешними наблюдателями оценивался более высоко, чем самими участниками игры. Мы связываем это с тем, что сироты понимают активное поведение как во многом неограниченное извне, неупорядоченное, поэтому свое целенаправленное поведение в игре подростки в смешанных отрядах не оценили как достаточно активное. Во-вторых, расходятся внешние и внутренние оценки спокойствия-тревожности: достаточно спокойными себя чувствовали только подростки в обособленных отрядах, в то время как вожатые, напротив, оценивали их как тревожных чаще, чем сверстников из смешанных отрядов. Расхождение результатов возможно объяснить сдержанностью эмоциональной экспрессии подростками из смешанных отрядов в новом социальном окружении и, наоборот, большей раскованностью детей в привычном окружении.

Мы полагаем, что существуют общие факторы, определяющие негативное влияние ситуации игры на самочувствие

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вне зависимости от состава социального окружения. С одной стороны, игра представляет собой внешне спланированное мероприятие (есть элемент принуждения), в то время как для сирот очень значимым является свободный, самостоятельный выбор деятельности [20]. С другой стороны, игра предполагает конкурирование между группами в новой для сирот среде, в присутствии новых взрослых, что может быть некомфортным для детей в силу негативного характера их самооценки и самопринятия. Возможно, что дополнительным фактором, определяющим негативные показатели самочувствия у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в смешанных отрядах, является ощущение противопоставления своей социальной группы (детей из ЦССВ) «семейным» подросткам.

Рассмотрим далее психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ситуации «Общение со сверстниками». Оценка самочувствия сиротами в смешанных отрядах показывает, что они ощущают себя достаточно спокойными и уравновешенными, но при этом отмечают свою малоинициативность, несмелость, пассивность. Подростки в обособленных отрядах также отмечают у себя в ситуации общения со сверстниками спокойствие и уравновешенность, но при этом выше оценивают собственную активность и решительность.

Самооценка подростками психологического самочувствия в данном случае практически совпадает с внешней его оценкой. Вожатые описывали активность большинства подростков как высокую (65,1% и 62,0% в смешанных и обособленных отрядах соответственно), при этом оценка «пассивен» чаще появлялась

в результатах наблюдения вожатых смешанных отрядов (20,9% и 14,1%), тогда как оценка «возбужден» — вожатых обособленных отрядов (23,9% и 14%). Эмоциональное состояние большинства подростков наблюдателями расценивалось как «спокойное» (76,7% и 64,8% соответственно), в смешанных отрядах отмечено большее количество проявляющих тревожность подростков, чем в обособленных (14,0% и 7,0% соответственно).

Проанализируем далее психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ситуации «Общение с вожатыми». Подростки из смешанных отрядов оценили свое самочувствие в этой ситуации наиболее высоко, они ощущают себя спокойными, активными, чувствуют эмоциональный подъем. Самооценки подростков из обособленных отрядов также благоприятны по всем показателям: они чувствуют себя спокойными, энергичными и работоспособными. Ситуация общения с вожатыми — единственная из всех изученных, в которой показатели самочувствия подростков в смешанных отрядах выше, чем в обособленных.

Активность подростков смешанных отрядов в отношениях со взрослыми в ДОЛ в большинстве случаев охарактеризована вожатыми как достаточно высокая (оценка «активен», 74,4%), среди подростков обособленных отрядов этот показатель составил только 44,1%. При этом оценка «возбужден» (гиперактивен) в обособленных отрядах встречается в 29,4% случаев, а в смешанных — всего в 4,7%. Вожатые смешанных отрядов отмечали продуктивный характер активности подростков в общении, в обособленных отрядах многие подростки предпринимали попытки привлечения внимания вожатых непродуктивными формами поведения — нарушением правил ДОЛ,

демонстративными проявлениями взрослости и пр. Эмоциональное состояние подростков в общении со взрослыми характеризовалось вожатыми как спокойное (76,7% и 66,2% в смешанных и обособленных отрядах соответственно). Вожатые смешанных отрядов отмечали большую уравновешенность подростков, избегание ими в общении крайностей (равнодушия и тревоги). Вожатые обособленных отрядов отмечали проявления у подростков демонстративных, наигранных состояний апатии, возбуждения, тревоги и пр.

Полученные данные указывают на то, что в ситуации общения с вожатыми самочувствие подростков-сирот благоприятное. Мы объясняем это особенностями сформированных у детей-сирот моделей привязанности: опыт семейной депривации и особенности отношений с педагогами ЦССВ приводят к формированию у части детей привязанности тревожно-амбивалентного типа, характеризующегося неуверенностью ребенка в получении помощи со стороны взрослого, что приводит к крайней эмоциональной зависимости от взрослого и стратегии «цепляния». Эта модель может быть перенесена в ситуацию пребывания в ДОЛ, когда у сирот быстро возникает тревожная, но чрезвычайно сильная эмоциональная привязанность к вожатым, и взаимодействие с ними становится условием положительного самочувствия. При этом общение с вожатыми в лагере в целом более значимо для благоприятного психологического самочувствия подростков в смешанных отрядах. Мы полагаем, что фигура опекающего взрослого в лице вожатого позволяет подросткам легче переживать нахождение в непривычном социальном окружении. Благоприятное психологическое самочувствие подростков-сирот при руководстве их деятель-

ностью вожатыми показывает, что это удовлетворяет реализацию потребностей в установлении близких отношений со взрослыми вне организации для детей-сирот. Они долго вспоминают вожатых после возвращения из лагеря, ведут с ними переписку, звонят им.

В результате сравнения сразу трех ситуаций по каждому из показателей самочувствия отдельно для смешанных и обособленных отрядов было обнаружено, что различия по всем показателям психологического самочувствия у подростков из смешанных отрядов являются значимыми ($p \leq 0,01$). При этом наименее благоприятной ситуацией для их самочувствия в период их пребывания в ДОЛ являлась ситуация игры, наиболее благоприятной — ситуация общения с вожатыми. Различия в самочувствии подростков из обособленных отрядов по всем изученным показателям в трех описанных ситуациях не являются значимыми. Таким образом, психологическое самочувствие подростков из обособленных отрядов не зависит от ситуации в условиях ДОЛ (см. данные, представленные в табл. 2).

В результате статистического анализа показателей психологического самочувствия подростков из смешанных и обособленных отрядов в каждой из трех ситуаций установлено, что для ситуации «Игра» различия между выборками подростков из смешанных и обособленных отрядов являются значимыми ($p \leq 0,01$) по всем показателям психологического самочувствия, в ситуации «Общение со сверстниками» различаются четыре показателя из пяти (кроме параметра «спокойствие-тревожность»), а самочувствие в общении с вожатыми практически не зависит от того, в каком социальном окружении находятся дети-сироты, значимые различия найдены только по вторичному,

итоговому показателю состояния (см. данные, представленные в табл. 3).

Полученные результаты показывают, что психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях ДОЛ более благоприятно в привычном социальном окружении (сверстники из ЦССВ) и в привычных ситуациях взаимодействия (общение с вожатыми, которое подростки воспринимают как подобие общения с воспитателями ЦССВ). Отрицательное психологическое самочувствие подростков связано с нетипичными для них ситуациями взаимодействия с «семейными» сверстниками, особенно внешне заданными (запланированные игры и другие мероприятия). Предполагаем, что приверженность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, привычным для них ситуациям взаимодействия может препятствовать формированию новых моделей поведения и общения, и социализирующий потенциал ДОЛ в связи с этим не будет использован в полной мере.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности разработки на его основе рекомендаций для педагогических работников ДОЛ о возможности помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в условиях лагеря. Основной задачей педагогического коллектива ДОЛ, исходя из полученных данных, мы считаем содействие детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в интеграции с «семейными» сверстниками. Трудности детей-сирот в новой социальной среде, в том числе в ситуациях конкурентного взаимодействия со сверстниками из семей, необходимо рассматривать как зону их развития, а условия социализации ДОЛ — как среду, задающую новые возможности развития.

Мы полагаем, что полученные данные являются доказательством необходимости специальной подготовки вожатых к работе с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, а в содержании этой подготовки необходимо уделять особое внимание проблеме взаимодействия детей именно в условиях смешанных отрядов.

Представленное исследование открывает значительные перспективы дальнейшей работы как в научном, так и в практическом плане. С научной точки зрения следует выявить механизмы возникновения негативного социального самочувствия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в смешанных отрядах и прояснить причины резкого его ухудшения в ситуации конкурентной игры с «семейными» сверстниками. В практическом плане понимание механизмов возникновения негативного психологического самочувствия позволит сформулировать содержание конкретных мер помощи детям как в условиях ДОЛ, так и центрах содействия семейному воспитанию. В первом случае мы видим необходимость осознанного планирования педагогическим коллективом ДОЛ программы мероприятий с учетом сложностей восприятия детьми-сиротами ситуаций конкуренции с «семейными» сверстниками, создание в ДОЛ эмпатичной, принимающей, доброжелательной среды, способствующей, прежде всего, продуктивному взаимодействию сирот и подростков из семей. Во втором случае (в условиях ЦССВ) возможно вести работу, направленную на устранение причин осложненного взаимодействия со сверстниками (нарушенные модели привязанности, трудности коммуникативного развития и пр.) и подготовку детей-сирот к взаимодействию в новой социальной среде ДОЛ.

Выводы

1. Психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях детского оздоровительного лагеря в целом не является очень благоприятным и характеризуется средними или низкими значениями показателей спокойствия, энергичности, предприимчивости, уверенности.

2. Обнаружены серьезные различия в самочувствии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в зависимости от состава социального окружения. У подростков из обособленных отрядов психологическое самочувствие характеризуется умеренными показателями, они достаточно сдержаны, уравновешены, активны и уверены в себе. Подростки-сироты из смешанных отрядов чувствуют себя в целом менее комфортно, но их самочувствие сильно варьирует в зависимости от ситуации, в которой они находятся.

3. Психологическое самочувствие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в лагере может определяться социальной ситуацией. Этот фактор имеет значение только для подростков, находящихся в смешанных отрядах. Наиболее некомфортно подростки-сироты чувствуют себя в ситуации игры, они ощущают себя тревожными, пассивными, напряженными. Мы связываем это со взаимодействием сирот с «семейными» сверстниками в ситуации конкуренции и с принятием подростками из ЦССВ внешне запланированных мероприятий. Это необходимо учитывать при комплектовании отрядов в ДОЛ. Нахождение подростков-сирот в смешанных отрядах будет способствовать их социализации, овладению новыми видами деятельности, общению со сверстниками, благоприятному психо-

логическому благополучию, а также является зоной их развития.

4. Наиболее благоприятна для подростков-сирот из смешанных отрядов ситуация общения с вожатыми: вероятнее всего, в этой ситуации взаимодействия актуализируется сформированная в результате опыта депривации неустойчивая тревожно-амбивалентная модель привязанности ко взрослым, вследствие чего быстро возникает сильная эмоциональная привязанность к вожатым. Общение с вожатыми не только приносит детям-сиротам позитивные эмоции, но и позволяет им легче переживать нахождение в непривычном социальном окружении семейных сверстников. Это требует подготовки вожатых к работе с данным контингентом подростков-сирот и подростков, оставшихся без попечения родителей, учитывать их потребность в нахождении значимого взрослого вне ЦССВ.

5. Обнаружены расхождения внутренних и внешних оценок отдельных показателей психологического самочувствия у детей-сирот и детей, оставшихся

без попечения родителей: в наиболее некомфортной для них ситуации игры подростки недооценивали уровень своей активности, а вожатые-наблюдатели в этой же ситуации недооценивали тревожность подростков. Отличия в оценках активности объясняются разным ее пониманием подростками и вожатыми: для подростков активность включает в себя неограниченное извне, неупорядоченное поведение, отсутствие такового в игре как целенаправленной внешне заданной деятельности снижает их общую оценку собственной активности. Расхождение внешних и внутренних оценок тревожности мы связываем со стремлением подростков к снижению эмоциональной экспрессии в новом социальном окружении и, наоборот, большей их раскованностью в привычном окружении.

6. Перспективным направлением в изучении может быть проведение сравнительного исследования психологического благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, разных возрастов и различных типов ДОЛ.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 7–14. DOI:10.17759/jmfp.2017060201
2. *Байбородова Л.В., Симонова Г.И., Харисова И.Г.* Педагогические основы деятельности детских оздоровительных лагерей // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2(107). С. 8–16. DOI:10.24411/1813-145X-2019-10345
3. *Бардывшевская М.К.* Развитие привязанности у эмоционально депривированных детей // Дефектология. 2006. № 1. С. 6–20.
4. *Бубнова А.Н.* Особенности социализации подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, в рамках специализированной лагерной смены // Образование личности. 2017. № 4. С. 134–138.
5. *Кашкина Л.В.* Психологическое самочувствие населения многопрофильного города европейского севера // Экология человека. 2013. № 2. С. 46–51.
6. *Ковалев П.А.* Психологическое и социальное самочувствие: анализ содержания понятий // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Том 8. № 6–1. С. 146–156. DOI:10.34670/AR.2020.46.6.168
7. *Куликов Л.В.* Регулятивные функции настроения // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Саморегуляция личности в

контексте жизнедеятельности» (г. Омск, 5–6 октября 2016 г.). Омск: Издательство Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 38–41.

8. *Лопатина И.А., Никитина А.А.* Особенности культурного опосредования переживания подростков из детских домов // Преподаватель XXI века. 2017. № 4(1). С. 165–175.

9. *Маленова А.Ю., Федотова Е.Е.* Эмоциональное самочувствие как индикатор психологического благополучия молодежи // Материалы третьей Международной научной конференции «Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы» (г. Казань, 8–10 ноября 2018 г.). Казань: Изд-во Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. С. 318–320.

10. *Отинова Е.П.* Проблемы социальной адаптации детей из центров содействия семейному воспитанию // Научные исследования и современное образование. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. С. 102–107. DOI:10.21661/г-470161

11. *Пак Л.Г., Харитонова Е.В.* Образовательно-воспитательный потенциал детского оздоровительного лагеря как средство социализации воспитанников // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 6. С. 152–156.

12. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Особенности развития личности детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации // Психологическая наука и образование. 2009. Том 14. № 3. С. 5–12.

13. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. СПб.: Питер, 2007. 456 с.

14. *Прохоров А.О.* Ментальные репрезентации психических состояний: феноменологические и экспериментальные характеристики // Экспериментальная психология. 2016. Том 9. № 2. С. 23–37. DOI:10.17759/exprsy.2016090203

15. *Самохвалова А.Н., Олиарник Ю.И.* Коммуникативные трудности детей-сирот и условия их преодоления // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 2. С. 244–248.

16. *Сонин В.А.* Психодиагностическое познание в профессиональной деятельности. СПб.: Речь, 2004. 408 с.

17. *Станибула С.А.* Роль нарушений привязанности в развитии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Псковского государственного университета. 2017. № 5. С. 76–80.

18. *Тугайбаева Б.Н., Харитонова Е.В., Холоднович Е.Н.* Психологическое самочувствие современной личности // Человек. Искусство. Вселенная. 2019. № 1. С. 146–153.

19. *Усынина Т.П., Степанова Н.В.* Особенности социального интеллекта у детей-сирот // Материалы 1-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики» (г. Калуга, 20–21 мая 2016 г.). Калуга: Издательство ИП Стрельцов И.А., 2016. С. 538–544.

20. *Филинкова Е.Б., Ковалев П.А.* Понимание детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, психологического самочувствия у себя и у других // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 71–86. DOI:10.18384/2310-7235-2020-2-71-86

21. *Фильчагина Т.В., Нузаева О.Г.* Особенности организации работы педагога-психолога в летнем оздоровительном лагере для детей-сирот // Материалы межрегиональной научно-практической конференции студентов, аспирантов, магистрантов и слушателей «Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза» (г. Екатеринбург, 25–26 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральский государственный педагогический университет, 2009. С. 222–223.

22. *Харитонова Е.В.* Психологическое самочувствие личности и его составляющие // Человек. Искусство. Вселенная. 2018. № 1. С. 166–171.

23. Холоднович Е.Н. Психологическое самочувствие человека как психологическая проблема // Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4(12). С. 61–81.
24. Чижова К.И. Психологические особенности эмоциональной сферы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Наука и образование в современной конкурентной среде. 2016. № 1(3). С. 84–88.
25. Шевякова Н.А. Социализация детей старшего возраста в условиях центра содействия семейному воспитанию // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 4. С. 516–519. DOI:10.5281/zenodo.1218475
26. Шульга Т.И. Осознанность подростков-сирот и подростков, оставшихся без попечения родителей, как фактор психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 36–50. DOI:10.17759/pse.2019240403

References

1. Avdeeva N.N. Teoriya privyazannosti: sovremennye issledovaniya i perspektivy [Attachment theory: current research and perspectives]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2017. Vol. 6, no. 2, pp. 7–14. DOI:10.17759/jmfp.2017060201 (In Russ.).
2. Baiborodova L.V., Simonova G.I., Kharisova I.G. Pedagogicheskie osnovy deyatelnosti detskikh ozdorovitel'nykh lagerei [Pedagogical bases of activity of children's health camps]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical Bulletin*, 2019, no. 2(107), pp. 8–16. DOI:10.24411/1813-145X-2019-10345 (In Russ.).
3. Bardyshevskaya M.K. Razvitie privyazannosti u emotsional'no deprivirovannykh detei [Developing attachment in emotionally deprived children]. *Defektologiya = Defectology*, 2006, no. 1, pp. 6–20. (In Russ.).
4. Bubnova A.N. Osobennosti sotsializatsii podrostrkov, nakhodyashchikhsya v trudnoi zhiznenni situatsii, v ramkakh spetsializirovannoi lagernoi smeny [Features of socialization of teenagers who are in a difficult life situation, within the framework of a specialized camp shift]. *Obrazovanie lichnosti = The education of personality*, 2017, no. 4, pp. 134–138. (In Russ.).
5. Kashkina L.V. Psikhologicheskoe samochuvstvie naseleniya mnogoprofil'nogo goroda evropeiskogo severa [Psychological well-being of the population of a multidisciplinary city in the European North]. *Ekologiya cheloveka = Human ecology*, 2013, no. 2, pp. 46–51. (In Russ.).
6. Kovalev P.A. Psikhologicheskoe i sotsial'noe samochuvstvie: analiz sodержaniya ponyatii [Psychological and social well-being: analysis of the content of concepts]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical and critical reviews and modern research*, 2019. Vol. 8, no. 6–1, pp. 146–156. DOI:10.34670/AR.2020.46.6.168 (In Russ.).
7. Kulikov L.V. Regulyativnye funktsii nastroeniya [Regulatory functions of mood]. Materialy Vserossiiskoi Nauchno-prakticheskoi Konferentsii s Mezhdunarodnym Uchastiem "Samoregulyatsiya lichnosti v kontekste zhiznedeyatel'nosti" (g. Omsk, 5–6 oktyabrya 2016 g.) [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Self-Regulation of the individual in the context of life"]. Omsk: Publ. Omskii gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2017, pp. 38–41. (In Russ.).
8. Lopatina I.A., Nikitina A.A. Osobennosti kul'turnogo oposredovaniya perezhivaniya podrostrkov iz detskikh domov [Features of cultural mediation of the experience of teenagers from orphanages]. *Prepodavatel' XXI veka = Teacher of the XXI century*, 2017, no. 4(1), pp. 165–175. (In Russ.).
9. Malenova A.Yu., Fedotova E.E. Emotsional'noe samochuvstvie kak indikator psikhologicheskogo blagopoluchiya molodezhi [Emotional well-being as an indicator of psychological well-being of young people]. Materialy Tret'ei Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii "Psikhologiya sostoyanii cheloveka: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problemy" (g. Kazan', 8–10 noyabrya 2018 g.) [Proceedings of the Third International Scientific Conference "Psychology of human States: current theoretical and applied problems"]. Kazan': Publ. Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet, 2018, pp. 318–320. (In Russ.).

10. Otinova E.P. Problemy sotsial'noi adaptatsii detei iz tsentrov sodeistviya semeinomu vospitaniiyu [Problems of social adaptation of children from family education support centers]. Nauchnye issledovaniya i sovremennoe obrazovanie. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Scientific research and modern education. Collection of materials of the II International scientific and practical conference]. Cheboksary: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plyus», 2018, pp. 102–107. DOI:10.21661/r-470161 (In Russ.).
11. Pak L.G., Kharitonova E.V. Obrazovatel'no-vospitatel'nyi potentsial detskogo ozdorovitel'nogo lagerya kak sredstvo sotsializatsii vospitannikov [Educational potential of a children's health camp as a means of socialization of pupils]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern knowledge-intensive technologies*, 2017, no. 6, pp. 152–156. (In Russ.).
12. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Osobennosti razvitiya lichnosti detei, vospityvayushchikhsya v usloviyakh materinskoj deprivatsii [Features of personal development of children brought up in conditions of maternal deprivation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2009. Vol. 14, no. 3, pp. 5–12. (In Russ.).
13. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologiya sirotstva [The psychology of abandonment]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2007. 456 p. (In Russ.).
14. Prokhorov A.O. Mental'nye reprezentatsii psikhicheskikh sostoyanii: fenomenologicheskie i eksperimental'nye kharakteristiki [Mental representations of mental States: phenomenological and experimental characteristics]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2016. Vol. 9, no. 2, pp. 23–37. DOI:10.17759/exppsy.2016090203 (In Russ.).
15. Samokhvalova A.N., Oliyarnik Yu.I. Kommunikativnye trudnosti detei-sirot i usloviya ikh preodoleniya [Communication difficulties of orphaned children and conditions for overcoming them]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of the KSU named after N. A. Nekrasov*, 2016. Vol. 22, no. 2, pp. 244–24. (In Russ.).
16. Sonin V.A. Psikhodiagnosticheskoe poznanie v professional'noi deyatel'nosti [Psychodiagnostic knowledge in professional activity]. Saint-Petersburg: Publ. Rech', 2004. 408 p. (In Russ.).
17. Stanibula S.A. Rol' narushenii privyazannosti v razvitiu detei-sirot i detei, ostavshikhhsya bez popecheniya roditel'ei [The role of attachment disorders in the development of orphans and children left without parental care]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Pskov state University*, 2017, no. 5, pp. 76–80. (In Russ.).
18. Tugaibaeva B.N., Kharitonova E.V., Kholondovich E.N. Psikhologicheskoe samochuvstvie sovremennoi lichnosti [Psychological well-being of a modern person]. *Chelovek. Iskusstvo. Vseleinnaya = Person. Art. Universe*, 2019, no. 1, pp. 146–153. (In Russ.).
19. Usynina T.P., Stepanova N.V. Osobennosti sotsial'nogo intellekta u detei-sirot [Features of social intelligence in orphaned children]. Materialy 1-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Lichnost', intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye praktiki" (g. Kaluga, 20–21 maya 2016 g.) [Proceedings of the first all-Russian scientific and practical conference with international participation "Personality, intelligence, and metacognitions: research approaches and educational practices"]. Kaluga: Publ. IP Strel'cov I.A., 2016, pp. 538–544. (In Russ.).
20. Filinkova E.B., Kovalev P.A. Ponimanie det'mi-sirotami i det'mi, ostavshimisya bez popecheniya roditel'ei, psikhologicheskogo samochuvstviya u sebya i u drugikh [Understanding of orphans and children, left without parental care, psychological well-being for yourself and others]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow state regional University*, 2020, no. 2, pp. 71–86. DOI:10.18384/2310-7235-2020-2-71-86 (In Russ.).
21. Fil'chagina T.V., Nugaeva O.G. Osobennosti organizatsii raboty pedagoga-psikhologa v letnem ozdorovitel'nom lagere dlya detei-sirot [Features of the organization of the work of a teacher-psychologist in a summer health camp for orphaned children]. Materialy Mezhhregional'noi Nauchno-prakticheskoi Konferentsii Studentov, Aspirantov, Magistrantov i Slushatelei "Izuchenie

i obrazovanie detei s razlichnymi formami dizontogeneza” (g. Ekaterinburg, 25–26 aprelya 2019 g.) [Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates, Undergraduates and Trainees “Study and education of children with various forms of dysontogenesis”]. Ekaterinburg: Publ. Ural’skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2009, pp. 222–223. (In Russ.).

22. Kharitonova E.V. Psikhologicheskoe samochuvstvie lichnosti i ego sostavlyayushchie [Psychological well-being of the individual and its components]. *Chelovek. Iskusstvo. Vseennaya = Person. Art. Universe*, 2018, no. 1, pp. 166–171. (In Russ.).

23. Kholondovich E.N. Psikhologicheskoe samochuvstvie cheloveka kak psikhologicheskaya problema [Psychological well-being of a person as a psychological problem]. *Sotsial’naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Social and economic psychology*, 2018, no. 4(12), pp. 61–81. (In Russ.).

24. Chizhova K.I. Psikhologicheskie osobennosti emotsional’noi sfery detei-sirot i detei, ostavshikhся bez popecheniya roditel’ei [Psychological features of the emotional sphere of orphans and children left without parental care]. *Nauka i obrazovanie v sovremennoi konkurentnoi srede = Science and education in the modern competitive environment*, 2016, no. 1(3), pp. 84–88. (In Russ.).

25. Shevyakova N.A. Sotsializatsiya detei starshego vozrasta v usloviyakh tsentra sodeistviya semeinomu vospitaniyu [Socialization of older children in the family education support center]. *Byulleten’ nauki i praktiki = Bulletin of science and practice*, 2018. Vol. 4, no. 4, pp. 516–519. DOI:10.5281/zenodo.1218475 (In Russ.).

26. Shul’ga T.I. Osoznannost’ podrostkov-sirot i podrostkov, ostavshikhся bez popecheniya roditel’ei, kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya [Awareness of orphaned adolescents and adolescents left without parental care as a factor of psychological well-being]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2019. Vol. 24, no. 4, pp. 36–50. (In Russ.). DOI:10.17759/pse.2019240403 (In Russ.).

Информация об авторах

Филинкова Евгения Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9802-4497>, e-mail: jane421@yandex.ru

Ковалев Павел Александрович, аспирант кафедры социальной психологии, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0898-8434>, e-mail: pavelkovalev0611@gmail.com

Information about the authors

Evgeniya B. Filinkova, PhD in Psychology, Associate Professor in Department of Social Psychology, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9802-4497>, e-mail: jane421@yandex.ru

Pavel A. Kovalev, postgraduate student of the Department of social psychology, Moscow State Regional University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0898-8434>, e-mail: pavelkovalev0611@gmail.com

Получена 14.07.2020

Принята в печать 08.04.2021

Received 14.07.2020

Accepted 08.04.2021

Социально-перцептивный образ приемного ребенка у замещающих родителей с разной формой опеки

Алдашева А.А.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Зеленова М.Е.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Сиваш О.Н.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskya@gmail.com

Цель. Изучение социальной перцепции и выявление структурно-содержательных особенностей образа приемного ребенка у замещающих родителей с разной формой опеки.

Контекст и актуальность. Переход на повсеместное семейное устройство детей-сирот и подготовка законодательных актов, предусматривающих утверждение новой профессии педагогического профиля (социальный воспитатель), а также введение обязательного психологического тестирования приемных родителей определили практическую значимость и актуальность научных исследований, связанных с отбором и подготовкой кандидатов, желающих создать приемную семью.

Дизайн исследования. В работе изучалась структура социально-перцептивных представлений о приемном ребенке у замещающих родителей в зависимости от формы опеки и количества детей, принятых на воспитание. Наличие структурных взаимосвязей и статистических различий определялось с помощью методов корреляционного и сравнительного анализа.

Участники. Приемные родители, осуществляющие опеку на основе трудового соглашения (социальные воспитатели), а также приемные родители, имеющие родственные связи с приемными детьми и осуществляющие опеку в форме «кровной опеки» (кровные опекуны). Всего 110 человек. В ходе обработки и анализа данных вся выборка была разбита на следующие группы: 1. группа социальных воспитателей, принявших в семью 1–2-х приемных детей (N=48); 2. группа социальных воспитателей, принявших в семью 3-х и более детей (N=30); 3. группа кровных опекунов (N=32).

Методы (инструменты). Для выявления структуры и содержания перцептивного образа приемного ребенка применялся вербальный вариант методики СОЧ(И) В.Л. Ситникова.

Результаты. Анализ компонентных профилей перцептивного образа приемного ребенка у разных категорий замещающих родителей показал, что они идентичны по своей структуре. В иерархии структуры образа ведущими выступают «Социальный», «Деятельностный» и «Поведенческий» компоненты. Содержательный анализ перцептивного образа приемного ребенка позволил выделить в семантическом пространстве приемных родителей структурно-смысловые единицы (компоненты образа), отражающие ценностное отношение ребенка к жиз-

ни в замещающей семье (компонент «Ценность семьи») и наличие вредных привычек и аддикций (компонент «Вредные привычки»). Это определило структурную специфику перцептивного образа приемного ребенка у социальных воспитателей и кровных опекунов и ее отличие от структуры образа ребенка у обычных родителей. Межгрупповой сравнительный анализ показал, что социальные воспитатели, принявшие в семью 3-х и более детей, чаще выделяют характеристики ребенка, имеющие значение для взаимодействия в системе «ребенок-взрослый»; они чаще отмечают отношение приемного ребенка к жизни в семье, отношение ребенка к авторитету взрослого, а также наличие у ребенка вредных привычек и зависимостей.

Выводы. Получены результаты, показавшие структурно-содержательные особенности перцептивного образа приемного ребенка у приемных родителей с разным количеством детей и разной формой опеки — социальных воспитателей и кровных опекунов.

Ключевые слова: социальная перцепция, образ приемного ребенка, менталитет, приемные дети, приемные родители, социальные воспитатели, кровные опекуны.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства научных организаций в рамках научного проекта № 0159-2020-0001.

Для цитаты: Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Сиваш О.Н. Социально-перцептивный образ приемного ребенка у замещающих родителей с разной формой опеки // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 110—128. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120207>

Socio-Perceptual Features of the Image of a Foster Child in Foster Parents with Different Forms of Guardianship

Aigul A. Aldasheva

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Marina E. Zelenova

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Olga N. Sivash

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskya@gmail.com

The objective. *The purpose of the empirical study presented was the study of social perception and the identification of structurally-substantive features of the mental image of the adopted child in foster parents.*

Background. *The transition to the ubiquitous family arrangement of orphans and the preparation of legislation providing for the adoption of foster parenting as a new profession of a pedagogical profile (“social educator”), as well as the introduction of mandatory psychological testing of foster parents, has revealed the special practical significance and relevance of scientific research related to selection and candidate training.*

Study design. *The work examined the structure of socio-perceptual ideas about the adopted child from adoptive parents, depending on the form of adoption and the number of children adopted by the family for upbringing. The presence of structural relationships and statistical differences was determined using the methods of correlation and comparative analysis.*

Participants. *Foster parents were examined exercising guardianship on the basis of an employment agreement (“social educator”), as well as foster parents who have family ties with adopted children and*

who exercise guardianship in the form of “blood guardianship” (“blood guardians”). Total 110 people. In the course of data processing and analysis, the entire sample was divided into the following groups: 1. a group of social educators who adopted 1–2 foster children into the family (N=48); 2. a group of social educators who have adopted 3 or more children into the family (N=30); 3. group of “blood guardians” (N=32).

Measurements. To identify the structure and content of the perceptual image of the adopted child, a verbal version of the SOCHI technique was used AND V.L. Sitnikova.

Results. An analysis of the component profiles of the perceptual image of the “adopted child” in different categories of foster parents showed that they are identical in structure. In the hierarchy of the structure of the image, the leading components are the “Social”, “Activity” and “Behavioral” components. A meaningful analysis of the adoptive child’s perceptual image made it possible to identify structural and semantic units (image components) in the semantic space of adoptive parents that reflect the child’s value attitude to life in a foster family (component “Family Value”) and the presence of bad habits and addictions (component “Bad habits”). This determined the structural specificity of the perceptual image of the “adopted child” in social educators and blood guardians and its difference from the structure of the child’s image in ordinary parents. Intergroup comparative analysis showed that social educators who have adopted 3 or more children into a family more often single out characteristics of a child that are important for interaction in the “child-adult” system; they more often note the attitude of the adopted child towards life in the family, the attitude of the child towards the authority of an adult, as well as the presence of bad habits and addictions in the child.

Conclusions. The results were obtained that showed structurally meaningful features of the perceptual image of the adopted child in foster parents with different numbers of children and different forms of guardianship – social educators and blood guardians.

Keywords: social perception, foster child image, mentality, foster children, foster parents, social educators, blood guardians.

Funding. The study was supported by the Federal Agency for Scientific Organizations, project number 0159-2020-0001.

For citation: Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Sivash O.N. Socio-Perceptual Features of the Image of a Foster Child in Foster Parents with Different Forms of Guardianship. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 110–128. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120207> (In Russ.).

Введение

Передача на воспитание в приемную семью и накопленный опыт семейного устройства детей-сирот выявили проблемы, детерминированные особенностями воспитательного пространства замещающей семьи. Министерство просвещения Российской Федерации объявило о разработке законопроекта, предусматривающего реформирование системы подбора и сопровождения приемных семей, необходимость психологического тести-

рования приемных родителей, а также поставило вопрос об ограничении числа детей в одной приемной семье. Научные исследования, направленные на решение задач обеспечения успешности приемного родительства, оказались среди наиболее актуальных направлений науки, имеющих прикладное значение.

Приемная семья представляет собой форму устройства детей, оставшихся без родителей, осуществляемую на основе договора между органами опеки и попечительства и приемными родителями.

Анализируя специфику замещающей семьи, исследователи подчеркивают, что приемная семья по своим целям и функциям является «социальным институтом воспитания» и может быть рассмотрена в качестве промежуточной формы между «усыновлением» и «общественным воспитанием» [14]. Среди отличительных особенностей приемной семьи выделяют: 1. наличие у большинства приемных детей кровных родителей и других родственников, с которыми дети, находясь в приемной семье, могут поддерживать отношения; 2. временный характер нахождения детей в приемной семье; 3. контроль и право органов опеки и попечительства отстранять социальных воспитателей от исполнения возложенных на них обязательств в случае возникновения неблагоприятных условий для воспитания детей [16].

Кроме того, приемная семья отличается от традиционной функциями, появление которых вызвано особенностями жизненного опыта детей, оставшихся без родителей, необходимостью компенсации отсутствия кровной семьи, устранения негативных последствий пребывания детей в детском доме и т.д. Среди дополнительных функций приемной семьи особое значение имеют терапевтическая, компенсаторная, адаптационная, коррекционная и реабилитационная [2; 17].

Как известно, успешность деятельности во многом зависит от особенностей психических образов, которые составляют регуляторную основу любых действий и определяют эффективность достижения целей. Психический образ с позиций системного подхода рассматривается как сложное, многокомпонентное и целостное образование, объективируемое посредством конкретных действий, структурно-смысловых единиц или понятий, а также на основе использования

разнообразных знаковых систем. Образ является «идеальным субъективным образованием», «интегративным отражением дискретной части действительности», регуляторная функция которого тесно связана с характеристиками отражаемого объекта [9]. Социально-перцептивные образы представляют собой разновидность психических образов, формирующихся в процессе социальной перцепции, и являются результатом отражения образов других людей как субъектов социального взаимодействия и общения [4; 7]. Восприятие и формирование образа ребенка базируется на общих законах социальной перцепции и обусловлено факторами, среди которых характеристики взрослых и детей играют значительную роль [6; 13; 18; 28; 30 и др.]. Как отмечает Э. Берн, люди действуют в соответствии со своими индивидуальными психическими образами, в основе которых лежат определенные эмоции, и чем более адекватно данные образы передают реальность, тем более успешным и адаптивным будет поведение человека при взаимодействии с другими людьми. Так как перцептивные образы довольно ригидны и статичны, то в процессе воспитания, когда представления взрослого и поведение ребенка не совпадают, воспитатель предпочитает менять способы своего воздействия, но не свои представления [5].

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о тесной взаимосвязи между полнотой и адекватностью социально-перцептивных образов у представителей педагогических профессий (школьных учителей, воспитателей детских садов, закрытых интернатов) и эффективностью воспитательного процесса. При этом исследователи отмечают, что педагоги по сравнению с родителями чаще выделяют качества ребенка, имеющие значение

для процесса обучения и совместного взаимодействия, то есть воспринимают ребенка прежде всего как объект воспитания и обучения [10; 19; 27; 29 и др.].

Работа В.Л. Ситникова, направленная на выявление содержания и механизмов формирования представлений об «абстрактных» и «реальных» детях у педагогов и родителей, показала, что ментальный образ ребенка имеет иерархизированную многокомпонентную структуру и выступает одним из важных регуляторов взаимодействия в диаде «взрослый-ребенок». Вариативность структуры образа ребенка ситуативна и контекстуальна и тесно связана с характеристиками объекта восприятия (зависит от пола, возраста, социальной позиции ребенка). При этом специфика содержания и структура образа определяются прежде всего «субъективными параметрами» (характеристиками «субъекта, осознающего этот образ») и спецификой взаимоотношений воспринимающего субъекта с объектом отражения. Среди функций образа автор выделяет смыслообразующую, мотивирующую, прогностическую, корректирующую и регуляторную, подчеркивая особую значимость регуляторной функции перцептивного образа как имеющую наиболее важное значение для детско-родительских отношений и всего процесса развития ребенка [20].

В исследовании В.Л. Ситникова и А.А. Стреленко, посвященном изучению взаимосвязи между образом приемного ребенка и личностными качествами социальных воспитателей, установлено, что образы приемных детей по сравнению с «Я-образами» приемных матерей более наполнены отрицательными характеристиками. Показано также, что структура образа ребенка тесно связана с такими характеристиками приемных

матерей, как «мягкость-строгость», «авторитетность», «последовательность-непоследовательность» и «эмоциональное дистанцирование-близость». Кроме того, большинство социальных воспитателей имели низкий уровень удовлетворенности межличностными взаимоотношениями с детьми [21; 22].

Психосемантическое исследование, направленное на выявление мнения россиян о приемных родителях, проведенное Р.А. Читаю, позволило установить преобладание позитивных представлений респондентов о качествах людей, воспитывающих сирот, и выявило атрибуцию таких положительных характеристик, как «доброта», «самоконтроль», «интеллект», «активность», «неравнодушие» [24]. Однако, что касается социальных представлений о ребенке-сироте, то результаты исследований показали доминирование отрицательных оценок и негативных стереотипов. Согласно данным Т.Ю. Кузнецовой, ребенок-сирота в описаниях большинства респондентов является «грубым в поведении и общении», «агрессивным», «невоспитанным», «склонным к воровству», «грязным» и «оборванным». Одновременно ребенок-сирота предстает как «обездоленный», «брошенный», «несчастный», «голодный» и «страдающий». По мнению опрошенных, дети-сироты нуждаются в том, чтобы их «накормили», «пожалели», «посочувствовали», а общество обязано «помогать» и «воспитывать» сирот. При этом основу представлений о воспитанниках детских домов у 58,7% респондентов составила информация, полученная из СМИ; 27,8% опрошенных имели редкие и ситуативные контакты с воспитанниками детских домов; лишь 15,4% (в основном врачи и работники милиции) имели с сиротами непосредственное длительное общение [11].

Результаты анализа социологических опросов, проведенные Н.В. Присяжной, позволили выделить 7 блоков социальных стереотипов, отражающих образ ребенка-сироты: 1) сироты имеют плохую биологическую наследственность и генетически предрасположены к девиантному поведению; 2) сироты имеют психические отклонения; 3) у сирот плохое здоровье и хронические заболевания; 4) сироты склонны к аддикциям и асоциальному поведению; 5) сироты плохо адаптируются к социальной среде; 6) сироты «неблагодарны» в отношении приемных родителей; 7) социальные сироты — это «бедные, несчастные, брошенные дети». Перечисленные стереотипы свидетельствуют о преобладании отрицательных характеристик в перцептивном образе ребенка-сироты, распространенном в общественном сознании, что может негативно отражаться на социализации и перспективе будущего детей, оставшихся без попечения взрослых [15].

Рассмотрение имеющихся в литературе фактов позволяет говорить о важной роли социальной перцепции в результативности воспитательного процесса и свидетельствует об актуальности и значимости научных исследований, посвященных выявлению особенностей социальной перцепции у разных групп педагогов, к которым относятся и приемные родители (социальные воспитатели), которые, по определению А.В. Махначи и других исследователей, также являются специалистами педагогического профиля [12]. Это позволило сформулировать *цель исследования*: изучение особенностей социально-перцептивного образа ребенка-сироты у приемных родителей в зависимости от формы опеки и количества детей, принятых в семью на воспитание.

Методы

Исследование проводилось на базе ГБУ Центр «Детство» совместно сотрудниками Института психологии РАН и сотрудниками центра. Были обследованы приемные родители, осуществляющие опеку на основе трудового соглашения (социальные воспитатели), а также приемные родители, имеющие родственные связи с усыновленными детьми и осуществляющие опеку в форме «кровной опеки» (кровные опекуны). Общий объем выборки — 110 человек. В ходе обработки и анализа выборка была разбита на три группы: 1. приемные родители, воспитывающие 1–2-х приемных детей (ПР1); 2. приемные родители, воспитывающие 3-х и более приемных детей (ПР2); 3. кровные опекуны (КО) — родственники, взявшие на воспитание детей, оставшихся без родителей. Характеристики участников представлены в табл. 1.

В исследовании применялся сокращенный вариант «Методики изучения образа человека» СОЧ(И) В.Л. Ситникова. В ходе индивидуального интервью респонденты должны были перечислить и ранжировать: 1. «характеристики хорошего приемного ребенка»; 2. «характеристики плохого приемного ребенка»; 3. «характеристики хорошей приемной девочки»; 4. «характеристики плохой приемной девочки»; 5. «характеристики хорошего приемного мальчика»; 6. «характеристики плохого приемного мальчика». Данные анкетирования обрабатывались методом контент-анализа в соответствии с алгоритмом, предложенным В.Л. Ситниковым. Статистическая обработка полученных матриц включала методы частотного, корреляционного (г-Спирмена) и сравнительного анализа (U-Манна-Уитни).

Описание выборки исследования

Группы	Социально-демографические характеристики
Группа ПР1 «приемные родители, воспитывающие 1–2-х приемных детей» (n=48)	Семейные пары, являющиеся социальными воспитателями; средний возраст: $M=50,57\pm 11,04$ года; количество приемных детей в семье: $1,43\pm 0,94$; количество кровных детей в семье: $1,29\pm 1,20$
Группа ПР2 «приемные родители, воспитывающие 3-х и более приемных детей» (n=30)	Семейные пары, являющиеся социальными воспитателями; средний возраст: $M=50,71\pm 7,50$ года; количество приемных детей в семье: $6,23\pm 6,27$; количество кровных детей в семье: $2,10\pm 1,69$
Группа КО «кровные опекуны» (n=32)	Родственники, взявшие на воспитание приемных детей (внуков, племянников) в форме кровной опеки; средний возраст: $M=58,45\pm 9,79$ года; количество приемных детей в семье: $1,22\pm 0,55$; количество кровных детей в семье: $1,47\pm 1,02$

Результаты

Обработка вербального варианта методики СОЧ(И) предполагает контент-анализ на основе структурно-смысловых категорий, которые являются основными компонентами образа и включают следующие характеристики: 1. «Волевые» («В»); 2. «Деятельностные» («Д»); 3. «Интеллектуальные» («И»); 4. «Поведенческие» («П»); 5. «Социальные» («С»); 6. «Телесно-физические» («Т»); 7. «Эмоционально-личностные» («Э») [19]. При анализе данных нами были дополнительно выделены еще два компонента: «Вредные привычки» («ВП») и «Ценность семьи» («ЦС»). Показатель «ВП» составили понятия, отражающие наличие у ребенка привычек, оцениваемых негативно с точки зрения социальных норм («воровство», «курение» и т.д.). Показатель «ЦС» составили понятия, характеризующие отношение ребенка к приемной семье («ценит семью», «привязан к семье» и т.д.). Результаты частотного анализа, отражающие ком-

понентную структуру образа приемного ребенка у респондентов разных групп, представлены в табл. 2 и отражены графически на рис. 1 и 2.

Применение корреляционного анализа для сопоставления структурных особенностей перцептивных образов «хороший-плохой» приемный ребенок между группами и внутри каждой из групп позволило получить матрицу интеркорреляций, представленную в табл. 3.

Как видно из табл. 3, компонентные профили образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка коррелируют между собой, что свидетельствует о структурном совпадении собирательных образов ребенка у приемных родителей с разной формой опеки. Анализ коэффициентов корреляций по оси «хороший-плохой» приемный ребенок внутри каждой из групп показал, что профили «хорошего» и «плохого» ребенка совпадают у респондентов ПР1 и ПР2. Что касается группы КО, то, согласно данным табл. 3, образы «хорошего» и «плохого»

Таблица 2

Структура образа «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у респондентов ПР1, ПР2 и КО

Компоненты образа	Группа ПР1		Группа ПР2		Группа КО	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
«Хороший» приемный ребенок						
1. Волевые	3.42	5	2.22	7–8	3.16	6
2. Деятельностные	7.98	4	13.89	3	11.39	4
3. Интеллектуальные	13.31	3	9.44	4	13.92	3
4. Поведенческие	18.63	2	15.56	2	17.72	2
5. Социальные	50.57	1	47.78	1	47.47	1
6. Телесно-физические	1.14	8	2.22	7–8	1.90	7
7. Эмоциональные	1.52	7	2.78	6	3.80	5
8. Вредные привычки	0.38	9	1.11	9	0.00	9
9. Ценность семьи	3.04	6	5.00	5	0.63	8
«Плохой» приемный ребенок						
1. Волевые	3.13	8	2.31	8	5.56	5
2. Деятельностные	11.88	3	19.23	2	14.81	3
3. Интеллектуальные	6.88	5	6.15	5–6	3.70	6–7
4. Поведенческие	18.13	2	17.69	3–4	33.33	1
5. Социальные	40.00	1	25.38	1	24.07	2
6. Телесно-физические	5.00	7	5.38	7	3.70	6–7
7. Эмоциональные	6.25	6	6.15	5–6	2.78	8
8. Вредные привычки	8.75	4	17.69	3–4	12.04	4
9. Ценность семьи	0.00	9	0.00	9	0.00	9

Образ «хорошего» приемного ребенка в группах ПР1, ПР2, КО

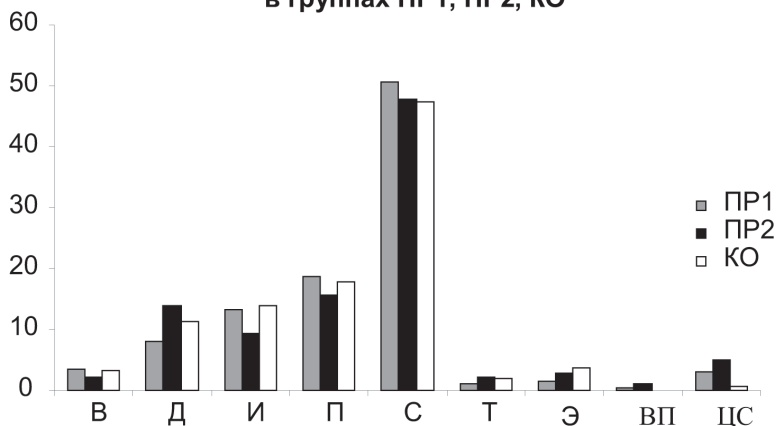


Рис. 1. Образ «хорошего» приемного ребенка в группах ПР1, ПР2 и КО

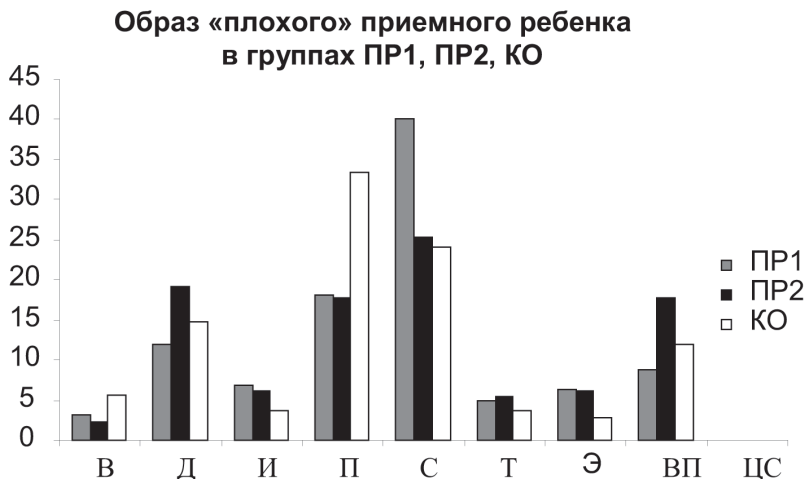


Рис. 2. Образ «плохого» приемного ребенка в группах ПР1, ПР2 и КО

Таблица 3

**Результаты корреляционного анализа структуры образов «хорошего»
и «плохого» ребенка у приемных родителей ПР1, ПР2 и КО**

Корреляции		«Хороший» ребенок			«Плохой» ребенок		
		ПР1	ПР2	КО	ПР1	ПР2	КО
«Хороший» ребенок	ПР1	1	,98***	,99***	,95**	,67*	,64
	ПР2	,98***	1	,99***	,96***	,72*	,63
	КО	,99***	,99***	1	,96***	,70*	,65
«Плохой» ребенок	ПР1	,95***	,96***	,96***	1	,84**	,76*
	ПР2	,67*	,72*	,70*	,84**	1	,82**
	КО	,64	,63	,65	,76*	,82**	1

ребенка не имеют статистически подтвержденного сходства.

В табл. 4 представлены результаты межгруппового сравнительного анализа, позволившего соотнести уровень выраженности отдельных компонентов. Фрагмент матрицы содержит только статистически подтвержденные расхождения, позволяющие дифференцировать группы.

Как видно из табл. 4, в образах «хорошего» приемного ребенка различия выявлены лишь относительно компо-

нента «Ценность семьи»: определения, составляющие данный компонент, статистически чаще встречаются в ответах респондентов ПР1 и ПР2 по сравнению с КО. При описании «плохого» приемного ребенка респонденты ПР2 чаще отмечают «Деятельностные» качества и «Вредные привычки» по сравнению с группой ПР1. Респонденты КО по сравнению с ПР2 при описании «плохого» ребенка значимо реже выделяют «Деятельностные» качества и чаще «Поведенческие».

Таблица 4

**Результаты межгруппового сравнительного анализа структуры образов
«хорошего» и «плохого» приемного ребенка**

Показатели	«хороший» приемный ребенок			«плохой» приемный ребенок		
	ПР1-ПР2	ПР1-КО	ПР2-КО	ПР1-ПР2	ПР1-КО	ПР2-КО
Деятельностный	-	-	-	U=530,000 (p≤0,019)	-	U=354,500 (p≤0,049)
Поведенческий	-	-	-	-	U=591,500 (p≤0,043)	-
Вредные привычки	-	-	-	U=473,000 (p≤0,001)	-	-
Ценность семьи	-	U=359,00 (p≤0,023)	U=351,000 (p≤0,004)	-	-	-

В табл. 5 представлена ранговая последовательность характеристик, раскрывающих содержание образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка. По результатам частотного анализа были выделены и ранжированы 10 наиболее часто употребляемых определений.

Как видно из табл. 5, образ «хорошего» приемного ребенка у всех респондентов включает такие характеристики, как «честный», «добрый», «отзывчивый», «общительный», «с желанием учиться», «с желанием помогать». При описании «хорошего» приемного ребенка в образах респондентов ПР1 и ПР2 пересекаются такие понятия, как «ласковый» и «позитивный». Для групп родителей ПР2 и КО общим является использование определений «активный» и «с желанием учиться»; для родителей ПР1 и КО — определение «умный». В списке значимых качеств «хорошего» приемного ребенка у ПР2 часто встречается определение «уважение к старшим».

Общими характеристиками для всех групп родителей при описании «плохого» приемного ребенка являются «ленивый», «лживый», «неаккуратный», «упрямый», «не желающий учиться». Образ «пло-

хого» приемного ребенка у ПР1 и ПР2 включает в качестве общей характеристики «эгоистичный». Такие качества, как «агрессивность», «вредные привычки» и «проблемы в общении» пересекаются в ответах родителей ПР2 и КО. В ответах респондентов ПР2 высокочастотной является характеристика «неуважение к старшим». Общий образ «плохого» приемного ребенка в группе КО дополняется характеристиками «невнимательный» и «нарушает режим дня».

Сравнение компонентных структур образов при гендерной конкретизации («хорошая-плохая» приемная девочка и «хороший-плохой» приемный мальчик) позволило обнаружить сходство структурных профилей у родителей ПР1 и КО. При сравнении групп ПР2-КО выявлены различия в образе «хорошей приемной девочки» относительно таких компонентов, как «Деятельностный» (U=350,000; p=0,039) и «Ценность семьи» (U=384,000; p=0,008) — данные компоненты выражены в большей степени у ПР2. Межгрупповое сравнение структуры образа «хорошего приемного мальчика» показало более высокие значения «Деятельностного» компонента у

**Содержание образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка
у респондентов ПР1, ПР2 и КО**

ранги	Группа ПР1	Группа ПР2	Группа КО
«Хороший» приемный ребенок			
1	<i>добрый</i>	<i>честный</i>	<i>добрый</i>
2	<i>честный</i>	привязанность	внимательный
3	<i>отзывчивый</i>	<i>добрый</i>	<i>честный</i>
4	<i>общительный</i>	любимый, ласковый	умный
5	позитивный	уважение к старшим	ответственный
6	умный	<i>общительный</i>	<i>общительный</i>
7	привязанность	позитивный	активный
8	желание учиться	отзывчивый	отзывчивый
9	<i>желание помочь</i>	<i>желание учиться</i>	<i>желание помочь</i>
10	любимый, ласковый	<i>желание помочь</i>	<i>желание учиться</i>
«Плохой» приемный ребенок			
ранги	Группа ПР1	Группа ПР2	Группа КО
1	инфантильный	<i>лживый</i>	<i>упрямый</i>
2	<i>упрямый</i>	эгоистичный	невнимательный
3	эгоистичный	проблемы с общением	<i>ленивый</i>
4	<i>лживый</i>	<i>упрямый</i>	агрессивный
5	<i>неаккуратный</i>	<i>неаккуратный</i>	нарушает режим дня
6	самоуверенный	<i>ленивый</i>	<i>нежелание учиться</i>
7	<i>нежелание учиться</i>	вредные привычки	<i>неаккуратный</i>
8	гиперактивный	<i>нежелание учиться</i>	вредные привычки
9	<i>ленивый</i>	агрессивный	проблемы с общением
10	непослушный	неуважение к старшим	<i>лживый</i>

Примечание. Курсивом выделены дословные совпадения, общие для ПР1, ПР2 и КО.

респондентов ПР2 при сравнении групп ПР2-ПР1 ($U=552,500$; $p=0,030$) и ПР2-КО ($U=356,500$; $p=0,045$).

В табл. 6 представлена частота встречаемости позитивных и негативных характеристик в ответах приемных родителей разных групп (средние рангов).

Как видно из табл. 6, в ответах респондентов преобладают позитивные характеристики. Сравнение групп позволило установить, что встречаемость позитивных характеристик статистически не значима у родителей ПР1, ПР2

и КО. Относительно отрицательных характеристик выявлено, что респонденты ПР2 по сравнению с респондентами ПР1 и КО в 1,2 раза чаще выделяют негативные качества ребенка. Анализ частоты встречаемости положительных и отрицательных характеристик в описаниях девочек и мальчиков показал, что в образе «приемной девочки» положительные характеристики встречаются у ПР1 и КО в 1,4 раза чаще, у ПР2 в 1,2 раза чаще, чем в образе «приемного мальчика».

Таблица 6

**Позитивные («+») и негативные («-») характеристики в образе
приемного ребенка у респондентов ПР1, ПР2 и КО**

Группы	Приемный ребенок		Приемная девочка		Приемный мальчик	
	«+»	«-»	«+»	«-»	«+»	«-»
ПР1	4,18	2,76	3,12	2,12	2,24	2,02
ПР2	4,44	3,33	3,47	2,67	2,97	2,4
КО	4,09	2,65	2,63	1,66	1,81	1,25

Обсуждение результатов

Содержательный анализ встречаемости понятий, используемых при описании собирательного образа «хорошего-плохого» приемного ребенка, обнаружил, что приемные родители, наряду с понятийными категориями, выделенными В.Л. Ситниковым, часто используют характеристики, отражающие отношение воспитанников к жизни в замещающей семье. Такие словосочетания, как «желание жить и воспитываться в семье», «привязанность к семье», «ценит семью», часто встречаются в ответах социальных воспитателей и составляют от 3% до 5% общего объема определений. По итогам ранжирования компонент «Ценность семьи» занимает в структуре образа 5-ю позицию у многодетных социальных воспитателей и 6-ю — у воспитателей с 1–2 детьми. Как показывает анализ (см. рис. 1), компонент «Ценность семьи» наиболее выражен в структуре образа «хорошего» приемного ребенка. Данный образ является «образом-эталонном», «образом-идеей», куда проецируются и где фокусируются качества идеального (желаемого) приемного ребенка. Актуализация понятий, отражающих отношение к семье, может свидетельствовать об ожиданиях и установках социальных воспитателей на получение положительного отношения со стороны приемных детей, которые в реальности не всегда находят подкрепление. Как по-

казало исследование Т.А. Шульги и М.А. Антипиной, при позитивном отношении к приемным родителям 90% детей рассматривают семью проживания как «средство удовлетворения желаний». Авторы отмечают, что ценность замещающей семьи у детей часто не сформирована, а приемная семья не является для них в полной мере родной [26].

Анализ описаний приемного ребенка обнаружил большое число определений, отражающих негативные навязчивые действия и поступки, которые традиционно определяются как «вредные привычки». Чаще всего респонденты отмечают «курение», «воровство», «сквернословие», «зависимость от гаджета». Компонент образа «Вредные привычки» у всех приемных родителей занимает 4-ю ранговую позицию в структуре профиля «плохого» приемного ребенка (см. табл. 2). Выраженность данного компонента, вероятнее всего, отражает тот факт, что дети, оставшиеся без родителей, часто бывают «трудными», «педагогически запущенными», нуждаются в психокоррекционной помощи специалистов. Как показывают исследования, приемные родители, даже имея опыт воспитания кровных детей, не достаточно хорошо представляют психологические и поведенческие особенности, а также характер проблем, с которыми им придется столкнуться при взаимодействии с социальными сиротами [23; 25].

Результаты обработки показали, что перцептивный образ «хорошего» приемного ребенка в сознании приемных родителей с разной формой опеки имеет статистически подтвержденное сходство. В структуре данного образа наиболее представлены «Социальный» и «Поведенческий» компоненты, на долю которых приходится основное количество определений (см. табл. 2 и рис. 1). Далее по значимости следуют «Интеллектуальный» и «Деятельностный» компоненты. Наименьшее число определений приходится на «Телесно-физические» характеристики и «Вредные привычки». То есть приемные родители ориентированы, прежде всего, на качества, отражающие особенности социального поведения и взаимодействия, а также интеллектуальные способности детей. По результатам частотного анализа такие определения, как «честный», «добрый», «отзывчивый», «общительный», «умный», «с желанием помогать», «с желанием учиться», являются общими и занимают верхние ранговые позиции в структуре образа «хорошего» приемного ребенка (см. табл. 5). Данные понятия определяют содержательно-стержневую основу образа «хорошего» приемного ребенка и отражают особенности социальной перцепции приемных родителей. В целом для всех групп приемных родителей «хороший» приемный ребенок социально позитивен (отзывчив и выполняет нравственные нормы), общителен (контактен, не имеет проблем с общением), познавательно направлен (умный и желает учиться), не имеет вредных привычек, ценит семью и уважает старших.

По данным исследования В.Л. Ситникова, социальные и конвенциональные качества, характеризующие нормативность и согласованность поведения, наряду с эмоциональными характеристиками,

имеющими социальную направленность, выступают наиболее значимыми в типичном образе «хорошего ребенка» у обычных родителей и педагогов, занимая в структуре образа 2-е ранговое место. Хотя результаты нашего исследования также показали первостепенную значимость социально одобряемых характеристик в профиле «хорошего» приемного ребенка, эмоциональные характеристики оказались менее значимы и в типичной структуре образа ни в одной из групп респондентов не заняли позиции выше 5-го ранга. Основной отличительной особенностью, отражающей специфику восприятия приемных родителей, можно считать появление в образе ребенка ценностного отношения к семье (компонент «Ценность семьи») как значимой семантической единицы перцептивно-смыслового пространства представителей данной социальной группы. Кроме того, анализ наиболее часто встречающихся определений «хорошего» приемного ребенка показал, что для многолетних социальных воспитателей очень важны такие качества, как «привязанность» и «уважение к старшим», свидетельствующие о положительном отношении к приемным родителям. Исходя из основной функции образа «хорошего» ребенка как идеальной модели, детерминирующей воспитательную направленность и цели педагогического процесса, можно предположить, что приоритетными ориентирами для всех категорий приемных родителей, принявших социальных сирот в семью, являются развитие социальных и поведенческих качеств, а также интеллектуальное развитие детей.

Анализ структуры собирательного образа «плохого» приемного ребенка показал, что наиболее значимыми компонентами образа выступают «Социальный», «Деятельностный» и «Поведенческий»,

занимающие три верхние рейтинговые позиции (см. табл. 2 и рис. 2). Наименее представлены в образе «плохого» ребенка «Телесно-физические» характеристики. Основной отличительной особенностью восприятия «плохого» ребенка у приемных родителей по сравнению с обычными родителями и педагогами является акцентирование «Вредных привычек» и низкий рейтинг «Эмоционального» компонента.

Содержательный анализ образа «плохого» приемного ребенка показал, что все приемные родители используют такие определения, как «лживый», «неаккуратный», «ленивый», «упрямый», «не желающий учиться» (см. табл. 5). Перечисленные характеристики входят в число наиболее употребляемых в образе «плохого» приемного ребенка и составляют его основу во всех группах респондентов. Многолетние социальные воспитатели, помимо перечисленных, отмечают такие качества, как «не уважает старших», «эгоистичный», «не ценит семью». В целом в представлениях приемных родителей «плохой» приемный ребенок социально негативен (лжив, эгоистичен, агрессивен), с ним трудно общаться (упрям, непослушен, не уважает старших), не хочет учиться и имеет вредные привычки и зависимости.

Следует отметить, что конвенциональные характеристики, такие как «ребенок», «сын», «дочь» и др., по результатам статистической обработки не вошли в число 10-и наиболее часто встречающихся понятий в ответах респондентов. Данный факт можно рассматривать как важную характеристику менталитета приемных родителей, содержание которого в значительной степени отражает актуальные проблемы, возникающие в приемной семье при взаимодействии с воспитанниками.

Проведение сравнительного анализа позволило выявить некоторые специфические особенности, характерные для восприятия многолетних приемных родителей (ПР2). Родители группы ПР2 по сравнению с родителями КО и ПР1 значимо чаще выделяют качества, важные для совместного взаимодействия, а также вредные привычки и негативные зависимости. Как уже отмечалось, дети, поступившие в семью из социальных учреждений, часто бывают «трудными». Принятие в семью одновременно нескольких социальных сирот усложняет организацию семейного быта, что отражается на внутрисемейных взаимоотношениях, количестве проблем, требующих внимания, увеличивает физическую и психологическую нагрузку на родителей. Выявленная специфика образа «плохого» приемного ребенка, функция которого тесно связана с регуляцией и коррекцией воспитательных воздействий, свидетельствует о том, что негативные поведенческие проявления детей находятся в фокусе осознания многолетних приемных родителей.

Сравнение перцептивных образов по оси «хороший-плохой» приемных детей внутри каждой из групп респондентов позволило установить, что представления о «плохом» и «хорошем» ребенке не совпадают в группе кровных опекунов (см. табл. 3). Однако образы «хорошего» и «плохого» приемного ребенка в группах социальных воспитателей (ПР1 и ПР2) оказались идентичными. То есть у социальных воспитателей перцептивные образы «хорошего» и «плохого» приемного ребенка слабо дифференцированы по своей структуре. Можно предположить, что совпадение образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у данной категории приемных родителей является следствием недостаточной эмоционально-личностной

включенности в воспитательный процесс. Это предположение согласуется с результатами эмпирического исследования адаптации приемных детей в замещающей семье, полученными Е.М. Алексеевой, В.В. Барабановой и М.А. Егоровой. Авторы выявили у 90% приемных матерей низкий или средний уровень вовлеченности по тесту С. Мадди, что интерпретируется как неполная личностная включенность приемных родителей в осуществление ведущей деятельности и неудовлетворенность текущей жизненной ситуацией [1]. Причины такой «невключенности» могут лежать как в плоскости диспозиций и личностных качеств приемных родителей (отстраненность как свойство личности), так и выступать результатом эмоционального выгорания вследствие высокой напряженности и стрессонаполненности жизни семей, воспитывающих сразу нескольких приемных детей [3].

Рассмотрение компонентных профилей образа, полученных при обработке понятийных рядов «хорошая-плохая» приемная девочка и «хороший-плохой» приемный мальчик, показало высокую степень структурных совпадений во всех группах приемных родителей и их соотнесение собирательным профилям «хорошего» и «плохого» приемного ребенка. То есть в структуре типичного образа приемного ребенка, независимо от модальности и пола, первостепенное значение получили «Социальные» и «Поведенческие» качества, занявшие две верхние ранговые позиции в компонентном профиле образа у всех приемных родителей. Содержательный анализ представлений, обусловленных гендерными различиями детей, также подтвердил особую значимость для многодетных социальных воспитателей уважения со стороны детей в отношении взрослых и ценностного отношения к приемной семье.

Заключение

Анализ результатов исследования показал, что в иерархии компонентов образа приемного ребенка ведущее место принадлежит «Социальному» компоненту, характеризующему ребенка в роли субъекта социальных взаимоотношений. Кроме того, для всех категорий приемных родителей (социальных воспитателей и кровных опекунов) значимыми являются качества приемного ребенка, характеризующие его как субъекта взаимодействия — «Деятельностный» и «Поведенческий» компоненты. Такая особенность профиля перцептивного образа приемных родителей отличает его от типичного профиля обычных родителей, где наиболее значимыми выступают «Социальный» и «Эмоциональный» компоненты. Выявленные структурные особенности являются общими для приемных родителей с разной формой опеки и отражают характер объективных проблем, с которыми сталкивается семья при воспитании социальных сирот, имеющих опыт психической травматизации и особенности поведения, обусловленные пребыванием в социальных учреждениях.

Другим важным результатом исследования выступило выделение в перцептивном пространстве приемных родителей структурно-смысловых единиц, отражающих ценностное отношение ребенка к жизни в замещающей семье, и выделение характеристик, относящихся к категории «вредные привычки и аддикции». Это позволило дополнить типичную структуру образа ребенка, полученную В.Л. Ситниковым, двумя новыми компонентами — «Ценность семьи» и «Вредные привычки», которые определили структурную специфику перцептивного образа приемного ребенка у социальных воспитателей и кровных опекунов.

Сравнение компонентных профилей образа «хорошего» приемного ребенка у разных категорий приемных родителей показало, что данные профили идентичны по своей структуре. Что касается образа «плохого» приемного ребенка, то восприятие многолетних социальных воспитателей в большей степени, чем респондентов с одним-двумя детьми, сфокусировано на характеристиках детей, составляющих компоненты «Вредные привычки», «Деятельностный» и «Поведенческий», что может быть объяснено трудностями бытового, педагогического и психологического характера, объем которых в многолетних семьях существенно больше.

Результаты исследования показали структурную идентичность образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у социальных воспитателей. Имеющиеся эмпирические работы позволяют интерпретировать данный факт как следствие неполной личностной вовлеченности социальных воспитателей в осуществ-

ляемую ими трудовую педагогическую деятельность. Среди причин низкой вовлеченности могут быть как особенности личности социальных воспитателей, так и «эмоциональное выгорание», возникающее в результате повышенной стрессонаполненности жизни приемной семьи.

Таким образом, проведенное исследование позволило получить эмпирические результаты, раскрывающие особенности социальной перцепции, характерные для представителей такой социальной общности, как приемные родители, и показать структурные особенности ментального образа приемного ребенка у родителей с разной формой опеки. Полученные данные могут быть использованы при разработке профессиограммы, включающей основные критерии и требования к социальным воспитателям как отдельной группе профессионалов педагогического профиля, а также при обучении и подготовке приемных родителей и работников социальных служб.

Литература

1. *Алексеева Е.М., Барабанова В.В., Егорова М.А.* Психологическое благополучие матери и адаптация ребенка старшего дошкольного возраста // *Семья и дети в современном мире.* Том VI / Под ред. В.Л. Ситникова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 62–72.
2. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е.* Профессиональный менталитет приемных родителей как фактор успешности замещающей семьи // *Вестник Университета Российской академии образования.* 2017. № 5. С. 23–29.
3. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В.* Индивидуальный стиль саморегуляции как ресурс стрессоустойчивости у замещающих родителей // *Социальная психология и общество.* 2017. Том 8. № 1. С. 75–92. DOI:10.17759/sps.2017080105
4. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
5. *Берн Э.* Введение в психотерапию и психоанализ для непосвященных. СПб.: МФИН, 1992. 448 с.
6. *Берис Р.* Развитие я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
7. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
8. *Жуйкова В.Б., Панюшина Т.Д.* Понятие профессиональности позиции принимающего родителя // *Консультативная психология и психотерапия.* 2015. № 4. С. 83–101.
9. *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. 172 с.

10. Кондратьев М.Ю. Социальная психология образования: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 321 с.
11. Кузнецова Т.Ю. Социальные стереотипы восприятия выпускников детских домов // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 84–88.
12. Махнач А.В. Профессиональная замещающая семья: социально-психологические характеристики особой малой социальной группы // Вестник университета. 2019. № 7. С. 187–194.
13. Николаева Е.И. Психология семьи. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2017. 336 с.
14. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот. Профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
15. Присяжная Н.В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 56–64.
16. Проект Федерального закона № 649934-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи детей на социальное воспитание» [Электронный ресурс]. URL: <https://lawmon.ru/law/649934-6.html> (дата обращения: 10.07.2020).
17. Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. М.: Институт психологии, 2015. 670 с.
18. Реан А.А. Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 26. № 2. С. 85–91. DOI:10.11621/prj.2017
19. Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2016. 286 с.
20. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб.: Химиздат, 2001. 288 с.
21. Ситников В.Л., Стреленко А.А. Особенности Я-, Ты-образов замещающих матерей // Право. Экономика. Психология. 2020. № 1(17). С. 67–73.
22. Стреленко А.А. Образ ребенка в детско-родительском взаимодействии // Семья и дети в современном мире. Том VI / Под ред. В.Л. Ситникова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 1233–1244.
23. Татаренко Д.Д. Детско-родительская адаптация в замещающих семьях // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 2. С. 58–61.
24. Читаю Р.А. Особенности субъективных представлений о замещающих родителях: гендерный аспект // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2014. № 2. С. 47–58.
25. Шереги Ф.Э. Дети с особыми потребностями. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2003. 142 с.
26. Шульга Т.И., Антитина М.А. Эмоциональная среда семьи как фактор развития личности ребенка в замещающей семье // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 3. С. 32–40.
27. Aronson E., Wilson T., Akert R. Social Psychology. Hardcover: Ninth Edition, 2010. 648 p.
28. Dunn W., Craig G. Understanding Human Development, 3rd Edition. Pearson, 2013. 605 p.
29. Kail R.V. Children and Their Development. Prentice Hall, 1998. 459 p.
30. Lou Y., Taylor E.P., Folco S.Di. Resilience and resilience factors in children in residential care: A systematic review // Children and Youth Services Review. 2018. № 89. P. 83–92.

References

1. Alekseeva E.M., Barabanova V.V., Egorova M.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie materi i adaptatsiya rebenka starshego doskol'nogo vozrasta [Psychological well-being of the mother and adaptation of a child of a senior preschool age]. In V.L. Sitnikov (ed.). *Sem'ya i deti v sovremennom mire [Family and children in the modern world]*. Vol VI. St. Petersburg: Publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 2020, pp. 62–72. (In Russ.).
2. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. Professional'nyi mentalitet priemnykh roditelei kak faktor uspekhnosti zameshchayushchei sem'i [Professional mentality of foster parents as a success factor of foster family]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2017, no. 5, pp. 23–29. (In Russ.).

3. Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Runets O.V. Individual'nyi stil' samoregulyatsii kak resurs stressoustoichivosti u zameshchayushchikh roditel'ei [Individual Self-Regulation styles as the source of stress resistance in foster parents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 75–92. DOI:10.17759/sps.2017080105 (In Russ.).
4. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Psychology of social cognition: Textbook manual for university students]. Moscow: Aspect Press, 2009. 303 p. (In Russ.).
5. Bern E. Vvedenie v psikhoterapiyu i psikhoanaliz dlya neposvyashchennykh [Introduction to psychotherapy and psychoanalysis for the uninitiated]. St. Petersburg: MFIN, 1992. 448 p. (In Russ.).
6. Berns R. Razvitiye ya-kontseptsii i vospitanie [Self-concept development and education]. Moscow: Progress, 1986. 422 p. (In Russ.).
7. Bodalev A.A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of man by man]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1982. 200 p. (In Russ.).
8. Zhuikova V.B., Panyushina T.D. Ponyatie professional'nosti pozitsii primimayushchego roditelya [The concept of the professional position of the receiving parent]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2015, no 4, pp. 83–101. (In Russ.).
9. Zavalova N.D., Lomov B.F., Ponomarenko V.A. Obraz v sisteme psikhicheskoi regulyatsii deyatel'nosti [The image in the system of mental regulation of activity]. Moscow: Nauka, 1986. 172 p. (In Russ.).
10. Kondrat'ev M.Yu. Sotsial'naya psikhologiya obrazovaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov [Social Psychology of Education: a textbook for universities]. Moscow: Yurayt, 2020. 321 p. (In Russ.).
11. Kuznetsova T.Yu. Sotsial'nye stereotipy vospriyatiya vypusknikov detskikh domov [Social stereotypes of perception of graduates of orphanages]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2003, no. 11, pp. 84–88. (In Russ.).
12. Makhnach A.V. Professional'naya zameshchayushchaya sem'ya: sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki osoboi maloi sotsial'noi gruppy [Professional substitute family: socio-psychological characteristics of a special small social group]. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2019, no. 7, pp. 187–194. (In Russ.).
13. Nikolaeva E.I. Psikhologiya sem'i. Uchebnik dlya vuzov [Family psychology. Textbook for universities]. St. Petersburg: Piter, 2017. 336 p. (In Russ.).
14. Oslon V.N. Zhizneustroistvo detei-sirot. Professional'naya zameshchayushchaya sem'ya [Living arrangements for orphans. Professional substitute family]. Moscow: Genezis, 2006. 368 p. (In Russ.).
15. Prisyazhnaya N.V. Deti-sirot: postinternatnoe zhizneustroistvo [Orphans: post-boarding life management]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2007, no. 1, pp. 56–64. (In Russ.).
16. Proekt Federal'nogo zakona № 649934-6 «O vnesenii izmenenii v Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti peredachi detei na sotsial'noe vospitanie» [Elektronnyi resurs] [Draft Federal Law No. 649934-6 “On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and the Labor Code of the Russian Federation regarding the transfer of children to social education”]. URL: <https://lawmon.ru/law/649934-6.html> (Accessed 10.07.2020). (In Russ.).
17. Problema sirotsstva v sovremennoi Rossii: Psikhologicheskii aspekt [The problem of orphanhood in modern Russia: Psychological aspect]. In Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. (eds.). Moscow: Institut psikhologii, 2015. 670 p. (In Russ.).
18. Rean A.A. Vospriyatie materi: obshchie tendentsii i genderno-sotsial'nye osobennosti [Perception of the mother: general trends and gender-social characteristics]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 85–91. DOI:10.11621/npj.2017 (In Russ.).
19. Rean A.A. Psikhologiya lichnosti [Psychology of Personality]. St. Petersburg: Piter, 2016. 286 p. (In Russ.).
20. Sitnikov V.L. Obraz rebenka v soznanii detei i vzroslykh [The image of the child in the minds of children and adults]. St. Petersburg: Khimizdat, 2001. 288 p. (In Russ.).

21. Sitnikov V.L., Strelenko A.A. Osobennosti Ya-, TY-obrazov zameshchayushchikh materei [Features of I-, YOU-images of substitute mothers]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya = Law. Economy. Psychology*, 2020, no. 1(17), pp. 67–73. (In Russ.).
22. Strelenko A.A. Obraz rebenka v detsko-roditel'skom vzaimodeistvii [The image of the child in the parent-child interaction]. In V.L. Sitnikov (ed.). *Sem'ya i deti v sovremennom mire = Family and children in the modern world*. Vol. VI. St. Petersburg: Publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 2020, pp. 1233–1244. (In Russ.).
23. Tatarenko D.D. Detsko-roditel'skaya adaptatsiya v zameshchayushchikh sem'yakh [Parent-child adaptation in foster families]. *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = MGOU Bulletin. Series “Psychological”*, 2012, no. 2, pp. 58–61. (In Russ.).
24. Chitao R.A. Osobennosti sub"ektivnykh predstavlenii o zameshchayushchikh roditelyakh: gendernyi aspekt [Features of substitute parents' subjective perceptions: gender aspect]. *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = MGOU Bulletin. Series “Psychological”*, 2014, no. 2, pp. 47–58. (In Russ.).
25. Sheregi F.E. Deti s osobymi potrebnyami. Sotsiologicheskii analiz [Children with special needs. Sociological analysis]. Moscow: TsSP, 2003. 142 p. (In Russ.).
26. Shul'ga T.I., Antipina M.A. Emotsional'naya sreda sem'i kak faktor razvitiya lichnosti rebenka v zameshchayushchei sem'e [The emotional environment of the family as a factor in the development of the child's personality in a substitute family]. *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = MGOU Bulletin. Series “Psychological”*, 2012, no. 3, pp. 32–40. (In Russ.).
27. Aronson E., Wilson T., Akert R. *Social Psychology*. Hardcover: Ninth Edition, 2010. 648 p.
28. Dunn W., Craig G. *Understanding Human Development*. 3rd Edition. Pearson, 2013. 605 p.
29. Kail R.V. *Children and Their Development*. Prentice Hall, 1998. 459 p.
30. Lou Y., Taylor E.P., Folco S.Di. Resilience and resilience factors in children in residential care: A systematic review. *Children and Youth Services Review*, 2018, no. 89, pp. 83–92.

Информация об авторах

Алдашева Айгуль Абдулхаевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Сиваш Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskeya@gmail.com

Information about the authors

Aigul A. Aldasheva, Doctor of Psychology, Leading Researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Marina E. Zelenova, PhD in Psychology, Research Fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Olga N. Sivash, PhD in Psychology, Associate Research Fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskeya@gmail.com

Получена 16.07.2020

Received 16.07.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021

Социально-перцептивные образы как регуляторы детско-родительских отношений в приемных семьях

Ситников В.Л.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»

(ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург;

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет» (ФГБОУ ВО ТувГУ),

г. Кызыл, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, e-mail: sitnikof@mail.ru

Стреленко А.А.

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (УО ВГУ),

г. Витебск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-5430>, e-mail: strelenko@list.ru

Кедич С.И.

ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения

Императора Александра I» (ФГБОУ ВО ПГУПС),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1577-6306>, e-mail: kedichsi@inbox.ru

Комарова А.В.

ФГАОУ ВО «Российский государственный педагогический университет

имени А.И. Герцена» (ФГАОУ ВО РГПУ);

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

(ФГАОУ ВО СПбПУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6104-0194>, e-mail: alex_komarova@mail.ru

Цель. *Определение связей Я-образов замещающих матерей с Он-образами приемных детей; установление связей Я-образов замещающих матерей с детско-родительскими отношениями и взаимодействием.*

Контекст и актуальность. *Проблема социально-перцептивного отражения является актуальной в связи с тем, что растет количество семей с приемными и опекаемыми детьми. Нередко приемные родители оказываются не готовы к адекватному взаимодействию с неродными детьми и возвращают их в систему опеки, нанося детям тяжелую психологическую травму. Одной из важнейших причин этого является несоответствие идеальных установок на необходимость детей в семье и реального восприятия конкретных детей приемными родителями, ригидностью их установок — социальных установок. В связи с этим особое значение имеет изучение механизмов и закономерностей восприятия ребенка в семье, так как от того, как ребенка воспринимают в семье, напрямую зависят формирование его «Я-концепции», становление личности, отношения с близкими, сверстниками, педагогами, с окружающими людьми. Для того, чтобы минимизировать возникновение таких психотравмирующих ситуаций, необходимо глубокое исследование механизмов и закономерностей социального восприятия в замещающих семьях.*

Дизайн исследования. *Исследованы связи между структурами Я-образов мам и Он-образами их родных и приемных детей; связи между социально-перцептивными образами и детско-родительскими отношениями (взаимодействием) в приемных семьях.*

Участники. Выборка: 18 женщин от 29 до 59 лет ($M=48,05$; $SD=7,77$), имеющих только приемных детей, и 20 женщин в возрасте от 37 до 48 лет ($M=39,85$; $SD=3,93$), имеющих только своих биологических детей.

Методы (инструменты). Методика «СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая)» (В.Л. Ситников); два варианта опросника ВРР (И.М. Марковская) для изучения взаимодействия родителей с детьми и подростками.

Результаты. Я- и Он-образы являются индикаторами детско-родительских отношений в замещающих семьях. У замещающих матерей выражено контролирующее поведение по отношению к ребенку. Высокий контроль может проявляться в мелочной опеке, навязчивости, приводить к ограничениям и запретам.

Основные выводы. Выявлены достоверные связи социально-перцептивных образов членов замещающих семей и детско-родительских отношений, доказывающие, что эти образы являются индикаторами детско-родительских отношений. Изученные образы себя и детей имеют сходство по структурным характеристикам как у замещающих, так и у биологических матерей. В представлениях замещающих матерей при формировании образа приемного ребенка отмечается ориентация на свою Я-концепцию и представления о том, каким должен быть ребенок. Замещающие матери идентифицируют себя с приемными детьми в настоящем и будущем и стремятся установить более близкие отношения с приемным ребенком. По сравнению с замещающими, биологические матери более открыты в общении со своими детьми.

Ключевые слова: Я-образ, Он-образ, приемный ребенок, биологические матери, замещающие матери, детско-родительские отношения.

Для цитаты: Ситников В.Л., Стреленко А.А., Кедич С.И., Комарова А.В. Социально-перцептивные образы как регуляторы детско-родительских отношений в приемных семьях // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 129–147. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120208>

Socio-perceptual images as regulators of child-parental relations in foster families

Valery L. Sitnikov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia; Tuvan State University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, e-mail: sitnikof@mail.ru

Anna A. Strelenko

Vitebsk State P.M. Masherov University, Vitebsk, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-5430>, e-mail: strelenko@list.ru

Svetlana I. Kedich

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1577-6306>, e-mail: kedichsi@inbox.ru

Aleksandra V. Komarova

The Herzen State Pedagogical University of Russia;

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6104-0194>, e-mail: alex_komarova@mail.ru

Objective. Definition of communications of I-images of mothers with He-images of the own children, I-images of the foster mothers with He-images of foster children became the purpose of our re-

search; establishment of communications of I-images of the foster mothers with the child parental relation and interaction.

Background. The problem of social and perceptual reflection is current because the number of families with receptions and the sponsored children grows. Quite often adoptive parents aren't ready to adequate interaction with nonnative children and return them in the system of guardianship, putting to children a severe psychological injury. One of the most important reasons of it is the discrepancy of ideal fixations on need of children for family and real perception of specific children by adoptive parents, rigidity of their attitudes — social installations. In this regard studying mechanisms and regularities of perception of the child in family since how the child is perceived in family, formation of his “Ya-concept”, formation of the personality, the relation with relatives, peers, teachers, with surrounding people directly depends is of particular importance. To minimize emergence of such psychoinjuring situations the in-depth study of mechanisms and regularities of social perception in the replacing families is necessary.

Study design. Links between the structures of I-images of mothers and He-images of their native and adoptive children were investigated; links between socio-perceptual images and child-parental attitude (interaction) in foster families.

Participants. Sample: 18 women from 29 to 59 years ($M=48,05$; $SD=7,77$) with only foster children and 20 women aged 37 to 48 years ($M=39,85$; $SD=3,93$) having only their biological children.

Measurements. The technique “The structure of the image of a person (hierarchical),” developed by V.L. Sitnikov; two versions of the VRR questionnaire by I.M. Markovskaya, to study the interaction of parents with children and adolescents.

Results. I- and He-images are indicators of child-parental relations in foster families. At the replacing mothers the controlling behavior in relation to the child is expressed. And high control can be shown in petty guardianship, persistence, to lead to restrictions and the bans.

Conclusions. Reliable connections of socio-perceptual images of members of substitute families and child-parental relations were revealed, proving that these images are indicators of child-parental relations. The images children have similarity on structural characteristics both at foster, and at biological mothers. In representations of the foster mothers when forming an image of the foster child the orientation to the I-concept and ideas of what has to be the child is noted. The foster mothers identify themselves with foster children in the present and the future, more close relations with the foster child seek to establish. In comparison with foster, biological mothers are more open in communication with the children.

Keywords: I-image, He-image, foster child, biological mothers, foster mothers, child-parental relations.

For citation: Sitnikov V.L., Strelenko A.A., Kedich S.I., Komarova A.V. Socio-perceptual images as regulators of child-parental relations in foster families. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 129–147. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120208> (In Russ.).

Введение

Образ ребенка — это «целостная совокупность житейских и научных представлений о ребенке, комплекс социальных установок на ребенка, формирующихся в сознании человека и репрезентируемых в процессе изучения ребенка при взаимодействии с ним» [11]. Как показыва-

ет анализ проблемы отражения детей в сознании различных групп людей, эти образы значительно отличаются друг от друга [2; 3; 4; 10; 11; 12; 13].

В представлениях родителей о своих детях содержатся глобальные и дифференцированные образы ребенка, которые имеют культурно-историческую основу, а также включают в себя осо-

бенности когнитивного образа ребенка согласно позиции, которую занимают родители по отношению к нему [12; 13; 14; 15; 16]. Чем больше образ соответствует оригиналу, тем лучше для психического развития ребенка. Оптимальный вариант отражения родителями ребенка — образ, который создает зону ближайшего развития его личности [12; 17; 18; 20; 21].

Вопросы взаимоотношений в диадической связи «мать-ребенок» в поле внимания исследований. Так, в работе В.Н. Ослон и др. приводится основательный анализ теорий психического развития ребенка и воздействия семьи, в том числе и влияния матери на личностное развитие не только биологических, но и приемных детей [9]. В свое время нами были изучены разнообразные представления биологических матерей о детях (абстрактных и реальных) [11; 12; 14], а также проведено сравнительное исследование образов детей у первобеременных и повторно беременных женщин [13].

В последние десятилетия в России и в Беларуси все отчетливее обозначается тенденция сокращения детских домов и увеличения количества замещающих семей. Это проявляется и в увеличении фундаментальных психологических исследований семей этого типа не только в наших, но и в других странах [3; 6; 7; 8; 14; 19]. Однако практически отсутствуют исследования, которые бы достаточно полно отражали проблему образов детей в сознании замещающих родителей и роли социальной перцепции в формировании отношений в этих семьях.

Метод

Схема проведения исследования.

Работа проводилась с группами прием-

ных и биологических родителей. Респонденты заполняли бланки методик.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие две группы женщин. Первая группа: 18 женщин в возрасте от 29 до 59 лет ($M=48,05$; $SD=7,77$), имеющих только приемных детей в возрасте от 4 до 17 лет (средний возраст — 12,3 лет). Все респонденты — это замещающие родители с различным стажем работы в должности приемного родителя, родителя-воспитателя, которые дали свое информированное согласие на участие в исследовании. Вторая группа: 20 женщин в возрасте от 37 до 48 лет ($M=39,85$; $SD=3,93$), имеющих только своих биологических детей в возрасте от 5 до 16 лет (средний возраст — 12,6 лет). Основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении выборки приемных матерей, поэтому замещающие матери описывали не только Я-образ и Он-образ приемного ребенка, но и образы абстрактного и приемного ребенка в будущем, а в выборке биологических матерей такая детализация не требовалась.

Методы исследования. Для определения связей Я-образов замещающих матерей с Он-образами приемных детей применялись методика «СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая)» В.Л. Ситникова и опросник ВРР — взаимодействие родителей с ребенком И.М. Марковской (вариант для родителей дошкольников и младших школьников и вариант для родителей подростков).

Методика «СОЧ(И)» [11] представляет собой вариант двух частей ассоциативного эксперимента. Основой первой части является методический прием «20 высказываний», предложенный М. Куном и Т. Мак-Партлендом. Вторая часть основана на методическом приеме «Психогеометрия» С. Делингер, но при-

меняемом не для невалидизированной автором диагностики личности, а для сопоставления между собой разных групп ранжирования психометрических образов. Полученные материалы обрабатываются специально разработанной компьютерной программой контент-анализа, позволяющей выявить структуру и содержание вербальных и невербальных Я-, Он-образов и сопоставить их между собой математико-статистическими методами [2; 4; 11; 12; 13; 14; 20].

Опросник И.М. Марковской позволяет выявить особенности взаимодействия родителей с детьми [5]. Вторая группа женщин, имеющих своих биологических детей, обследовалась только с использованием методики «СОЧ(И)». Эта часть исследования проводилась лишь для сопоставления социально-перцептивных Я-образов и Он-образов ребенка, сложившихся в сознании замещающих и родных матерей.

Результаты

В ходе эмпирического исследования с помощью контент-анализа результатов методики «СОЧ(И)» были получены следующие структуры Я-образов замещающих матерей (рис. 1).

Аналогичным образом были изучены и проанализированы результаты на выборке родных (биологических) родителей (рис. 2).

У всех мам в Я-, Он-образах ребенка на первом месте социальные характеристики (рис. 1, 2). Больше всего их в Я-образах родных матерей.

Сравнение структур социально-перцептивных образов замещающих и родных матерей показывает, насколько они похожи в Я-, Он-образах ребенка. Самые большие различия в конвенциональных и метафорических компонентах, которые не несут четкой информации об индивидуальности личности.

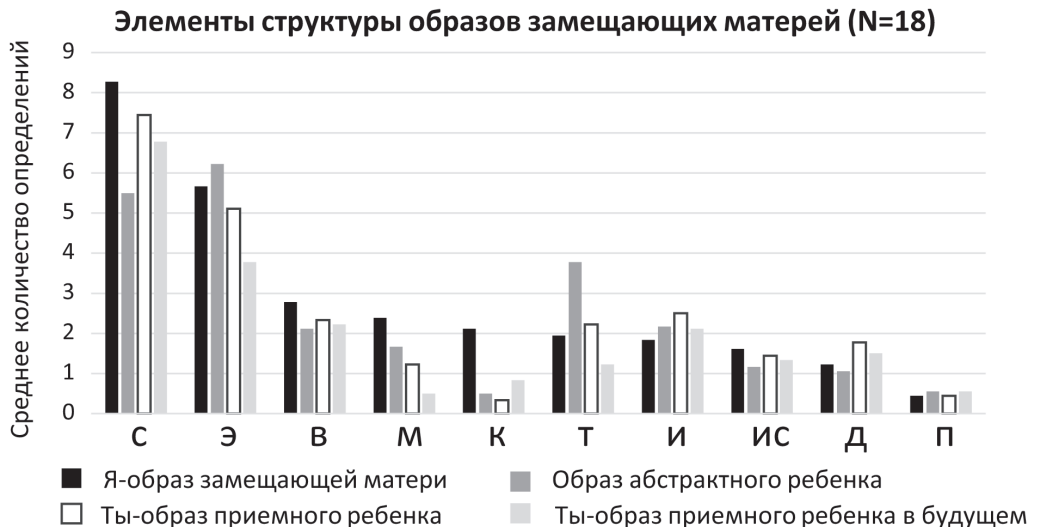


Рис. 1. Сопоставление структурных компонентов образов в первой группе: С — социальные, Э — эмоциональные, В — волевые, М — метафорические, К — конвенциональные, Т — телесные, И — интеллектуальные, ИС — интеллект социальный, Д — деятельностные, П — поведенческие

Элементы структуры образов биологических матерей (N=20)

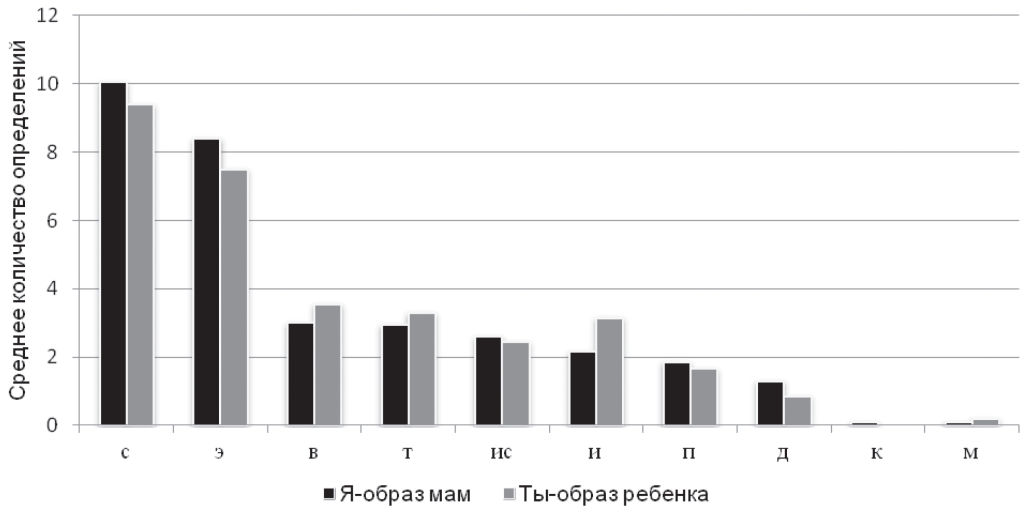


Рис. 2. Сопоставление структурных компонентов образов во второй группе: С – социальные, Э – эмоциональные, В – волевые, М – метафорические, К – конвенциональные, Т – телесные, И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, Д – деятельностные, П – поведенческие

Есть достоверные различия (табл. 1) и между такими компонентами Я-образов, как социальный интеллект, поведенческие и эмоциональные характеристики, которых достоверно больше в Я-образах биологических матерей, имеющих родных детей, что так же может свидетель-

ствовать об их большей открытости в общении с посторонними людьми.

Еще больше различия между замещающими и родными матерями в структурах Он-образов детей (табл. 2).

В Он-образах детей замещающих матерей достоверно больше конвенцио-

Таблица 1
Достоверные различия структурных компонентов Я-образов замещающих и родных матерей

Компоненты образов	Я-образ замещающих матерей		Я-образ биологических матерей		Критерий U-Манна-Уитни	Уровень значимости
	μ	σ^2	μ	σ^2		
Интеллект социальный	1,61	1,24	2,60	1,43	110,5	0,04
Конвенциональные	2,11	1,78	0,10	0,31	57,0	0,00
Поведенческие	0,44	0,71	1,85	1,09	50,0	0,00
Эмоциональные	5,67	2,57	8,40	2,01	72,5	0,001
Метафорические	2,39	2,48	0,10	0,45	57,5	0,00
Положительные	9,00	3,63	14,50	2,65	-5,38	0,01

нальных, ролевых, обезличенных характеристик, а в количестве метафорических характеристик детей достоверных различий уже нет, хотя по-прежнему у замещающих матерей их несколько больше. Но по всем остальным компонентам, как и в Я-образах, у родных матерей больше конкретных определений своих детей.

Другую, несколько неожиданную информацию дает сравнение соотношения отдельных компонентов в Я-образах матерей и в Он-образах детей (табл. 3).

Между Я-образами матерей и их образами детей практически нет различий в соотношении компонентов структуры образов. Лишь в Я-образах замещающих матерей и в их образах приемных детей

есть различия по конвенциональным и метафорическим компонентам образов, а между Я-образами матерей и их отражением родных детей вообще нет различий в структурных компонентах.

Это весьма характерное для взрослых проявление механизма формирования образов ребенка по типу проекции [2; 11; 12; 14]. В связи с этим вполне правомерной представляется гипотеза о том, что наличие и объем конвенциональных и метафорических компонентов в социально-перцептивных Я-, Он-образах ребенка в сознании матерей может выполнять роль индикаторов уровня близости и открытости, доверительности отношений между матерью и детьми.

Таблица 2

Достоверные различия структурных компонентов образов ребенка у замещающих и родных матерей

Компоненты образов	Образ приемного ребенка		Образ родного ребенка		Критерий U-Манна-Уитни	Уровень значимости
	μ	σ^2	μ	σ^2		
Волевые	2,33	1,46	3,55	1,67	104,0	0,02
Интеллект социальный	1,44	1,15	2,45	1,50	109,5	0,04
Конвенциональные	0,33	0,59	0,00	0,00	130,0	0,01
Поведенческие	0,44	0,62	1,65	0,99	57,0	0,00
Социальные	7,44	2,75	9,40	2,01	93,0	0,01
Эмоциональные	5,11	1,91	7,50	2,31	77,5	0,002
Положительные	9,00	3,63	14,50	2,65	39,0	0,00

Таблица 3

Достоверные различия структурных компонентов Я-, Он-образов у замещающих и родных матерей

Компоненты образов	Критерий Вилкоксона, уровень значимости 0,01			
	Я-, Он-образы замещающих матерей		Я-, Он-образы родных матерей	
Конвенциональные	-3,13	0,002	-	-
Метафорические	-2,16	0,03	-	-
Положительные	-	-	3,14	0,002
Амбивалентные	2,92	0,004	-1,99	0,04
Отрицательные	-3,13	0,002	-3,13	0,002

К таким же индикаторам можно отнести и показатели модальности социально-перцептивных образов (рис. 3, 4, табл. 1–4). Соотношение характеристик позитивной, нейтральной и отрицательной модальностей (рис. 3, 4) во всех образах показывает достоверное преобладание позитивных характеристик над негативными и отрицательными, при этом достоверно большее количество позитивных характеристик отмечается в Я-образах родных матерей, причем их самооценка оказывается достоверно выше оценки собственных детей и значительно выше, чем Я-образы замещающих матерей.

Меньше всего положительных оценок дают замещающие матери своим реальным приемным детям, но при этом количество позитивных оценок совпадает в Я-образах этих матерей с образом

приемных детей в будущем (рис. 3), что говорит об их надежде изменить ребенка в лучшую сторону.

Достоверные различия отмечаются по нейтральным и негативным компонентам, а также по конвенциональным и эмоциональным. Больше всего негативных характеристик в образах реальных приемных детей, а минимальное — в представлениях матерей о том, какими их приемные дети станут в будущем. Замещающие матери считают, что именно благодаря им ребенок станет лучше, чем есть сейчас.

Корреляционный анализ, проведенный с помощью непараметрического критерия г-Спирмена (пакет SPSS Statistics 23), позволил выявить связи между структурными характеристиками образов матерей и детей (табл. 5).

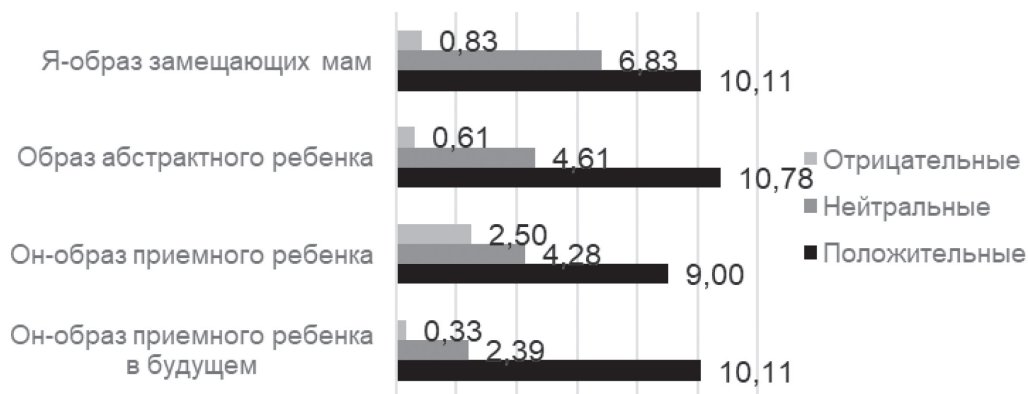


Рис. 3. Сопоставление модальности характеристик образов замещающих матерей

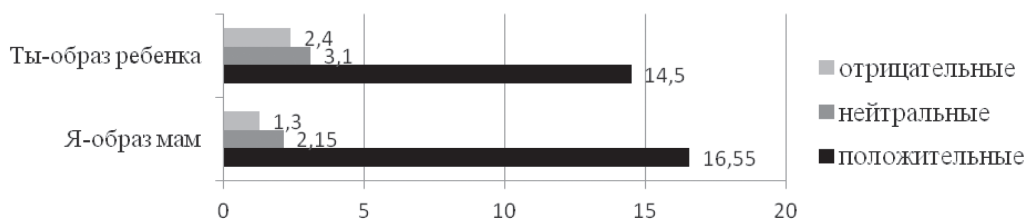


Рис. 4. Сопоставление модальности характеристик образов родных матерей

Результаты определения структур изучаемых образов (табл. 5) свидетельствуют о тесной связи Я-образа замещающих матерей с Он-образами приемных детей, а также с их образом в будущем. Получается, что мамы в приемном ребенке стремятся видеть отражение или, ско-

рее, продолжение самих себя. При этом четко отличая его от остальных детей как по структуре, так и по содержанию конкретных характеристик, о чем свидетельствует проведенный нами анализ образов абстрактного ребенка в сознании этих же мам.

Таблица 4

Достоверные различия структурных компонентов Он-образов реального приемного ребенка и его же в будущем

Компоненты образов	Образ приемного ребенка		Образ приемного ребенка в будущем		Критерий U-Манна-Уитни	Уровень значимости
	μ	σ^2	μ	σ^2		
Конвенциональные	0,33	0,59	0,83	0,99	2,46	0,01
Эмоциональные	5,11	1,91	3,78	2,69	-2,47	0,01
Нейтральные	2,39	2,59	3,10	1,55	-2,99	0,003
Негативные	0,33	0,59	2,40	1,88	-3,07	0,002

Таблица 5

Корреляция Я-образов и образов приемного ребенка в сознании матерей

Компоненты образов	Я-образы замещающих матерей								
	В	И	ИС	К	М	П	С	Т	Э
Он-образ приемного ребенка	В	,63**					,49*		,51*
	И						,59*		,64**
	ИС				-,48*		,57*		
	Д								,67**
	М					,60**			
	Т			,71**					
	Э	,49*							
Он-образ приемного ребенка в будущем	В		,57*						
	Д					,69**			
	И		,56*		-,59**				,53*
	ИС		,52*						,58*
	М						-,50*		
	С		,73**						,60**
	Т						,48*	,50*	
Э		,74**						,51*	

Условные обозначения. В – волевые, Д – деятельностные, И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, М – метафорические, П – поведенческие, С – социальные, Т – телесные, Э – эмоциональные, «+» – положительные, «-» – отрицательные, «=» – нейтральные. Значимость корреляций: *на уровне 0,05; ** на уровне 0,01.

Идентификация с ребенком у замещающих матерей, как и у биологических, играет роль механизма, помогающего повысить уровень восприятия и понимания ребенка, объяснить себе и ему его поведение в проблемных ситуациях, установить близкие отношения. Но она же порождает ошибочное восприятие и, как следствие, нередко способствует росту напряжения, стремлению навязать ребенку свое представление о том, что делать и как себя вести. При этом интеллектуальные характеристики матерей никак не связаны с образом нынешнего ребенка, но тесно связаны с различными характеристиками ребенка в будущем.

Анализ модальности и структуры образов позволяет предположить, что эталоном для приемного ребенка многие матери считают себя, а образы реального ребенка и то, каким он станет, формируются по механизму проекции Я-образа. Это подтверждается сравнением частотных словарей Я-, Он-образов замещающих матерей, в которых множество дословных совпадений (табл. 7). Аналогичная картина обнаруживается и при сравнении Я-, Он-образов в сознании родных матерей.

При этом у родных мам их Я-образы гораздо меньше связаны с образами детей (табл. 6), чем у замещающих матерей. У них лишь телесные и социальные характеристики имеют высокий уровень связи. Причем эта корреляция отрицательная, то есть свидетельствует о том, что чем больше мамы обращают внимание на свою внешность и здоровье, тем меньше их интересует, как их дети общаются с окружающими.

И еще на одно нельзя не обратить внимание. Оценочные характеристики Я-образов родных матерей по положительным и отрицательным модальностям тесно связаны с аналогичными модальностями родных детей, в то время как Я-образы замещающих мам не имеют корреляций ни по одной оценочной модальности с Он-образами приемных детей (табл. 5, 6). Это может свидетельствовать о том, что корреляционные связи отражений Я-образов матерей и Он-образов их детей выступают яркими индикаторами прочности родственных связей. И чем более положительно родные мамы оценивают себя, тем меньше отрицательных характеристик они дают своим детям.

Таблица 6

Корреляция Я-образов и образов родного ребенка в сознании матерей

Компоненты образов		Я-образы родных матерей						
		В	П	Т	Э	+	=	-
Он-обра родного ребенка	В	,50*		-,51*				
	П			-,49*				
	С	,52*	,46*	-,66**				
	Э				-,52*			
	+					,63**		-,69**
	-					-,83**	,49*	,80**

Условные обозначения. В – волевые, Д – деятельностные, И – интеллектуальные, ИС – интеллект социальный, К – конвенциональные, М – метафорические, П – поведенческие, С – социальные, Т – телесные, Э – эмоциональные, «+» – положительные, «-» – отрицательные, «=» – нейтральные. Значимость корреляций: *на уровне 0,05; ** на уровне 0,01.

Для уточнения результатов статистического анализа нами был проведен качественный анализ изучаемых образов, определены частотные словари Я- и Он-образов (табл. 7).

Анализ содержания частотных словарей образов матерей показал, что есть не только структурно-статистические корреляции, но и содержательно-качественная связь между элементами Я-образов матерей и Он-образов их приемных и родных детей. При сравнении дословных совпадений независимо от отражаемого образа и замещающие, и родные мамы представляют себя и своего ребенка: добрыми, веселыми, заботливыми, отзывчивыми, дружелюбными, любящими и любимыми.

Вместе с тем в Он-образе приемного ребенка мамы отмечают характеристики, которые не имеют повторения ни в одном

другом образе и не встречаются в образах биологических матерей, такие как: гиперактивный, неаккуратный, обидчивый, болезненный, жалостливый, капризный, хитрый и другие качества детей, наиболее досаждающие замещающим мамам. Скорее всего, это свидетельствует о меньшей, по сравнению с биологическими матерями, близости к ребенку и, как следствие, о более высокой объективности отражения образа ребенка замещающими матерями.

Интересные результаты были получены при анализе данных невербальной части методики «СОЧ(И)», направленной на изучение слабо осознаваемого механизма социальной перцепции. Эта часть методики позволяет оперативно выявить наличие или отсутствие проекции и ее направленность: прямая она или обратная,

Таблица 7

Частотный словарь первых 20 определений в Я-, Он-образах матерей

Замещающие матери				Родные матери			
Я		Приемный ребенок		Я		Родной ребенок	
характеристики	частота	мой ребенок	частота	характеристики	частота	мой ребенок	частота
добрая	72%	добрая	67%	веселая	90%	добрый	80%
заботливая	56%	ласковая	50%	добрая	80%	красивый	75%
веселая	33%	трудолюбивая	39%	ответственная	55%	умный	75%
женщина	28%	веселая	33%	коммуникабельная	50%	веселый	70%
справедливая	28%	заботливая	33%	милая	50%	милый	55%
мама	22%	любопытная	33%	умная	50%	отзывчивый	35%
хозяйка	22%	быстрая	28%	дружелюбная	45%	ласковый	30%
человек	22%	умная	28%	красивая	45%	любимый	30%
дружелюбная	17%	дружелюбная	22%	отзывчивая	45%	сильный	30%
красивая	17%	красавица	22%	энергичная	45%	честный	30%
ласковая	17%	нежная	22%	мудрая	40%	активный	25%
любящая	17%	общительная	22%	верная	35%	вежливый	25%
нежная	17%	любимая	17%	жизнерадостная	35%	дружелюбный	25%
отзывчивая	17%	отзывчивый	17%	целеустремленная	35%	заботливый	25%
трудолюбивая	17%	послушная	17%	вспыльчивая	30%	общительный	25%
ответственная	17%	разговорчивая	17%	заботливая	30%	ответственный	25%
мечтательная	17%	танцевальная	17%	общительная	30%	смелая/ый	25%
семья	17%	аккуратная	11%	честная	30%	спортивный	25%
солнышко	17%	активный	11%	активная	25%	целеустремл-ный	25%
терпеливая	17%	вежливая	11%	любимая	25%	талантливый	25%

Примечание. Совпадения в Я-образах матери и в их Он-образах ребенка выделены жирным шрифтом.

совпадает ли интуитивное, невербализованное представление о другом человеке с невербализованным Я-образом респондента, противопоставляется ему или они не связаны между собой (табл. 8).

Из таблицы видно, что наиболее близкими образами являются Я-образ замещающей матери и ее представление о том, каким этот ребенок станет в будущем (77,78%).

Вместе с тем у двух других мам (11,11%) при ранжировании невербальных образов отсутствует как совпадение, так и противопоставление Я-образов и образов приемных детей. То есть лишь

две мамы воспринимают ребенка не через призму собственного Я, а таким, какой есть, не идентифицируя его с собой и не противопоставляя его себе или себя ему.

О том, что отсутствие проекции свидетельствует о втором варианте отношения к приемным детям, говорит то, что в этом исследовании у всех биологических матерей ребенка проявляется та или иная невербальная проекция.

Важно отметить, что половина опрошенных считают, что приемный ребенок похож на образ абстрактного ребенка (табл. 9).

Таблица 8

Типы проекции Я-, Он-образов замещающих и родных матерей

Выборка	Прямая проекция		Обратная проекция		Отсутствие проекции	
	частота	%	частота	%	частота	%
Замещающие матери						
Я—мой ребенок	10	55,55	8	44,44	0	0
Я—мой ребенок в будущем	14	77,78	2	11,11	2	11,11
Мой ребенок—он в будущем	11	61,11	7	38,89	0	0
Родные матери						
Я—мой ребенок	14	70	6	30	0	0

Таблица 9

Показатели достоверности различий между проекциями образов у замещающих матерей

Образы	Прямая проекция		Обратная проекция		Критерий Ф*	Значимость
	Абсолютная частота	Относительная частота (%)	Абсолютная частота	Относительная частота (%)		
Я—Абстрактный ребенок	14	77,78	1	5,56	5,05	0,01
Я—Приемный ребенок	10	55,55	8	44,44	0,67	-
Я—Приемный ребенок в будущем	14	77,78	2	11,11	4,44	0,01
Абстрактный—Приемный ребенок	9	50,00	7	38,89	0,67	-
Абстрактный—Приемный ребенок в будущем	11	61,11	6	33,33	1,69	0,05
Приемный—Приемный ребенок в будущем	11	61,11	7	38,89	1,35	-

Достоверные различия в сопоставлении и противопоставлении по критерию F^* — Фишера отмечаются по таким группам образов, как Я-образ замещающих матерей — образ абстрактного ребенка ($p \leq 0,01$); Я-образ замещающих матерей — образ приемного ребенка в будущем ($p \leq 0,01$); образ абстрактного ребенка — образ приемного ребенка в будущем ($p \leq 0,05$).

Обсуждение результатов

Помимо структуры и содержания изучаемых образов и их связей нас интересовал вопрос об особенностях взаимоотношения приемной матери и ребенка. По нашему предположению, Я-образы замещающих мам являются индикаторами регуляции детско-родительских отношений. Мы исходим из гипотезы о связи структуры Я-образа замещающих мам и особенностей детско-родительских отношений. Так как объектом нашего исследования были замещающие матери, то полученные результаты мы обрабатывали только на взрослой выборке. Однако методика И.М. Марковской позволяет получить данные не только о взаимодействии родителей с ребенком, но и данные о взаимодействии с родителями «взглядом ребенка».

В исследовании И.М. Марковской в группе родителей младших подростков были выявлены значимые связи «удовлетворенности отношениями с детьми» с «эмоциональной близостью» и «сотрудничеством». «Контроль», «строгость» и «требовательность» — независимые параметры, в то же время «сотрудничество» связано с «эмоциональной близостью», «последовательностью» и «мягкостью». В группе родителей младших школьников и дошкольников выявлены

три корреляционные плеяды сходной структуры [5].

Результаты нашего исследования показывают, что у замещающих матерей выражено контролирующее поведение по отношению к ребенку. Причем высокий контроль может проявляться в мелочной опеке, навязчивости, приводить к ограничениям и запретам.

Повышенный показатель эмоциональной дистанции — это показатель нежелания ребенка делиться с родителями самым сокровенным, возможно, что и сами мамы могут сторониться своих приемных детей. Однако повышение значений по параметру последовательности свидетельствует о том, что мамы стараются быть последовательными и постоянными в своих требованиях, в своем отношении к приемному ребенку, в применении поощрений и наказаний.

Наиболее выраженные показатели с понижением значений отмечаются по таким шкалам, как: «Мягкость родителя», «Нетребовательность — Требовательность», «Авторитетность родителя».

В исследуемой выборке понижение значений по шкале строгости свидетельствует о низкой строгости, мягкости правил во взаимоотношениях между родителем и ребенком, низкой степени принуждения ребенка к чему-либо. Вместе с тем понижение значений по шкале требовательности говорит о ее низком уровне у родителя, проявляемом в слабо выраженном ожидании ответственности от ребенка. Несмотря на то, что в выборке большая часть респондентов считают себя авторитетами для своих приемных детей, многие приемные родители не уверены в своем влиянии на ребенка.

Для проверки нашей гипотезы о связи структуры Я-образов замещающих матерей с детско-родительским взаимодействием нами был применен непа-

раметрический коэффициент ранговой корреляции г-Спирмена.

По результатам корреляционного анализа выявлены 7 достоверных связей: 3 положительные и 4 отрицательные. Отрицательные связи отмечаются между положительными характеристиками Я-образов и шкалой «Мягкость—Строгость» ($r_s = -0,550$ при $p \leq 0,05$); между волевым компонентом Я-образов и шкалой «Автономность—Контроль» по отношению к ребенку ($r_s = -0,539$ при $p \leq 0,05$); между эмоциональными характеристиками и шкалой «Автономность—Контроль» по отношению к ребенку ($r_s = -0,585$ при $p \leq 0,05$); между конвенциональными характеристиками и шкалой «Отсутствие сотрудничества—Сотрудничество» ($r_s = -0,518$ при $p \leq 0,05$).

Положительно связаны: интеллектуальные характеристики Я-образов и шкала «Отсутствие сотрудничества—Сотрудничество» ($r_s = 0,570$ при $p \leq 0,05$), поведенческие характеристики и шкалы «Непоследовательность—Последовательность» родителя ($r_s = 0,569$ при $p \leq 0,05$), метафорические характеристики и шкала «Удовлетворенность» отношениями родителя с ребенком ($r_s = 0,628$ при $p \leq 0,01$).

Результаты корреляционного анализа показывают: чем меньше позитивных характеристик в Я-образе приемной матери, тем выше ее строгость, и наоборот, увеличение позитивных характеристик связано с меньшей строгостью мер, применяемых к ребенку, меньшей жесткостью в правилах поведения детей. Видимо, строгость выполняет компенсаторную функцию, связанную с негативизмом самовосприятия, которое может быть обусловлено неудовлетворенностью значимых потребностей.

Интересной особенностью является связь волевых и эмоциональных компо-

нентов Я-образов матерей с показателями шкалы «Автономность—Контроль» по отношению к ребенку. Повышение показателей по этой шкале свидетельствует о степени контроля за поведением ребенка. Обратная связь количества эмоциональных и волевых компонентов Я-образа матерей с высоким уровнем контроля поведения ребенка показывает, что мамы, придающие мало значения своей эмоциональности или волевым характеристикам, отличаются недоверием к приемным детям, не уверены в их способности адекватно вести себя и самостоятельно контролировать свое поведение. Те матери, в Я-концепции которых эмоциональные и волевые характеристики хорошо осознаются и играют важную роль, отличаются большим доверием к детям и предоставляют детям больше самостоятельности.

Одним из факторов, который влияет на результаты деятельности и общения как положительно, так и отрицательно, является уровень напряжения. Это состояние сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, страха. Однако при правильной регуляции человек может направить внутренние ресурсы на овладение ситуацией. Это возможно при определенном уровне мотивации, значимости ситуации. Во всех остальных случаях оно приводит к ломке мотивационных конструкций структуры деятельности, дезорганизует ее и коммуникацию [1].

Высокие показатели по шкале «Отсутствие сотрудничества—Сотрудничество» свидетельствуют о включении ребенка во взаимодействие, признании его прав и достоинств. Они отражают равенство и партнерство в отношениях родителей и детей. Связь этой шкалы с конвенциональными характеристиками Я-образа говорит о том, что при высоком уровне совместной деятельности мамы прояв-

ляют большую открытость, не прячутся за безличностно-ролевыми характеристиками, не используют их в качестве психологической защиты. Отсутствие сотрудничества с ребенком — результат нарушенных отношений, авторитарного, безразличного или попустительского стиля воспитания, связанный с ростом конвенциональных компонентов в Я-образах, что характеризует закрытость приемных мам или отсутствие эффективной рефлексии. Примечательно, что сотрудничество связано и с когнитивным компонентом Я-образа приемной мамы, что может быть показателем того, что мамы, для которых важны когнитивные характеристики, более склонны к сотрудничеству, равноправному взаимодействию с приемными детьми.

Важно отметить положительную связь поведенческих характеристик Я-образа матерей с постоянством и последовательностью требований к ребенку, с отношением к нему, с применением наказаний и поощрений. Эта связь указывает на то, что уровень когнитивных показателей в Я-образе замещающих матерей прямо связан с постоянством отношения к ребенку и последовательностью требований к нему.

Заключение и выводы

Исследование связей Я-образов матерей с Он-образами детей и детско-родительскими отношениями позволяет судить о том, что структурно-содержательный анализ вербальных и невербальных образов дает возможность выявить характер и направлен-

ность детско-родительских отношений, прочность семейных связей и сделать следующие выводы:

1. Я- и Он-образы биологических и замещающих матерей имеют подобные структуры этих образов. Достоверные различия между Я-образами замещающих и биологических матерей указывают на то, что последние более уверены и открыты в общении со своими детьми.

2. Я-образы замещающих матерей по своей структуре и содержанию тесно связаны с образами приемных детей в будущем и образами абстрактного ребенка, что говорит о едином механизме формирования этих образов. Образ реального приемного ребенка имеет свои отличительные особенности, которые не повторяются ни в одном другом образе. То есть мамы, как правило, выбирают ребенка, опираясь не столько на отражение реальных особенностей ребенка, сколько на собственную Я-концепцию и представление о том, каким должен быть ребенок. Именно в этом может таиться корень проблем детско-родительских отношений в замещающих семьях.

3. Идентификация ребенка с собой у замещающих и у биологических матерей выполняет роль механизма, помогающего им повысить уровень восприятия и понимания ребенка, объяснить себе и ему его поведение в проблемных ситуациях, установить более близкие отношения.

4. Социально-перцептивные характеристики Я-, Он-образов замещающих матерей являются индикаторами детско-родительских отношений. Они позволяют достаточно точно диагностировать особенности отношения замещающих матерей к приемным детям.

Литература

1. *Аптаев М.Б., Джанкёзова Т.С.* Влияние эмоционально-волевой сферы на уровень общих интеллектуальных способностей в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Интернет-

- журнал «Мир науки». 2016. Том 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/11PSMN416.pdf> (дата обращения: 21.06.2020).
2. *Карагачёва М.В., Кедич С.И., Ситников В.Л.* Социально-педагогическая рефлексия студентов психолого-педагогических специальностей // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2012. № 5(46). С. 264–271.
 3. *Коломенская В.В., Таран И.И., Скляр Н.А.* Взаимосвязь самоотношения беременной женщины с образом ребенка // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 10(140). С. 253–256.
 4. *Комарова А.В., Ситников В.Л.* Социально-перцептивные образы лживого человека в сознании школьников и студентов // Социально-психологическая перцепция в системе образования. Монография; под общей и научной редакцией В.Л. Ситникова, научный редактор Л.А. Регуш. СПб.: «ЭЛВИ-Принт», 2016. 216 с. С. 59–77.
 5. *Марковская И.М.* Психология детско-родительских отношений: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 91 с.
 6. *Махнач А.В.* Проблема поколения в замещающей семье как особой малой социальной группе // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 146–156. DOI:10.17759/sps.2019100211
 7. *Махнач А.В., Толстых Н.Н.* Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 127–149. DOI:10.17759/sps.2018090209
 8. *Нартова-Бочавер С.К., Резниченко С.И., Ковалева А.И.* Роль образа дома в адаптации подростков к замещающей семье [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 75–89. DOI:10.17759/cpse.2017060406
 9. *Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.* Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41–50. DOI:10.17759/pse.2020250604
 10. *Реан А.А., Коновалов И.А.* Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 60–80. DOI:10.17759/sps.2018090205
 11. *Ситников В.Л.* Образ ребенка в сознании педагога: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1996. 20 с.
 12. *Ситников В.Л.* Психология образа ребенка (в сознании субъектов педагогического процесса): дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2001. 597 с.
 13. *Стреленко А.А., Колмычевская Е.Н.* Образ ребенка в сознании беременных женщин [Электронный ресурс] // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1. № 1. С. 33–42. DOI:10.33910/2687-0223-2019-1-1-33-42
 14. *Стреленко А.А., Колмычевская Е.Н.* Представление матери об образах абстрактного и реального ребенка // Вестник БарГУ. Серия Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. 2020. № 8. С. 114–122.
 15. *Чеботарева Е.Ю.* Межкультурные особенности связей чрезмерного родительства с психологическим благополучием современных старших подростков [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 7–15. DOI:10.17759/jmfr.2019080401
 16. *Якутова В.А.* Психологические условия успешного освоения материнской роли // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 1. С. 59–71. DOI:10.17759/cpp.2017250105
 17. *Euillet S.* Foster care in France: children's perception of their own well-being // Child & Family Social Work. 2020. Vol. 25(S1). P. 160–168. DOI:10.1111/cfs.12743.

18. Flaquer L. Family-related factors influencing child well-being. En Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspective. 2014. P. 2229–2255. DOI:10.1007/978-90-481-9063-8_87
19. Shuker L., Sebba J., Höjer I. Teenagers in foster care: Issues, themes, and debates from and for practice and policy // Child & Family Social Work. 2019. Vol. 24. P. 349–353. DOI:10.1111/cfs.12650
20. Sitnikov V. Changing socialization of Russian adolescents // International Journal of Psychology. 2004. Vol. 39. P. 309.
21. Zeijlmans K., Lypez Lypez M., Grietens H. and Knorth E.J. Participation of Children, Birth Parents and Foster Carers in the Matching Decision. Paternalism or Partnership? // Child Abuse Rev. 2019. Vol. 28. № 2. P. 139–151. DOI:10.1002/car.2544

References

1. Appaev M.B., Dzhankezoza T.S. Vliyanie emotsional'no-volevoi sfery na uroven' obshchikh intellektual'nykh sposobnostei v podrostkovom vozraste [Elektronnyi resurs] [Influence of the emotional and strong-willed sphere on the level of the general mental abilities at teenage age]. *Internet-zhurnal «Mir nauki» = Online magazine «Mir Nauki»*, 2016. Vol. 4, no. 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/11PSMN416.pdf> (Accessed 21.06.2020). (In Russ.).
2. Karagacheva M.V., Kedich S.I., Sitnikov V.L. Sotsial'no-pedagogicheskaya refleksiya studentov psikhologo-pedagogicheskikh spetsial'nostei [Socio-pedagogical reflection of students of psychological and pedagogical specialties]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo = Scientific notes of the Transbaikal state humanitarian and pedagogical university of N.G. Chernyshevsky*, 2012, no. 5(46), pp. 264–271. (In Russ.).
3. Kolomenskaya V.V., Taran I.I., Sklyar N.A. Vzaimosvyaz' samootnosheniya beremnoi zhenshchiny s obrazom rebenka [Correlation of the self-relation of the pregnant woman with image of the child]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Scientists of a note of the university of P.F. Lesgaft*, 2016. Vol. 10(140), pp. 253–256. (In Russ.).
4. Komarova A.V., Sitnikov V.L. Sotsial'no-pertseptivnye obrazy lzhivogo cheloveka v soznanii shkol'nikov i studentov [Social and perceptual images of the false person in consciousness of school students and students]. In V.L. Sitnikov, L.A. Regush (eds.). *Sotsial'no-psikhologicheskaya pertseptsiya v sisteme obrazovaniya = Social and psychological perception in an education system*. Monografiya. Saint Petersburg: «ELVI-Print», 2016, pp. 59–77. (In Russ.).
5. Markovskaya I.M. Psikhologiya detsko-roditel'skikh otnoshenii: monografiya [Psychology of the child parental relations: monograph]. Chelyabinsk: Publ. YuUrGU, 2007. 91 p. (In Russ.).
6. Makhnach A.V. Problema pokoleniya v zameshchayushchei sem'e kak osoboi maloi sotsial'noi gruppe [The problem of generation in a foster family as a special small social group]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no 2, pp. 146–156. DOI:10.17759/sps.2019100211 (In Russ.).
7. Makhnach A.V., Tolstykh N.N. Zhiznesposobnost' kak kharakteristika sotsial'noi gruppy kandidatov v zameshchayushchie roditeli [Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 127–149. DOI:10.17759/sps.2018090209 (In Russ.).
8. Nartova-Bochava S.K., Reznichenko S.I., Kovaleva A.I. Rol' obraza doma v adaptatsii podrostkov k zameshchayushchei sem'e [Elektronnyi resurs] [The Home Representation Impact on the Adopted Adolescents' Adaptation to the Foster Families]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2017. Vol. 6, no. 4, pp. 75–89. DOI:10.17759/cpse.2017060406 (In Russ.).
9. Oslon V.N., Sem'ya G.V., Prokop'eva L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' i instrumentarii dlya izucheniya sub'ektivnogo blagopoluchiya detei-sirot i detei, ostavshikhhsya bez popecheniya roditel'ei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans

- and Children Without Parental Care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 41–50. DOI:10.17759/pse.2020250604 (In Russ.).
10. Rean A.A., Kononov I.A. Sotsial'no-pertseptivnyi obraz razlichnykh sotsial'nykh grupp v soznanii podrostkov [Adolescent's socio-cognitive representations (images) of different social groups]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no 2, pp. 60–80. DOI:10.17759/sps.2018090205 (In Russ.).
11. Sitnikov V.L. Obraz rebenka v soznanii pedagoga. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [An image of the child in consciousness of the teacher. PhD (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 1996. 20 p. (In Russ.).
12. Sitnikov V.L. Psikhologiya obraza rebenka (v soznanii sub"ektov pedagogicheskogo protsessa). Diss. dokt. psikhol. nauk. [Psychology of an image of the child (in consciousness of subjects of pedagogical process). Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 2001. 597 p. (In Russ.).
13. Strelenko A.A., Kolmychevskaya E.N. Obraz rebenka v soznanii beremennykh zhenshchin [Elektronnyi resurs] [An image of the child in consciousness of pregnant women]. *Kompleksnye issledovaniya detstva = Comprehensive Child Studies Journal*, 2019. Vol. 1, no. 1, pp. 33–42. DOI:10.33910/2687-0223-2019-1-1-33-42 (In Russ.).
14. Strelenko A.A., Kolmychevskaya E.N. Predstavlenie materi ob obrazakh abstraktnogo i real'nogo rebenka [Idea of mother of images of the abstract and real child]. *Vestnik BarGU. Seriya Pedagogicheskie nauki. Psikhologicheskie nauki. Filologicheskie nauki = BarSU Herad. Series "Education. Psychology. Philology (Literary studies)"*, 2020, no. 8, pp. 114–122. (In Russ.).
15. Chebotareva E.Yu. Mezkul'turnye osobennosti svyazei chrezmernogo roditel'stva s psikhologicheskim blagopoluchiem sovremennykh starshikh podrostkov [Elektronnyi resurs] [Cross-cultural peculiarities of interrelations between overparenting and psychological well-being of present time senior]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 7–15. DOI:10.17759/jmfp.2019080401 (In Russ.).
16. Yakupova V.A. Psikhologicheskie usloviya uspehnogo osvoeniya materinskoĭ roli [Psychological Conditions Of Successful Maternal Role Development]. *Konsul'tatsionnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017. Vol. 25, no. 1, pp. 59–71. DOI:10.17759/cpp.2017250105 (In Russ.).
17. Euillet S. Foster care in France: children's perception of their own well-being. *Child & Family Social Work*, 2020. Vol. 25(S1), pp. 160–168. DOI:10.1111/cfs.12743
18. Flaquer L. Family-related factors influencing child well-being. En *Handbook of Child Well-Being: Theories, Methods and Policies in Global Perspective*, 2014, pp. 2229–2255. DOI:10.1007/978-90-481-9063-8_87
19. Shuker L., Sebba J., Höjer I. Teenagers in foster care: Issues, themes, and debates from and for practice and policy. *Child & Family Social Work*, 2019. Vol. 24, pp. 349–353. DOI:10.1111/cfs.12650
20. Sitnikov V. Changing socialization of Russian adolescents. *International Journal of Psychology*, 2004. Vol. 39, p. 309.
21. Zeijlmans K., Lupez Lupez M., Grietens H. and Knorth E.J. Participation of Children, Birth Parents and Foster Carers in the Matching Decision. Paternalism or Partnership? *Child Abuse Rev.*, 2019. Vol. 28, pp. 139–151. DOI:10.1002/car.2544

Информация об авторах

Ситников Валерий Леонидович, доктор психологических наук, профессор, кафедра юридической психологии, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России» (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург; кафедра психологии, ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет» (ФГБОУ ВО ТувГУ), г. Кызыл, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, e-mail: sitnikof@mail.ru

Стреленко Анна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии, УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (УО ВГУ), г. Витебск, докторант, УО «Белорусский государственный университет» (УО БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-5430>, e-mail: strelenko@list.ru

Кедич Светлана Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I» (ФГБОУ ВО ПГУПС), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1577-6306>, e-mail: kedichsi@inbox.ru

Комарова Александра Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии и педагогики семьи, ФГАОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» (ФГАОУ ВО РГПУ); доцент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (ФГАОУ ВО СПбПУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6104-0194>, e-mail: alex_komarova@mail.ru

Information about the authors

Valery L. Sitnikov, Doctor of Psychology, Professor, Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg; Department of Psychology, Tuvan State University, Kizil, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, e-mail: sitnikof@mail.ru

Anna A. Strelenko, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Applied Psychology, Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk, Doctoral Candidate, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-5430>, e-mail: strelenko@list.ru

Svetlana I. Kedich, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Applied Psychology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1577-6306>, e-mail: kedichsi@inbox.ru

Aleksandra V. Komarova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Age Psychology and Pedagogy of Family, Herzen State Pedagogical University of Russia; Associate Professor, Graduate School of Engineering Pedagogy, Psychology and Applied Linguistics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6104-0194>, e-mail: alex_komarova@mail.ru

Получена 05.12.2020

Принята в печать 08.04.2021

Received 05.12.2020

Accepted 08.04.2021

Особенности материнского отношения в связи с формированием ценностных ориентаций современных подростков

Новикова М.А.

*Институт образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-4240>, e-mail: mnovikova@hse.ru*

Реан А.А.

*Институт образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: arean@hse.ru*

Цель. Выявление особенностей материнского отношения к детям подросткового возраста в зависимости от их пола, состава семьи, места проживания, а также в связи с ценностными ориентациями детей.

Контекст и актуальность. На фоне продолжающихся дискуссий о воспитательной роли семьи и возрастающего интереса к феноменам современного детства и родительства представляется важным выявление основных аспектов современных детско-родительских отношений и их влияния на становление мировоззрения подростков.

Дизайн исследования. В работе исследовались особенности материнского отношения (в аспектах эмоциональной вовлеченности и гиперопеки) в связи с формированием мировоззренческих ориентаций современных подростков. Структура мировоззренческих ориентаций выявлялась при помощи эксплораторного факторного анализа, характер связей — при помощи корреляционного анализа.

Участники. Исследование было проведено на выборке подростков, средний возраст 16,3 года, 42% — юноши, всего — 7384 испытуемых, проживающих в разных федеральных округах Российской Федерации.

Методы (инструменты). Русскоязычная версия Опросника родительского отношения РВИ (Parental Bonding Instrument), авторская методика «Пословицы» А.А. Реана.

Результаты. Материнское отношение является значимо связанным с полом ребенка, составом семьи, местом ее проживания. Высокие показатели материнского принятия положительно связаны с мировоззренческими установками, основывающимися на ценностях справедливости, поддержки, трудолюбия. Испытуемые, которые описывают своих матерей как чрезмерно опекающих, склонны к воззрениям, отражающим важность умения подстраиваться и стремиться получить личную выгоду, а также большую сосредоточенность на себе.

Основные выводы. Существует значимая взаимосвязь между материнским отношением и ценностными ориентациями современных подростков.

Ключевые слова: ценностные ориентации подростков, детско-родительские отношения, гиперопекающее родительское отношение, эмоциональная близость родителя.

Для цитаты: Новикова М.А., Реан А.А. Особенности материнского отношения в связи с формированием ценностных ориентаций современных подростков // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 148–165. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120209>

Characteristics of Maternal Attitude linked to Values-Based Orientations of Modern Adolescents

Maria A. Novikova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-4240>, e-mail: mnovikova@hse.ru

Artur A. Rean

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: arean@hse.ru

Objective. *Finding out the characteristics of maternal attitude towards adolescents in relation to their gender, family composition and place of living, as well as to value orientations of the adolescents.*

Background. *Taking in account the ongoing discussions on the upbringing role of the family and growing interest to the phenomena of modern childhood and parenting revealing of the main aspects of child-parent relations and their influence on value orientations of adolescents seems to be important.*

Study design. *Maternal attitude (within its measurements of emotional involvement and overprotection) in relation to value orientations of modern adolescents was investigated. Main statistical procedures used were exploratory factor analysis and correlation analysis.*

Participants. *The survey was undertaken on the sample of 7384 adolescents (mean age 16,3, 42% male) living in several Federal Regions of Russia.*

Measurements. *Russian-language version of PBI (Parental Bonding Inventory) questionnaire, author's scale "Proverbs".*

Results. *According to the obtained results the evaluation given to maternal attitude by the adolescents is significantly related to their gender, family structure and place of living. Higher estimates of maternal acceptance are positively correlated with adolescents' values-based orientations linked to justice, support and diligence. Contrarily, the subjects who described their mothers like overprotecting were more inclined to the mindset based on self-adjustment, gaining personal beneficiaries and strong self-centration.*

Conclusions. *There is a significant relation between maternal attitude and value orientations of modern adolescents.*

Keywords: *values-based orientations of adolescents, maternal attitude, parent-child relationships, maternal overprotecting behavior.*

For citation: Novikova M.A., Rean A.A. Characteristics of Maternal Attitude linked to Values-Based Orientations of Modern Adolescents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 148–165. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120209> (In Russ.).

Введение

В современных исследованиях тематика детско-родительских отношений часто рассматривается в аспекте формирования эмоционально насыщенной и крепкой связи между родителем и ребенком, которая считается положительным фактором развития психики и становления его личности. С другой сто-

роны, чрезмерная родительская вовлеченность может становиться причиной сложностей сепарационных процессов, так как уменьшает возможности обретения ребенком самостоятельности за счет проб разных форм поведения. Возможно, именно баланс между гиперопекой и эмоциональной дистантностью и является одной из составляющих «хорошего», продуктивного родительского стиля.

Родительский стиль обычно рассматривается с точки зрения двух основных измерений: эмоциональной вовлеченности и заботы о ребенке и, с другой стороны, степени контроля за поведением ребенка. Множество исследований направлено на оценку того, в какой мере родительский стиль связан с возникновением социально-девиантного, в том числе делинквентного, или даже патологического поведения в подростковом или взрослом возрасте (суицидальное поведение, тревожные и депрессивные расстройства, зависимости) [14].

Исследований связи родительского стиля с формированием ценностной сферы подростков практически не проводилось ни в России, ни за рубежом. Вместе с тем, вероятно, детско-родительские отношения могут вносить существенный вклад в то, как складываются представления подрастающего поколения о приемлемом и недопустимом. Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей родительского отношения (по оценке подростков) в зависимости от характеристик семьи, а также их связи с ценностными ориентациями подростков.

Какие качества должны быть присущи родителю, и как они должны проявляться в его взаимодействии с ребенком для нормального, полноценного психического развития последнего? В ставшей классической работе М. Эйнсворт выделяются четыре измерения материнского поведения, которые отражаются в балансе привязанности¹ и исследовательского поведения детей: это сензитивность-несензитивность, принятие-отвержение, сотрудничество-вмешательство, доступность-игнорирование [18]. В других ис-

следованиях встречаются следующие факторы, описывающие родительское поведение по отношению к детям: «теплота-холодность, отвержение», «попустительство-требовательность», «потребность в опеке (однополярный), не обязательно сопряженная с эмоциональной привязанностью» [32; 33]. Следующие два фактора выделяются практически всеми исследователями. Фактор «принятие-отвержение» отражает на одном своем полюсе такие характеристики отношения к ребенку, как его позитивная оценка, желание разделить его переживания, эмоциональная поддержка, забота, сопряженная с уважением, а на другом — игнорирование, отвержение, пренебрежение эмоциональными нуждами ребенка. Фактор «психологическая автономия-психологический контроль» имеет в качестве одного из полюсов склонность к вмешательству, директивности, манипуляциям и усилению переживания вины у ребенка. Подобное родительское поведение не способствует гармоничному развитию личности.

Таким образом, можно сказать, что существуют две переменных, преимущественно вносящих вклад в формирование детско-родительских отношений. Первая — забота, эмоциональная вовлеченность; вторая — психологический контроль по отношению к ребенку. Именно эти измерения легли в основу опросника Parental Bonding Instrument (PBI), разработанного Гордоном Паркером и коллегами в 1979 году [29]. Основой для разработки этого диагностического инструмента стал ряд экспертных оценок, данных набору психологических понятий студентами-медиками выпускного курса, медсестрами психиатрических отделений, родителями детей школьного

¹ Которую, вслед за Д. Боулби, автор понимает как глубокую и длительную эмоциональную связь, преодолевающую время и расстояние [21].

возраста. Опросник имеет двухфакторную структуру, соответствующую описанным выше измерениям детско-родительских отношений: Фактор 1 «Забота, эмоциональная вовлеченность-индифферентность, отвержение» (Альфа Кронбаха=0,85), Фактор 2 «Гиперопека-поддержка автономии, независимости» (Альфа Кронбаха=0,69). Данный опросник является одним из наиболее часто используемых опросников родительского отношения как на клинических, так и на выборках нормы [24; 26; 30; 34]. В работе 2005 года была дана высокая оценка надежности данных опросника РВИ с точки зрения их воспроизводимости [39].

Результаты апробации опросника РВИ представлены в монографии О.Г. Калины и А.Б. Холмогоровой «Роль отца в психическом развитии ребенка» [7]. Недавно была произведена адаптация русскоязычной версии опросника РВИ на выборке 173 старшеклассников (средний возраст 16,7 лет) [38]. Было показано отсутствие значимых гендерных различий между восприятием материнского и отцовского отношения для обоих факторов (которые соответствуют факторной структуре оригинальной методики).

Показатели родительского отношения, полученные при помощи РВИ (а именно — отсутствие эмоциональной вовлеченности родителей, сопряженное с желанием контролировать поведение детей), оказываются значимо связанными с показателями психического здоровья детей, например, подверженностью депрессивным и тревожным расстройствам [30], а также суицидальными мыслями и намерениями [27].

Изучение ценностной сферы подростков представляет собой отдельный объемный пласт современных психологических исследований [3; 10; 12]. Рассматриваются такие феномены, как влияние социальных условий на ценности и убеждения подростков (например, показано значимое

влияние того, воспитывался ли ребенок в полной/неполной семье или учреждении содействия семейному устройству, на ценности в форме нормативных идеалов) [10]. Масштабное исследование (более 2500 испытуемых из различных регионов России) показало значимость социальной ситуации развития для формирования ценностно-мотивационной направленности личности, в том числе рассматривались удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие родителей и учителей подростков.

В ряде работ соотносятся ценностные структуры современных подростков и их родителей. Так, Н.Н. Толстых пишет о том, что у подростков и их родителей коррелируют 10% ценностей, при этом в структуре целей у первых преобладают мотивационные факторы, а у вторых — ценностные [16]. Согласно результатам другого исследования, ценности родителей имеют и вовсе противоположную структуру относительно структуры ценностей подростков [15]. В работе Н.А. Хижкиной было продемонстрировано, что ценностные ориентации подростка формируются под влиянием ценностных ориентаций семьи, в которой он воспитывается, и переносятся им на отношения со сверстниками [17].

Микроклимат семьи, демократический стиль воспитания, положительные детско-родительские отношения, а также семейные традиции являются основой для самооценки базисных ценностей как для подростков, так и для родителей [4; 13].

Вопрос связи родительского отношения с системой ценностных ориентаций подростков до настоящего момента рассмотрен не был. В настоящей работе мы ставим перед собой **задачу** выявления особенностей родительского отношения в зависимости от характеристик семьи, а также их связи с ценностными ориентациями подростков.

Метод

Схема проведения исследования.

Респонденты заполняли бланки методик, направленных на выявление особенностей отношения к ним их родителей, а также отражающие их ценностные и мировоззренческие ориентации.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие учащиеся школ в

возрасте 14–18 лет (всего 7384 человека). Средний возраст опрошенных — 16,3 года, 42% — юноши. Процентное соотношение размеров населенных пунктов, где проживают опрошенные, а также состава их семей представлено на рис. 1 и 2.

Методы исследования. В исследовании использовался Опросник родительского отношения РВО в адаптации Т. Тихомировой и С. Малых [38]. Он включает в

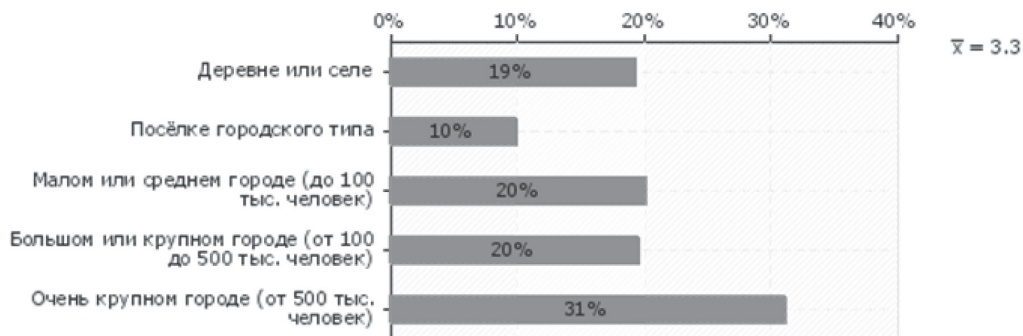


Рис. 1. Процентное распределение размера населенных пунктов, где проживают опрошенные

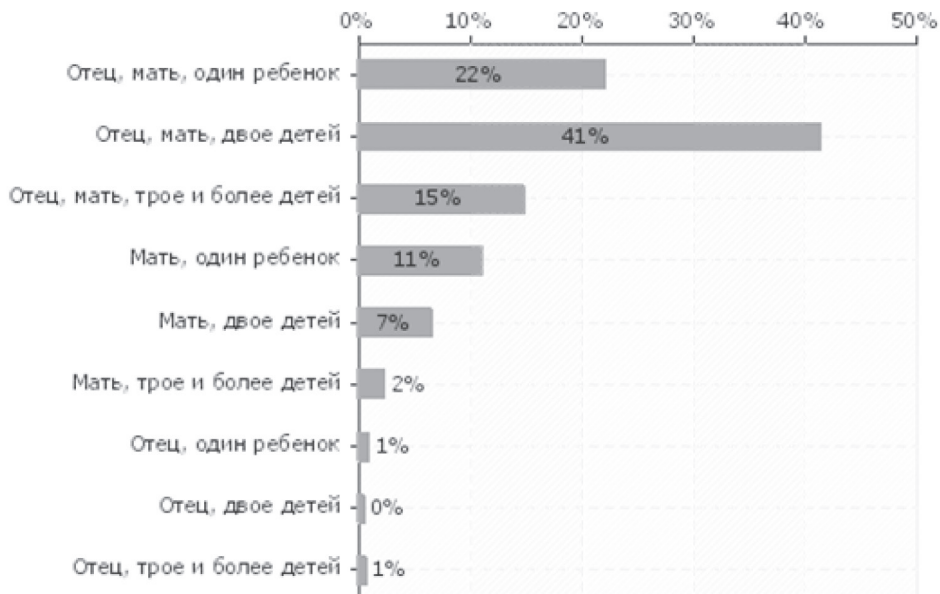


Рис. 2. Процентное распределение состава семей опрошенных

себя шкалы Заботы (эмоционального принятия) и Контроля, отдельно со стороны матери и со стороны отца. Всего в опросник входит 25 утверждений. Результатом заполнения опросника являются данные самоотчета испытуемых. Для настоящей статьи использовались только результаты по шкалам материнского отношения.

Для оценки ценностных ориентаций использовался стимульный материал «Пословицы». Школьникам было предложено 44 пословицы, из которых нужно было выбрать (в неограниченном количестве) те, которые отражают жизненные принципы и установки испытуемых. Отметим, что пословицы в качестве стимульного материала для психодиагностических методик ранее использовались неоднократно, в частности, как для диагностики особенностей когнитивной сферы (в том числе патологий мышления), так и для личностных особенностей испытуемых [1; 2; 5]. Д.А. Леонтьев рассматривает пословицы как мировоззренческую проекцию: они представляют собой «культурные клише для объяснения общих закономерностей и предписания способов поведения» [11]. В его исследовании был выявлен феномен «приватизации пословиц», означающий склонность людей выбирать те или иные пословицы в качестве любимых или предпочтительных в качестве индивидуальных руководящих принципов поведения.

Результаты

Предпочтения подростков при выборе пословиц распределились неравномерно. К примеру, больше всего опрошенных — 65% — выбрали пословицу «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», также более половины испытуемых выбрали в качестве пословиц, которым следуют в жизни, «Ученье — свет, а неученье — тьма» (55%),

«Бедность — не порок» (55%), «Волков бояться — в лес не ходить» (54%).

В список наименее предпочитаемых попали следующие пословицы: «По одежке протягай ножки» (16%), «От трудов праведных не нажить палат каменных» (18%), «Скупость — не глупость», «Что наша честь, если нечего есть?», «Другу угодить — себе досадить» (20%).

Поскольку в задачи настоящего исследования не входил качественный анализ, для сокращения размерности данных по методике «Пословицы» и их дальнейшего использования в обобщенном виде к ним была применена процедура эксплораторного факторного анализа. На основании применения метода главных компонент с последующим Варимакс-вращением было выделено 4 фактора, суммарно объясняющих 50% дисперсии данных. При содержательной оценке перевернутой матрицы компонентов, а также на основании анализа графика-осыпи было принято решение о том, что более содержательно оправданным является двухкомпонентное решение (см. рис. 3).

Фактор 1 получил рабочее название «Активность, бескорыстие, справедливость». В него вошли пословицы, отражающие направленность испытуемых на приложение усилий к работе и получение новых знаний, ориентацию на справедливость, в том числе в социальных отношениях, готовность поддержать другого, не остаться в стороне. В этот же фактор вошли все пословицы, связанные с патриотичным отношением к Родине. Отметим, что также высокие нагрузки по этому фактору у пословиц, отражающих незначимость материального вознаграждения за труд и в целом небольшую ценность денег как таковых.

Фактор 2 получил рабочее название «Осторожность, приспособляемость, ориентация на собственную выгоду». Во многом он является противоположным

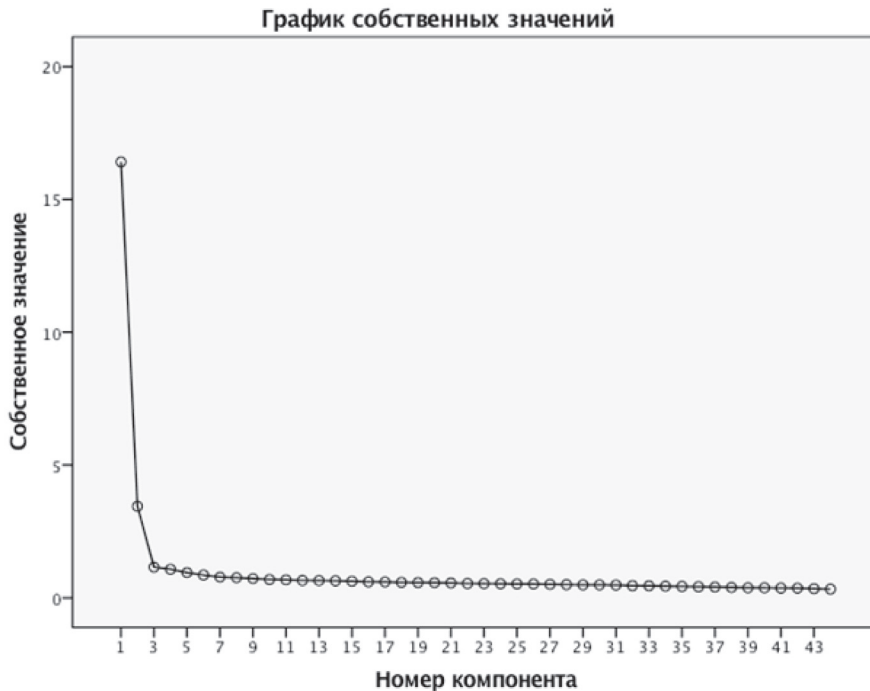


Рис. 3. График собственных значений компонента

Фактору 1 содержательно: в него вошли пословицы, акцентирующие важность получения, в первую очередь, выгоды для самого себя, отказа от помощи другим, если это сопряжено с риском, готовности приспосабливаться к ситуации, большой вариативности моральных принципов.

Были обнаружены гендерные различия в предпочтительности пословиц, относящихся к первому или второму типу: более социально желательные пословицы, формирующие фактор «Активность, бескорыстие, справедливость, патриотизм», чаще выбираются девушками ($U=6179024,50$, $p<0,01$), а пословицы, формирующие Фактор «Осторожность, приспособляемость, ориентация на собственную выгоду» — молодыми людьми ($U=5740311,50$, $p<0,01$). Возможно, девушки в большей степени подвержены подростковому идеализму

или же воспитываемой школой идее о том, что существует некий единственно «правильный» способ бытия, в котором человеку удастся сохранять во всех ситуациях честь и бескорыстность, не переживая конфликта с реалиями жизни. Юноши на их фоне выглядят более «прагматически» настроенными. Современный мир диктует молодым людям образ маскулинности, одной из важных характеристик которого является способность иметь высокий доход, быть «хорошо устроенным в жизни», а также обеспечить свою семью.

Есть определенные предпочтения в пословицах в связи с возрастом испытуемых. Пословицы из Фактора «Активность, бескорыстие, справедливость, патриотизм» в равной степени часто выбираются учащимися и 10-х, и 11-х классов. Пословицы из Фактора «Осторожность, приспособляе-

мость, ориентация на собственную выгоду» значимо чаще выбираются 10-классниками ($U=6657191,50$, $p<0,05$). Подростковому возрасту соответствует Конвенциональный уровень морального развития по Л. Колбергу, регуляторами поведения на котором являются требования группы (Стадия 3) и общественные нормы и правила (Стадия 4). Освоению этого уровня соответствует уменьшение числа выборов пословиц из Фактора 2, которые, по сути, соответствуют в большей мере доконвенциональному уровню морального развития.

Наконец, были выявлены различия в предпочитаемых пословицах в зависимости от размера населенного пункта, в котором проживает подросток. Пословицы из Фактора 1 оказались наиболее часто выбираемыми подростками из крупных и очень крупных городов (от

100 до 500 тыс. человек), в наименьшей степени — жителями поселков городского типа, а также деревень и сел ($\chi^2=44,5$, $p<0,01$). Пословицы из Фактора 2, напротив, оказались наиболее предпочитаемыми деревенскими и сельскими подростками, а меньше всего их выбирали ребята из крупных городов ($\chi^2=21,9$, $p<0,01$).

Материнское отношение, согласно самоотчетам школьников, значимо различается в зависимости от размера населенного пункта, в котором проживает семья. Наиболее высокие показатели принятия — в крупных городах с населением 100–500 тыс. человек, а также в деревнях ($\chi^2=26,15$, $p<0,01$). Вне зависимости от размера населенного пункта показатели эмоционального принятия у матерей по отношению к дочерям выше, чем к сыновьям ($U=3082216,5$, $p<0,05$).

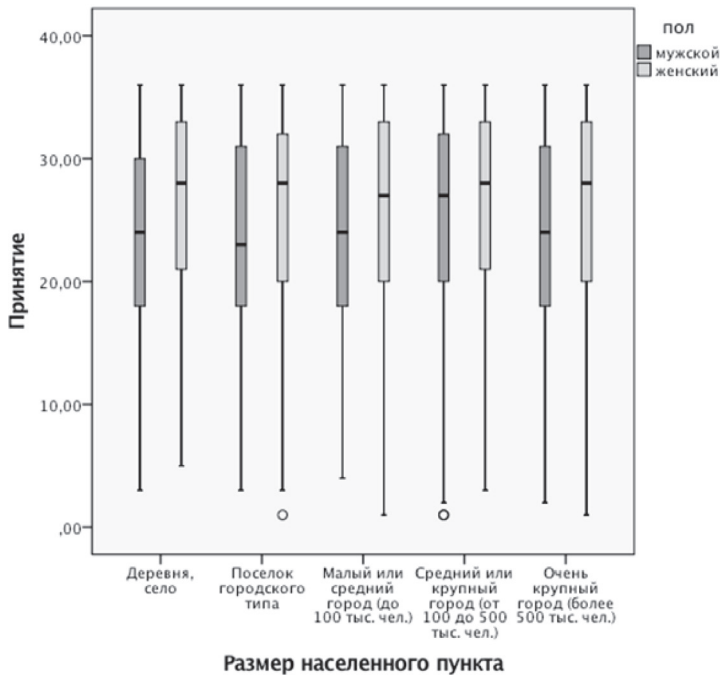


Рис. 4. Родительское отношение (эмоциональное принятие матерью) в населенных пунктах разной величины

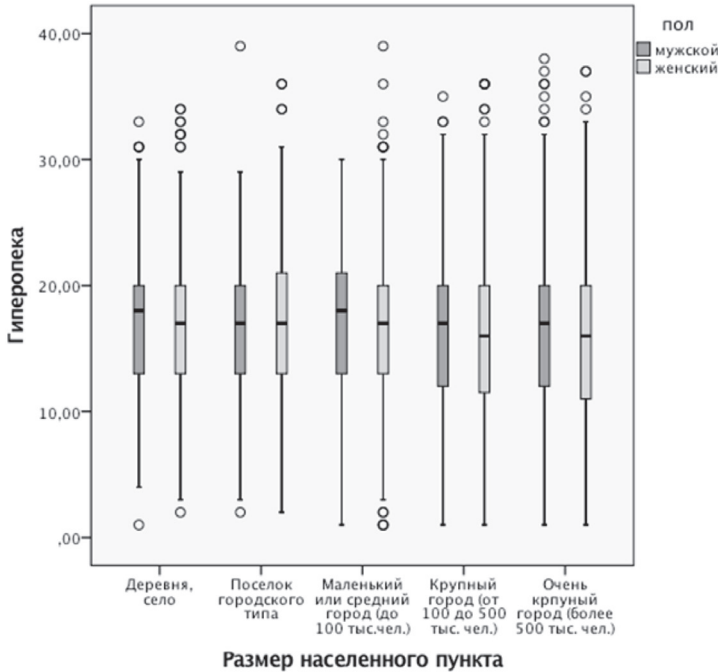


Рис. 5. Родительское отношение (материнская гиперопека) в населенных пунктах разной величины

Если говорить о материнской гиперопеке, то ситуация оказывается несколько отличной: в крупных городах (с населением до 500 тыс. человек) ее показатели наименьшие, а наиболее высокие — в деревнях, поселках городского типа и городах с населением до 100 тыс. человек ($\chi^2=26,7$, $p<0,01$). Во всех типах населенных пунктов (кроме поселков городского типа) гиперопека по отношению к сыновьям оказывается значительно выше, чем по отношению к дочерям ($U=3428269,5$, $p<0,05$).

От 10-го к 11-му классу школы увеличиваются показатели эмоционального принятия со стороны матери ($U=3498464,00$, $p<0,05$) и уменьшается гиперопека ($U=3426374,00$, $p<0,01$).

Материнское принятие же, в свою очередь, оказывается связанным с со-

ставом семьи: наиболее высокие показатели эмоционального принятия в полных семьях с одним или двумя детьми. А вот в полных семьях с тремя и более детьми показатели материнского принятия ниже, чем в семьях, где мать воспитывает одного или двух детей одна ($\chi^2=14,57$, $p=0,01$).

Оценки, данные подростками материнскому принятию и гиперопеке, оказались значимо связанными с их предпочтениями в выборке тех или иных пословиц (см. таблицу). Так, предпочтения пословиц, относящихся к группе «Активность, бескорыстие, справедливость, патриотизм», положительно коррелируют с эмоциональным принятием матью ($r=0,34$, $p<0,01$) и отрицательно — с гиперопекой ($r=-0,17$, $p<0,01$). Предпочтения пословиц из группы

«Осторожность, приспособляемость, ориентация на собственную выгоду», напротив, являются отрицательно связанными с принятием ($r=-0,25$, $p<0,01$) и положительно — с материнской гиперопекой ($r=0,18$, $p<0,01$).

Показатели материнского принятия и гиперопеки, в свою очередь, оказались значимо отрицательно связаны между собой ($r=-0,47$, $p<0,01$).

Обсуждение результатов

В настоящей статье обсуждается родительское (материнское) отношение, субъективно оцениваемое подростками, в контексте социально-экономических характеристик семьи, а также в связях с мировоззренческими характеристиками подростков.

Согласно полученным нами данным, более высокие оценки материнскому принятию дают девушки, в то время как юноши выше оценивают уровень гиперопеки со стороны матерей. Часть исследований подтверждает более высокий уровень заботы со стороны матерей по отношению к дочерям (например, [25; 31]). С другой стороны, в работе

Паркера (1979) и в ряде других [23] значимых различий в этом показателе не выявлено.

Велика вероятность наличия культурных различий, которые могут влиять как на отношение матери к ребенку в зависимости от его пола, так и на восприятие этого отношения ребенком. В первом случае на основании полученных результатов можно говорить о том, что эмоциональный контакт у матерей с дочерьми устраивается легче, и девочки получают от мам больше поддержки. Во втором — о том, что юноши стремятся к большей самостоятельности, в связи с чем материнские действия в их адрес, связанные с заботой и попытками наложения ограничений, могут восприниматься ими более критично (и, соответственно, в данных самоотчета они большее количество материнских проявлений оценивают именно как гиперопеку).

В исследовании на американской выборке [22] было показано, что для девочек более характерны поиск контакта с матерями и нахождение с ними на меньшей дистанции, чем для мальчиков. С другой стороны, связь стрессующих воздействий с потребностью в контакте и уменьшении дистанции

Таблица

Показатели связи между шкалами опросника «Родительское отношение» Материнское принятие и Материнская гиперопека с предпочтениями в выборе пословиц

	1	2	3	4
1. Фактор 1 «Активность, бескорыстие, справедливость, патриотизм»	1			
2. Фактор 2 «Осторожность, приспособляемость, ориентация на собственную выгоду»	-,087**	1		
3. Эмоциональное принятие матерью	,340**	-,253**	1	
4. Материнская гиперопека	-,167**	,177**	-,426**	1

Примечание: использован коэффициент корреляции r Спирмана, ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

значима именно для мальчиков. В свете этого факта большая гиперопека со стороны матерей (при более низкой эмоциональной вовлеченности) по отношению к подросткам мужского пола выглядит, скорее, дисфункциональной. Подросток, оказавшись в трудной жизненной ситуации, получит, вероятнее, много контроля и вмешательства в свою жизнь со стороны матери, в то время как нуждаться будет в первую очередь в эмоциональном принятии. В контексте кросс-культурных различий отметим, что в исламских выборках, к примеру, матерей характеризует более попустительский стиль отношения к сыновьям, чем к дочерям, по отношению к которым они более авторитарны [19].

Согласно полученным нами результатам, показатели гиперопеки по мере взросления ребенка понижаются для обоих полов. Это видится благоприятным фактом: оно облегчает протекание сепарационных процессов в семье, необходимых для достижения взрослости. Показатели эмоционального принятия же, напротив, растут; вероятно, в этом отражается некий распространенный паттерн материнского отношения: детей нужно опекать и контролировать, а эмоционально близкое общение возможно, скорее, уже с теми, кто достаточно вырос, с кем в большей степени возможно «общение на равных».

Материнское принятие оказывается связанным с составом семьи: больше всего его получают дети в полных семьях, но не в многодетных. В семьях, где матери воспитывают детей в одиночку, оценки их эмоциональной вовлеченности и принятия, данные детьми, ниже. В ранее проведенном исследовании было показано, что среди причин малоэффективных родительских стратегий матерей-одиночек — низкий уровень со-

циальной поддержки (в том числе и как следствие неспособности ее получить) и высокая подверженность разнообразным негативным событиям в жизни [35]. О том, что несмотря на то, что ребенок является несомненной ценностью для женщины, не состоящей в браке, она будет относиться к нему амбивалентно вследствие перегруженности домашними и профессиональными обязанностями, пишут и отечественные авторы [8]. Самые низкие оценки материнского принятия даны детьми, воспитывающимися в семьях с тремя и более сиблингами. Это может свидетельствовать об истощенности ресурсов многодетных матерей, которая, в свою очередь, является следствием как недостаточной социальной поддержки, так и нехватки родительских компетенций, психологической грамотности.

Показатели гиперопеки в маленьких населенных пунктах наиболее высокие: самый высокий уровень гиперопеки в сочетании с высокими же показателями материнского принятия — в деревнях. В крупных городах (100–500 тыс. человек) гиперопека у матерей, напротив, наименее выражена, а уровень принятия — наиболее высок. Сходные результаты были получены ранее [6]. В городах-миллионниках показатели эмоционального принятия самые низкие, но и материнская опека так же не высока. Мы предполагаем возможность существования нескольких интерпретаций. В очень крупных городах родительское отношение характеризуется наличием высоких требований к собственным детям: их воспитывают с ориентацией на высококонкурентную среду, которая будет окружать их «во взрослой жизни», стараясь при этом быстрее дать им самостоятельность. Возможно также, что

матери сильно погружены в другие, не связанные с родительством аспекты собственной жизни (к примеру, устройство карьеры или личной жизни), что также ведет к снижению эмоциональной заботы о детях. Интересно, что именно родителей (а в особенности матерей) из больших городов принято считать наиболее подкованными в психологических аспектах воспитания. Они — основные потребители контента, связанного с «грамотным родительством» (вебинары, книги и т.д.). И тем не менее именно их дети оценивают как наименее эмоционально вовлеченных и заботливых, что наводит на мысли о том, что обширные знания не всегда выражаются в соответствующем поведении. Высокие показатели гиперопеки в деревнях и поселках могут быть связаны с традиционным стилем воспитания, практикуемым там, в рамках которого границы ребенка являются гораздо более «проницаемыми» для вмешательства взрослых, и частная жизнь как таковая имеет меньшую ценность. С другой стороны, там велики и показатели эмоционального принятия: возможно, более «традиционное» материнство предполагает, в первую очередь, теплые отношения с ребенком, вне зависимости от его достижений и т.д. Наиболее «удачный» вариант материнского отношения выявлен в крупных городах. С одной стороны, здесь матери достаточно эмоционально вовлечены в жизнь детей, с другой — достаточно ориентированы на то, чтобы дать им самостоятельность. Возможно, социальная среда расценивается матерями в таких населенных пунктах как менее опасная, по сравнению с городами-миллионниками, что позволяет им испытывать меньше тревоги и, соответственно, применять меньше контроля.

Высокие показатели материнского принятия оказываются положительно связанными с мировоззренческими установками, связанными с ценностями справедливости, поддержки, трудолюбия. Испытуемые, которые описывают своих матерей как более принимающих, значимо чаще выбирают в качестве характеризующих их собственную жизнь пословицы, отражающие позитивные, социально приемлемые качества (важность дружбы и открытых, честных отношений с людьми, готовность работать, будучи мотивированными не в первую очередь материальным вознаграждением, готовность отстаивать свои ценности). Подростки же, говорящие о своих матерях как о чрезмерно гиперопекающих и вмешивающихся в их жизнь, напротив, склонны выбирать высказывания, отражающие важность умения подстраиваться, быстро менять свои ценностные ориентации, стремиться получить личную выгоду (что имеет большую важность, чем личные отношения с людьми). Таким образом, мы можем наблюдать вклад материнского отношения с точки зрения соотношения его компонентов — контроля и эмоционального принятия — в моральное развитие ребенка. Вторжение в границы ребенка без учета его интересов и веры в его возможности связано с тем, что последний в качестве мировоззренческих установок скорее предпочтет ориентацию на собственную выгоду без учета потребностей других, что соответствует в большей мере доконвенциональному уровню морального развития. Напротив, материнское отношение, связанное с эмоциональным контактом, заботой и теплотой, является фактором формирования аналогичного отношения к окружающим, направленного на помощь и поддержку, у ребенка.

Выводы

1. Такие компоненты материнского отношения, как эмоциональное принятие и склонность к гиперопеке, связаны с полом и возрастом ребенка: большая опека и контроль проявляются по отношению к подросткам мужского пола, эмоциональное принятие — к девушкам. По мере взросления детей принятия со стороны матерей становится больше, контроля — меньше.

2. Наиболее высокие показатели эмоционального принятия у матерей в полных семьях, где воспитываются 1–2 ребенка, ниже — в неполных семьях с таким же числом детей, а самые низкие — в полных семьях с тремя сиблингами и более.

3. Наибольшие показатели гиперопеки характерны для матерей из небольших населенных пунктов; в крупных городах гиперопека самая слабо выраженная при высоких показателях эмоционального принятия, в городах-миллионниках ниже показатели и гиперопеки, и материнского принятия.

4. Пословицы, отражающие жизненные ориентации, связанные с направленностью на приспособляемость и стремление к личной выгоде, чаще выбираются юношами, а также жителями мелких населенных пунктов (поселков городского типа и деревень). Мировоззренческие установки, связанные с ценностями справедливости, поддержки, трудолюбия, характерны для подростков, матери которых проявляют высокую степень эмоционального принятия.

Заключение

Сегодня, когда воспитательная функция семьи в очередной раз претерпевает пересмотр, понимание того, как выстраивается материнское отношение к подростку, и как оно влияет на мировоззренческие ориентации последнего, кажется немаловажным. Настоящее исследование показало, что вышеназванное влияние действительно имеет место: чем больше мать может быть эмоционально доступной и принимающей по отношению к ребенку, при этом не сверхконтролирующей, тем в большей степени в своей жизни он руководствуется принципами поддержки, трудолюбия, справедливости. Большее проявление гиперопеки (при эмоциональной отстраненности) по отношению к мальчикам, нехватка ресурсов на эмоциональный контакт у многодетных матерей (что примечательно — в полных семьях даже более выраженная, чем у матерей-одиночек), повышенная материнская опека в маленьких населенных пунктах и отсутствие эмоциональной связи с детьми в городах-миллионниках — выявленные в рамках настоящего исследования «факторы риска» развития деструктивных мировоззренческих установок у подростков, связанных с инструментальным отношением к другим. Перечисленные тенденции требуют углубленного исследования, в том числе и с точки зрения возможности их нивелирования при помощи социальных мер и повышения психологической осведомленности родителей.

Литература

1. *Арестова О.Н.* Интуитивное понимание смысла пословиц // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 129–138.
2. *Арестова О.Н.* Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 83–93.

3. *Буреломова А.С.* Социально-психологические особенности ценностей современных подростков: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013.
4. *Геворкян Т.В.* Подростки и родители о семье как ценности [Электронный ресурс] // Гуманизация образования. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostki-i-roditeli-o-semie-kak-tsennosti> (дата обращения: 05.06.2019).
5. *Дубовицкая Т.Д., Тулитбаева Г.Ф.* Пословицы как стимульный материал для создания психодиагностических методик // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 84–89.
6. *Зотова Р.А., Кондратюк О.Е., Цветкова Н.А.* Особенности стилей родительского воспитания в семьях, проживающих в различных условиях [Электронный ресурс] // Проблемы современной науки и образования. 2015. Т. 39. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-stiley-roditelskogo-vospitaniya-v-semyah-prozhivayuschih-v-razlichnyh-usloviyah> (дата обращения: 05.06.2019).
7. *Калина О.Г., Холмогорова А.Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2012. 112 с.
8. *Кочеткова Т.Н.* Характер отношений родителей к детям в полной и неполной семье // Перспективы науки. 2015. № 8. С. 24–28.
9. *Кузнецова Е.Г.* К вопросу формирования ценностных ориентаций подростков // Вестник ОГУ. 2012. Т. 138. № 2. С. 198–203.
10. *Лазарева Т.А.* Отражение социальной нормы в ценностных ориентациях подростка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 371–377.
11. *Леонтьев Д.А., Тарвид Е.В.* Выбор пословиц как мировоззренческая проекция // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 7. С. 70–71.
12. *Подольский А.И., Идובהва О.А.* Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическими характеристиками их учителей и родителей // Национальный психологический журнал. 2016. Т. 22. № 2. С. 84–92. DOI:10.11621/npj.2016.0208
13. *Реан А.А.* Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 26. № 2. С. 85–91.
14. *Реан А.А., Коновалов И.А., Новикова М.А.* Семья в представлении подростков с просоциальным и асоциальным поведением // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2018. № 1. С. 75–88.
15. *Смык Ю.В.* Соотношение детско-родительских ценностей в коммуникативном пространстве современной семьи [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/23PSMN416.pdf> (дата обращения: 10.06.2019).
16. *Толстых Н.Н.* Подростки и их родители: что ценят и чего хотят сегодня? // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 70–78.
17. *Хижкина Н.А.* Влияние семьи на формирование ценностных ориентаций подростков // Вестник ТГУ. 2007. № 10. С. 140–144.
18. *Ainsworth M.S.* Infant–mother attachment // American psychologist. 1979. Vol. 34(10). P. 932–937.
19. *Akhtar Z.* Attachment styles of adolescents: Characteristics and contributing factors // Academic Research International. 2012. Vol. 2(2). P. 613–621.
20. *Aktan G.B., Kumpfer K.L., Turner C.W.* Effectiveness of a family skills training program for substance use prevention with inner city African-American families // Substance Use & Misuse. 1996. Vol. 31(2). P. 157–175. DOI:10.3109/10826089609045805
21. *Bowlby J.* The Making and Breaking of Affectional Bonds: II. Some Principles of Psychotherapy: The Fiftieth Maudsley Lecture (expanded version) // The British Journal of Psychiatry. 1977. Vol. 130(5). P. 421–431.
22. *Buss K.A., Brooker R.J., Leuty M.* Girls most of the time, boys some of the time: Gender differences in toddlers' use of maternal proximity and comfort seeking // Infancy. 2008. Vol. 13(1). P. 1–29. First published: 03 February 2010. DOI:10.1080/15250000701779360

23. *Canetti L., Bachar E., Galili-Weisstub E., De-Nour A.K., Shalev A.Y.* Parental bonding and mental health in adolescence // *Adolescence*. 1997. Vol. 32(126). P. 381–394.
24. *Enns M.W., Cox B.J., Clara I.* Parental bonding and adult psychopathology: results from the US national comorbidity survey // *Psychological Medicine*. 2002. Vol. 32. P. 997–1008. DOI:10.1017/S0033291702005937
25. *Liu Y.L.* Parent–child interaction and children’s depression: the relationships between Parent–Child interaction and children’s depressive symptoms in Taiwan // *Journal of adolescence*. 2003. Vol. 26(4). P. 447–457. DOI:10.1016/S0140-1971(03)00029-0
26. *Mak A.S.* Parental neglect and overprotection as risk factors in delinquency // *Australian Journal of Psychology*. 1994. Vol. 46. P. 107–111.
27. *Martin G., Waite S.* Parental bonding and vulnerability to adolescent suicide // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1994. Vol. 89(4). P. 246–254. DOI:10.1111/j.1600-0447.1994.tb01509.x
28. *Palmer R.L., Oppenheimer R., Marshall P.D.* Eating-disordered patients remember their parents: A study using the parental-bonding instrument // *International Journal of Eating Disorders*. 1988. Vol. 7(1). P. 101–106. DOI:10.1002/1098-108X(198801)7:1<101::AID-EAT2260070110>3.0.CO;2-8
29. *Parker G., Tupling H., Brown L.B.* A parental bonding instrument // *British journal of medical psychology*. 1979. Vol. 52(1). P. 1–10. DOI:10.1111/j.2044-8341.1979.tb02487.x
30. *Parker G.* Parental “affectionless control” as an antecedent to adult depression: a risk factor delineated // *Archives of General Psychiatry*. 1983. Vol. 40(9). P. 956–960. DOI:10.1001/archpsyc.1983.01790080038005
31. *Rigby K., Slee P.T., Martin G.* Implications of inadequate parental bonding and peer victimization for adolescent mental health // *Journal of Adolescence*. 2007. Vol. 30(5). P. 801–812. DOI:10.1016/j.adolescence.2006.09.008
32. *Roe A., Siegelman M.* A parent-child relations questionnaire // *Child Development*. 1963. Vol. 34. P. 355–359.
33. *Schafer E.S.* Children report of parental behavior // *An inventory Child Development*. 1965. Vol. 36(1965). P. 413–414.
34. *Silove D., Parker G., Hadzi-Pavlovic D., Manicavasagar V., Blaszczyński A.* Parental representations of patients with panic disorder and generalized anxiety disorder // *British Journal of Psychiatry*. 1991. Vol. 159. P. 835–841. DOI:10.1192/bjp.159.6.835
35. *Simons R.L., Beaman J., Conger R.D., Chao W.* Stress, support, and antisocial behavior trait as determinants of emotional well-being and parenting practices among single mothers // *Journal of Marriage and Family*. 1993. Vol. 55(2). P. 385–398. DOI:2307/352809
36. *Stein D., Williamson D.E., Birmaher B., Brent D.A., Kaufman J., Dahl R.E., Ryan N.D.* Parent–child bonding and family functioning in depressed children and children at high risk and low risk for future depression // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2000. Vol. 39(11). P. 1387–1395. DOI:10.1097/00004583-200011000-00013
37. *Tiet Q.Q., Huizinga D., Byrnes H.F.* Predictors of resilience among inner city youths // *Journal of Child and Family Studies*. 2010. Vol. 19(3). P. 360–378. DOI:10.1007/s10826-009-9307-5
38. *Tikhomirova T., Malykh S.* Adaptation of the Russian-Language Version of the Parental Bonding Instrument // *ICPE 2018 International Conference on Psychology and Education*. 2018. P. 671–678.
39. *Wilhelm K.A.Y., Niven H., Parker G., Hadzi-Pavlovic D.* The stability of the Parental Bonding Instrument over a 20-year period // *Psychological medicine*. 2005. Vol. 35(3). P. 387–393. DOI:10.1017/S0033291704003538
40. *Wu N., Lester P., Jiang L., Weiss R., Slocum S., Rotheram-Borus M.J.* Substance use among adolescents of parents living with HIV in New York City // *Substance use & misuse*. 2011. Vol. 46(6). P. 795–807. DOI:10.3109/10826084.2010.538262

References

1. Arestova O.N. Intuitivnoe ponimanie smysla poslovits [Intuitive understanding of the meaning of proverbs]. *Voprosy psikhologii = Issues of Psychology*, 2011, no. 2, pp. 129–138. (in Russ.).
2. Arestova O.N. Affektivnye iskazheniya v ponimanii poslovits [Affective corruptions in the understanding of proverb]. *Voprosy psikhologii = Issues of Psychology*, 2006, no. 1, pp. 83–93. (in Russ.).
3. Burelomova A.S. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti tsennosti sovremennykh podrostkov. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. [Social and psychological peculiarities of values of modern adolescents. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2013. (in Russ.).
4. Gevorkyan T.V. Podrostki i roditeli o sem'e kak tsennosti [Elektronnyi resurs] [Adolescents and parents on family as a value]. *Gumanizatsiya obrazovaniya = Humanization of Education*, 2009, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podrostki-i-roditeli-o-semie-kak-tsennosti> (Accessed: 05.06.2019). (in Russ.).
5. Dubovitskaya T.D., Tulitbaeva G.F. Poslovitsy kak stimul'nyi material dlya sozdaniya psikhodiagnosticheskikh metodik [Proverbs as stimuli for development of psychodiagnostic instruments]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2016. Vol. 9, no. 1, pp. 84–89. (in Russ.).
6. Zotova R.A., Kondratyuk O.E., Tsvetkova N.A. Osobennosti stilei roditel'skogo vospitaniya v sem'yakh, prozhivayushchikh v razlichnykh usloviyakh [Elektronnyi resurs] [Peculiarities of the parenting styles in families living in different environments]. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya = Problems of Modern Science and Education*, 2015. Vol. 39, no 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-stiley-roditel'skogo-vospitaniya-v-semyah-prozhivayushchih-v-razlichnykh-usloviyakh> (Accessed 05.06.2019). (in Russ.).
7. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. Rol' ottsa v psikhicheskom razvitii rebenka [Father's role in the psychical development of a child]. Moscow, 2012. 112 p. (in Russ.).
8. Kochetkova T.N. Kharakter otnoshenii roditel'ei k detyam v polnoi i nepolnoi sem'e [Parental attitudes towards children in full and non-full families]. *Perspektivy nauki = Perspectives of Science*, 2015, no. 8, pp. 24–28. (in Russ.).
9. Kuznetsova E.G. K voprosu formirovaniya tsennostnykh orientatsii podrostkov [On the issue of development of values-based orientations of adolescents]. *Vestnik OGU = OGU Newsletter*, 2012. Vol. 138, no. 2, pp. 198–203. (in Russ.).
10. Lazareva T.A. Otrazhenie sotsial'noi normy v tsennostnykh orientatsiyakh podrostka [Reflection of social norms on values-based orientations of adolescents]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena = Newsletter of Gertsen RGPU*, 2009, no. 102, pp. 371–377. (in Russ.).
11. Leont'ev D.A., Tarvid E.V. Vybor poslovits kak mirovozzrencheskaya proektsiya [Choice of proverbs as a mindset projection]. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki = Newsletter of YuFU. Technical Sciences*, 2005, no. 7, pp. 70–71. (in Russ.).
12. Podol'skii A.I., Idobaeva O.A. Svyaz' tsennostnykh orientatsii sovremennykh podrostkov s psikhologicheskimi kharakteristikami ikh uchitelei i roditel'ei [Link between values-based orientations of modern adolescents, their parents and teachers]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2016. Vol. 22, no 2, pp. 84–92. DOI:10.11621/npj.2016.0208 (in Russ.).
13. Rean A.A. Vospriyatie materi: obshchie tendentsii i genderno-sotsial'nye osobennosti [Perception of mother: main tendencies and social and gender peculiarities]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 85–91. (in Russ.).
14. Rean A.A., Kononov I.A., Novikova M.A. Sem'ya v predstavlenii podrostkov s prosotsial'nym i asotsial'nym povedeniem [Family in the perception of adolescents with prosocial antisocial behavior]. *Mir psikhologii. Nauchno-metodicheskii zhurnal = World of Psychology. Scientific and methodological Journal*, 2018, no.1, pp. 75–88. (in Russ.).

15. Smyk Yu.V. Sootnoshenie detsko-roditel'skikh tsennostei v kommunikativnom prostranstve sovremennoi sem'i [Elektronnyi resurs] [Relation between child-parent values in the field of communication of modern family]. *Internet-zhurnal «Mir nauki» = Internet-based Journal "World of Science"*, 2016. Vol. 4, no. 4. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/23PSMN416.pdf> (Accessed: 10.06.2019). (in Russ.).
16. Tolstykh N.N. Podrostki i ikh roditeli: chto tsenyat i chego khotyat segodnya? [Adolescents and their parents: what are the values and what do they want today?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2012, no. 4, pp. 70–78. (in Russ.).
17. Khizhkina N.A. Vliyaniye sem'i na formirovaniye tsennostnykh orientatsii podrostkov [Family influence on the development of values-based orientations of adolescents]. *Vestnik TGU = Newsletter of TGU*, 2007, no. 10, pp. 140–144. (in Russ.).
18. Ainsworth M.S. Infant–mother attachment. *American psychologist*, 1979. Vol. 34(10), pp. 932–937.
19. Akhtar Z. Attachment styles of adolescents: Characteristics and contributing factors. *Academic Research International*, 2012. Vol. 2(2), pp. 613–621.
20. Aktan G.B., Kumpfer K.L., Turner C.W. Effectiveness of a family skills training program for substance use prevention with inner city African-American families. *Substance Use & Misuse*, 1996. Vol. 31(2), pp. 157–175. DOI:10.3109/10826089609045805
21. Bowlby J. The Making and Breaking of Affective Bonds: II. Some Principles of Psychotherapy: The Fiftieth Maudsley Lecture (expanded version). *The British Journal of Psychiatry*, 1977. Vol. 130(5), pp. 421–431.
22. Buss K.A., Brooker R.J., Leuty M. Girls most of the time, boys some of the time: Gender differences in toddlers' use of maternal proximity and comfort seeking. *Infancy*, 2008. Vol. 13(1), pp. 1–29. DOI:10.1080/15250000701779360
23. Canetti L., Bachar E., Galili-Weisstub E., De-Nour A.K., Shalev A.Y. Parental bonding and mental health in adolescence. *Adolescence*, 1997. Vol. 32(126), pp. 381–394.
24. Enns M.W., Cox B.J., Clara I. Parental bonding and adult psychopathology: results from the US national comorbidity survey. *Psychological Medicine*, 2002. Vol. 32, pp. 997–1008. DOI:10.1017/S0033291702005937
25. Liu Y.L. Parent–child interaction and children's depression: the relationships between Parent–Child interaction and children's depressive symptoms in Taiwan. *Journal of adolescence*, 2003. Vol. 26(4), pp. 447–457. DOI:10.1016/S0140-1971(03)00029-0
26. Mak A.S. Parental neglect and overprotection as risk factors in delinquency. *Australian Journal of Psychology*, 1994. Vol. 46, pp. 107–111.
27. Martin G., Waite S. Parental bonding and vulnerability to adolescent suicide. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 1994. Vol. 89(4), pp. 246–254. DOI:10.1111/j.1600-0447.1994.tb01509.x
28. Palmer R.L., Oppenheimer R., Marshall P.D. Eating-disordered patients remember their parents: A study using the parental bonding instrument. *International Journal of Eating Disorders*, 1988. Vol. 7(1), pp. 101–106. DOI:10.1002/1098-108X(198801)7:1<101::AID-EAT2260070110>3.0.CO;2-8
29. Parker G., Tupling H., Brown L.B. A parental bonding instrument. *British journal of medical psychology*, 1979. Vol. 52(1), pp. 1–10. DOI:10.1111/j.2044-8341.1979.tb02487.x
30. Parker G. Parental “affectionless control” as an antecedent to adult depression: a risk factor delineated. *Archives of General Psychiatry*, 1983. Vol. 40(9), pp. 956–960. DOI:10.1001/archpsyc.1983.01790080038005
31. Rigby K., Slee P.T., Martin G. Implications of inadequate parental bonding and peer victimization for adolescent mental health. *Journal of Adolescence*, 2007. Vol. 30(5), pp. 801–812. DOI:10.1016/j.adolescence.2006.09.008
32. Roe A., Siegelman M. A parent-child relations questionnaire. *Child Development*, 1963. Vol. 34, pp. 355–359.

33. Schafer E.S. Children report of parental behavior. *An inventory Child Development*, 1965. Vol. 36, pp. 413–414.
34. Silove D., Parker G., Hadzi-Pavlovic D., Manicavasagar V., Blaszczyński A. Parental representations of patients with panic disorder and generalized anxiety disorder. *British Journal of Psychiatry*, 1991. Vol. 159, pp. 835–841. DOI:10.1192/bjp.159.6.835
35. Simons R.L., Beaman J., Conger R.D., Chao W. Stress, support, and antisocial behavior trait as determinants of emotional well-being and parenting practices among single mothers. *Journal of Marriage and Family*, 1993. Vol. 55(2), pp. 385–398. DOI:2307/352809
36. Stein D., Williamson D.E., Birmaher B., Brent D.A., Kaufman J., Dahl R.E., Ryan N.D. Parent–child bonding and family functioning in depressed children and children at high risk and low risk for future depression. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 2000. Vol. 39(11), pp. 1387–1395. DOI:10.1097/00004583-200011000-00013
37. Tiet Q.Q., Huizinga D., Byrnes H.F. Predictors of resilience among inner city youths. *Journal of Child and Family Studies*, 2010. Vol. 19(3), pp. 360–378. DOI:10.1007/s10826-009-9307-5
38. Tikhomirova T., Malykh S. Adaptation of the Russian-Language Version of the Parental Bonding Instrument. *ICPE 2018 International Conference on Psychology and Education*, 2018, pp. 671–678.
39. Wilhelm K.A.Y., Niven H., Parker G., Hadzi-Pavlovic D. The stability of the Parental Bonding Instrument over a 20-year period. *Psychological medicine*, 2005. Vol. 35(3), pp. 387–393. DOI:10.1017/S0033291704003538
40. Wu N., Lester P., Jiang L., Weiss R., Slocum S., Rotheram-Borus M.J. Substance use among adolescents of parents living with HIV in New York City. *Substance use & misuse*, 2011. Vol. 46(6), pp. 795–807. DOI:10.3109/10826084.2010.538262

Информация об авторах

Новикова Мария Александровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-4240>, e-mail: mnovikova@hse.ru

Реан Артур Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Институт образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: arean@hse.ru

Information about the authors

Maria A. Novikova, PhD in Psychology, Research Fellow, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-4240>, e-mail: mnovikova@hse.ru

Artur A. Rean, Doctor of Psychology, Professor at the Psychology chair, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, e-mail: arean@hse.ru

Получена 14.08.2019

Принята в печать 08.04.2021

Received 14.08.2019

Accepted 08.04.2021

Оценка распространенности насилия в России с помощью ретроспективного опроса молодежи

Волкова Е.Н.

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru**

Волкова И.В.

**ФГБУ «Российская академия образования» (ФГБУ РАО),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atrila@mail.ru**

Исаева О.М.

**ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»)
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru**

Цель. Оценка распространенности насилия среди детей, родившихся в России в 1980-е годы, в начале и конце 1990-х годов, с помощью ретроспективного опроса молодежи.

Контекст и актуальность. Оценка распространенности насилия над детьми представляет собой не решенную до конца научную и методическую проблему. Существуют разногласия в подходах к оценке распространенности насилия, в интерпретации полученных результатов. Однако главной является проблема надежных измерительных инструментов. Многие исследования показывают широкую вариативность в оценке распространенности и даже в сравняемых параметрах; еще большие расхождения возникают, если речь идет о выявлении факторов и последствий насилия над ребенком. Такая широкая вариативность оценок связывается с недостаточным качеством самих измерительных инструментов и процедур исследования.

Дизайн исследования. В работе анализировались данные о распространенности насилия у «постсоветских детей», «детей 90-х» и «детей 21 века». Наличие и характер взаимосвязи проверялись с помощью методов математической статистики (корреляционный анализ и анализ значимости различий).

Выборка. Выборка исследования состояла из 537 человек в возрасте от 18 до 24 лет ($M=20,23$, $SD=1,84$), проживающих на территории Российской Федерации. Выборка респондентов 2006 года включала в себя 144 человека (25,7% мальчиков, 74,3% девочек), 2012 года – 203 человека (36,4% мальчиков, 63,6% девочек), 2018 года – 190 человек (35,7% мальчиков, 64,3% девочек).

Методы. Международный опросник ICAS-T-R (ICAS-T-Retrospective) (в адаптации Е.Н. Волковой, О.М. Исаевой).

Результаты. Сравнительный анализ распространенности насилия у «детей 21 века», «постсоветских детей» и «детей 90-х» показал, что между этими группами наблюдается скорее сходство, чем различия в выраженности видов, форм насилия и частоты их встречаемости

(за исключением случаев сексуального насилия, процент случаев которого значительно снижается от 2006 года исследования к 2018 году).

Основные выводы. Ретроспективный опрос молодежи с помощью ICAST-R позволяет оценить распространенность насилия среди детей, а также состояние системы защиты детей от насилия и содержание общественных представлений в отношении насилия над детьми.

Ключевые слова: ICAST-R, ретроспективный опрос, распространенность насилия, насилие над детьми.

Для цитаты: Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М. Оценка распространенности насилия в России с помощью ретроспективного опроса молодежи // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120210>

Prevalence of Violence Estimation in Russia through a Retrospective Youth Survey

Elena N. Volkova

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Irina V. Volkova

Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atril@mail.ru

Oksana M. Isaeva

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Objective. *Estimating the prevalence of violence among children born in Russia in the 1980s, in the early 1990s and in the late 1990s using a retrospective youth survey.*

Background. *Assessing the prevalence of a child abuse is an unresolved scientific and methodological problem. There are disagreements in approaches to assess the prevalence of violence, in interpreting the results. However, the main problem is the problem of reliable measuring instruments. Many studies show a wide variability in estimating prevalence and even in compared parameters; even greater discrepancies arise when it comes to identifying the factors and consequences of child abuse. Such a wide variability of estimation is associated with the insufficient quality of the measuring instruments and research procedures themselves.*

Study design. *The sampling analyzed data on the prevalence of violence among “post-Soviet children”, “children of the 90s” and “children of the 21st century”. The presence and nature of the relationship was checked using methods of mathematical statistics (correlation analysis and analysis of the significance of differences).*

Participants. *The study sample consisted of 537 people aged 18 to 24 years ($M=20.23$, $SD=1.84$) living in the Russian Federation. The 2006 sample of respondents included 144 people (25,7% of boys, 74,3% of girls), 2012 – 203 people (36,4% of boys, 63,6% of girls), 2018 – 190 people (35,7% of boys, 64,3% of girls).*

Measurements. *International Questionnaire ICAST-R (ICAST-Retrospective) (adapted by E.N. Volkova, O.M. Isaeva).*

Results. *A comparative analysis of the prevalence of violence among “children of the 21st century”, “post-Soviet children” and “children of the 90s” showed that there is more similarity between these groups than differences in the severity of types, forms of violence and their frequency of occurrence*

(with the exception of cases of sexual violence, the percentage of cases of which is significantly reduced from the 2006 study to the 2018th year).

Conclusions. *A retrospective survey of young people using ICAST-R allows you to assess the prevalence of violence among children, as well as the state of the child protection system from violence and the content of public perceptions regarding child abuse.*

Keywords: *ICAST-R, retrospective survey, prevalence of violence, child abuse.*

For citation: Volkova E.N., Volkova I.V., Isaeva O.M. Prevalence of Violence Estimation in Russia through a Retrospective Youth Survey. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120210> (In Russ.).

Введение

В конце XX—начале XXI веков крупнейшие международные организации провели серию масштабных исследований, связанных с проблемой насилия и жестокого обращения с детьми. Результаты этих исследований были обобщены в серии докладов [4; 9], материалы которых позволили оценить качество жизни детей в разных странах, угрозы и риски их физическому, личностному и социальному развитию. В качестве критерия такого сравнения выступали данные о распространенности насилия над детьми, которые, по сути, позволяли получить ответ на вопрос об уровне благополучия жизни в стране не по традиционному принятым критериям экономической активности и эффективности деятельности, а по критерию благополучия детей, прогнозирующему перспективы развития того или иного общества.

Сегодня оценка распространенности насилия над детьми также используется многими организациями для определения эффективности применяемых мер улучшения качества жизни. Распространенность насилия над детьми в последнее время все чаще включается в качестве самостоятельного критерия и в различные программы международного мониторинга. Например, в данных PISA — Международной программы до-

стижений учащихся — приводятся сведения о распространенности буллинга — школьной травмы, что в сопоставлении с результатами академических достижений детей фактически показывает психологическую цену этих успехов [8].

Многие государства, особенно подписавшие Конвенцию о правах ребенка, используют оценку распространенности насилия как многоплановую и систематическую основу для разработки стратегии в развитии системы защиты детей. Результаты сравнительного анализа распространенности насилия, отслеживаемые на протяжении времени, позволяют оценить эффективность усилий деятельности государства в обеспечении права ребенка на полноценную жизнь и динамику благополучия детей в стране.

Однако оценка распространенности насилия над детьми представляет собой не решенную до конца научную и методическую проблему. Существуют разногласия в подходах к оценке распространенности насилия, в интерпретации полученных результатов. Однако главной проблемой является проблема надежных измерительных инструментов. Многие исследования показывают широкую вариативность в оценке распространенности и даже в сравниваемых параметрах [14; 15; 16]. Еще большие расхождения возникают, если речь идет о выявлении факторов и последствий на-

силы над ребенком [13]. Такая широкая вариативность оценок связывается авторами, в первую очередь, с недостаточным качеством самих измерительных инструментов и процедур исследования.

Один из самых популярных современных подходов в изучении распространенности насилия над детьми состоит в опрашивании молодежи о событиях, которые происходили в их недавнем детстве [14; 18]. Ретроспективная самооценка, анонимный рассказ взрослого человека об опыте пережитого насилия признается исследователями одним из наиболее эффективных способов сбора данных. Использование ретроспективных вопросов получило такое признание потому, что люди часто хорошо помнят ключевые события своей жизни, особенно если эти события были эмоционально окрашены. Переживания, сопровождающие то или иное событие, а также повторяемость событий или действий — это важные условия перехода информации из кратковременной памяти в долговременную [1]. Ситуации насилия, безусловно, являются таковыми.

Многие ретроспективные опросники оценки насилия, опубликованные сегодня, весьма различаются друг от друга по количеству и специфике предлагаемых вопросов, процедуре проведения опроса и целевой группе, на которую они ориентированы [17; 19]. Преимущества и ограничения этих опросников, представленные в публикациях [3; 12], были учтены при разработке международного измерительного инструмента — ретроспективного опросника для оценки распространенности насилия над детьми ICASST-R. Этот опросник был разработан международной исследовательской группой в 2006 году при поддержке международного общества по предотвращению насилия и жестокого обращения

с детьми (ISPCAN). Специалисты более 30 стран приняли участие в обсуждении общей структуры и содержания опросника. Опросник включает в себя 26 вопросов, объединенных в четыре раздела: общая информация о респонденте, вопросы относительно физического, эмоционального и сексуального насилия. Одним из важных отличий является то, что этот опросник фокусируется на относительно небольшом числе показателей поведенческих проявлений, наиболее типичных в различных культурах. Второе важное отличие заключается в том, что контекст неблагоприятных событий, например, разница в возрасте между агрессором и жертвой или социальная обстановка, в которой происходят события, не используется для оценки насилия. Эти обстоятельства делают ретроспективный опросник ICASST-R удобным инструментом для проведения так называемых панельных исследований, совмещающих в себе преимущества социально-психологического анализа и социально-управленческого мониторинга.

Данная статья представляет собой попытку изучения эффективности системы защиты детей в Российской Федерации с помощью ретроспективного анализа. **Целью нашего исследования** являлась оценка распространенности насилия среди детей, родившихся в России в 1980-е годы, в начале и конце 1990-х годов, с помощью ретроспективного опросника ICASST-R.

Целевые группы исследования были сформированы нами следующим образом.

Первая группа респондентов, заполнявших опросник в 2006 году, — это респонденты, рожденные в восьмидесятих годах (1982—1988 г.р.), детство которых пришлось на годы распада Советского Союза, развала сильной государственной системы защиты детства.

90-е годы двадцатого века были сложным периодом в жизни нашей страны. Трансформация социально-экономических и общественных отношений резко снизила уровень жизни населения, скачкообразно возросли потребительские цены, снизились реальные доходы населения. Сложная социально-экономическая ситуация не могла не отразиться на институте семьи, системе образования, здравоохранения и вследствие этого на положении детей. В этот период резко сократилось число браков, увеличилось число разводов. Сформировалась устойчивая тенденция рождения детей вне семьи и брака, роста количества детей, растущих без родителей (социальные и фактические сироты), а также детей-отказников, то есть детей, которых матери по тем или иным причинам оставили в родильных домах. Общая ситуация произвола и криминогенная обстановка стимулировали рост преступлений в отношении детей.

В этих условиях правительством разрабатывались экономические и социальные программы, а также комплекс неотложных мер, направленных на выход России из кризиса. Среди основных стоит отметить законодательные меры в области семьи и детства. Так, в начале 90-х годов были приняты закон «О дополнительных мерах по охране материнства и детства» (1992 г.), Указы Президента Российской Федерации «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания и развития детей в 90-е гг.» [5; 6; 7]. В 1994 году была утверждена федеральная программа «Дети России» [2]. В ноябре 1995 г. был принят Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации», который стал

основой законодательной базы в сфере социальной защиты населения [5; 6; 7]. С принятием Концепции развития социального обслуживания населения в Российской Федерации (август 1993 г.) произошел переход к системе социальной защиты, принятой в европейских странах.

Включение России в мировое сообщество в начале 90-х годов стимулировало всплеск общественной активности и волонтерского движения. Появилось большое число общественных организаций, работающих с детьми. Основными принципами работы специалистов-педагогов, психологов, педиатров, социальных педагогов, инспекторов по делам несовершеннолетних стали принципы активности и ответственности, консолидации усилий. Все это позволило осваивать и разрабатывать эффективные практики работы с детьми, подростками и молодежью. В начале 90-х годов двадцатого века существовало свыше 340 организаций, занимавшихся проблемами детства по всей России. Эти организации существенно различались по своим целям, задачам, организационной структуре, направлениям деятельности. Как правило, данные организации были созданы либо родителями детей с особым (часто неблагополучным) развитием, либо профессионалами, которые ежедневно сталкивались с проблемами ребенка и не могли их решить в рамках функционала деятельности государственной организации. В этот период закладывались основы эффективного социального партнерства между государством и обществом для обеспечения прав каждого ребенка на полноценную жизнь. По вопросам защиты прав детей Россия в 90-х годах XX века сделала большой шаг вперед, ратифицировав Конвенцию ООН о правах ребенка. В России были

признаны гуманистические принципы в отношении прав детей, как и во всем демократическом мире. В соответствии с этим были разработаны и внесены поправки в Семейный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, принят Федеральный закон о гарантиях прав ребенка [5; 6; 7].

Однако в полной мере реализацию данных правительственных начинаний можно было почувствовать только к концу 90-х годов.

Вторая группа респондентов, заполнявших опросник об опыте пережитого в детстве насилия в 2012 году, — это группа детей, рожденных в 1988–1994 гг., детство которых проходило на рубеже веков.

В этот период произошла серьезная модернизация систем образования, здравоохранения, поддержки ребенка, находящегося в трудных жизненных условиях. Система социального обеспечения была заменена системой социальной защиты, которая позволяла достаточно оперативно реагировать на проблемы детства, возникающие в процессе трансформации рыночных отношений. В этот период в Российской Федерации получили развитие новые учреждения: центры психолого-педагогической помощи семье и детям, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями и многие другие.

Третья группа испытуемых — это юноши и девушки, заполнявшие опросник в 2018 году, рожденные в конце 90-х, начале 2000-х гг. (1994–2000 г.р.), чье детство пришлось на начало 21 века.

Это время системной работы по профилактике насилия и жестокого обращения в отношении детей: вступают в силу федеральные законы, создаются и полноценно работают национальные

фонды, реализуются национальные программы, а также функционируют некоммерческие организации, призванные обеспечить счастливое детство. Проводится обучение специалистов навыкам выявления детей, пострадавших от насилия, реагирования на выявленные случаи, а также оказания поддержки им. Активно действует общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению с детьми, в ходе которой проводится просвещение населения, в том числе об ответственности за применение насилия над детьми, о деятельности различных социальных служб и учреждений, служб экстренной помощи детям и семьям. Совместными усилиями Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и Национального фонда защиты детей от жестокого обращения в сентябре 2010 г. открывается единая для России линия детского телефона доверия [2; 7; 10; 11].

Первое десятилетие XXI века отмечено в России принятием Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, и на основе достигнутых результатов 2018–2027 годы объявлены в России Десятилетием детства. Это, несмотря на широкий круг задач, которые еще предстоит решить, несомненно, уникальное социальное достижение.

В представленной статье в соответствии с периодами развития системы защиты детей в новейшей истории России мы хотели бы представить результаты сравнительного исследования распространенности насилия над детьми в трех группах:

- среди родившихся в России в 1980-е годы и еще ощутивших на себе достижения советской системы защиты детства (группа «постсоветские дети»);

- среди родившихся в начале 1990-х годов, в самый сложный период социальных и экономических потрясений российского общества (группа «дети 90-х»);

- среди родившихся в конце 1990-х— начале 2000-х годов, чье детство пришлось на период своеобразного ренессанса в развитии системы защиты детей (группа «дети начала XXI века»).

Метод

Схема проведения исследования. Респонденты заполняли ретроспективный опросник пережитого в детстве насилия.

Выборка исследования. Выборка исследования состояла из 537 человек в возрасте от 18 до 24 лет ($M=20,23$, $S=1,84$), проживающих на территории Российской Федерации. В ходе исследования мы учитывали результаты, собранные в 2006, 2012 и 2018 годах. Выборки были сопоставимы по количеству, полу, статусу респондентов. Выборка респондентов 2006 года включала в себя 144 человека (25,7% молодых людей, 74,3% девушек), 2012 года — 203 человека (36,4% молодых людей, 63,6% девушек), 2018 года — 190 человек (35,7% молодых людей, 64,3% девушек). 310 (89,3%) респондентов закончили 11 классов, 36 (10,4%) — 9 классов, 1 (0,2%) имеет только начальное образование. 60 (11,2%) человек проживают в селе или деревне, 195 (36,4%) — в маленьком городе, 260 (48,5%) — в большом городе, 21 (3,9%) человек выбрали категорию «Другое». 78 респондентов (14,5%) работают полный рабочий день, 128 (23,8%) — работают неполный день, 19 (3,5%) — работают, но не получают зарплату, 312 человек (58,1%) не работают. 1 (0,2%) человек учится в школе,

лицее или гимназии, 5 (0,9%) человек учатся в техникуме или колледже, 517 (96,3%) — учатся в университете, 14 (2,6%) — не получают никакого образования в момент опроса.

Методы исследования. Для исследования среди молодежи 18—24 лет опыта пережитого в детстве насилия нами был использован международный опросник ICAST-R (ICAST-Retrospective). Опросник был разработан сотрудниками Университета г. Брисбан, Австралия (Queensland University of Technology, Brisbane, Australia) под руководством профессоров М. Дунном (Michael P Dunne) и Б. Макфарлэнном (Bonnie Macfarlane) в 2006 году и адаптирован к российским условиям Е.Н. Волковой, О.М. Исаевой [3; 12].

Результаты

Данные о распространенности насилия среди детей и подростков, полученные путем ретроспективного опроса молодежи в 2006, 2012, 2018 годах, представлены на рисунке и в табл. 1.

Как показывают результаты проведенного исследования, самым распространенным видом насилия во всех трех выборках является физическое насилие: 71,9% участвующих в исследовании «постсоветских детей», 53,2% «детей 90-х» и 66,8% «детей 21 века» сообщают о фактах физического насилия в отношении себя.

Эмоциональное насилие распространено чуть меньше, чем физическое насилие, но процент его значительный во всех трех группах. Две трети «постсоветских детей» (66,0%), 45,3% «детей 90-х» и 66,3% «детей 21 века» отметили, что испытывали различные формы эмоционального насилия.

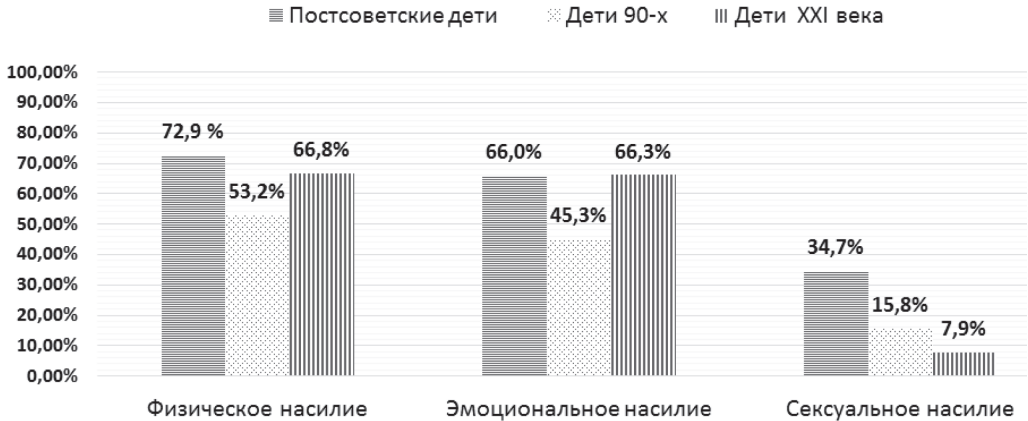


Рис. Распространенность видов насилия среди детей и подростков (на основе анализа данных 2006, 2012 и 2018 годов)

Таблица 1
Распространенность различных видов насилия среди детей и подростков (на основе анализа данных 2006, 2012 и 2018 годов)

Виды насилия	«Постсоветские дети» (выборка 2006 г.) (%)			«Дети 90-х» (выборка 2012 г.) (%)			«Дети 21 века» (выборка 2018 г.) (%)			Значение критерия и достоверность различий		
	Мальчики N=37	Девочки N=107	Всего N=147	Мальчики N=74	Девочки N=129	Всего N=203	Мальчики N=68	Девочки N=122	Всего N=190	χ^2 (df)	p	Зн.
Физическое насилие	75,7	71,9	72,9	63,5	47,3	53,2	77,9	60,6	66,8	6,17(2) 20,8(2) 23,2(2)	0,045 <0,001 <0,001	* *** ***
Эмоциональное насилие	48,6	71,9	66,0	47,3	44,2	45,3	69,1	64,7	66,3	8,24(2) 24,8(2) 25,8(2)	0,016 <0,001 <0,001	* *** ***
Сексуальное насилие	16,2	41,1	34,7	14,8	16,3	15,8	2,9	10,6	7,9	2,22(2) 22,6(2) 23,8(2)	0,321 <0,001 <0,001	НЗ *** ***

Примечание. Значимость различий: НЗ – не значимо ($p > 0,05$); * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

И физическому, и эмоциональному насилию в одинаковой мере подвергались как девочки, так и мальчики.

Наименее распространенным видом насилия среди детей во всех трех

группах является сексуальное насилие: одна треть (34,7%) «постсоветских детей», 15,8% «детей 90-х» и 7,9% «детей 21 века» были жертвами сексуального насилия. При этом сексуальному на-

силению чаще подвергаются девочки ($\chi^2(1)=8,2335$, $p=0,004$), физическому – мальчики ($\chi^2(1)=7,7494$, $p=0,005$). Частота встречаемости случаев сексуального насилия в группе «детей 21 века» меньше, чем у «постсоветских детей» и «детей 90-х» ($\chi^2(2)=23,88$, $p<0,001$).

Как показывают результаты табл. 2 и табл. 3, наиболее распространенными формами физического насилия у детей являются удары по телу рукой и ногой. Причем если девочек в выборке 2006 года ударили рукой несколько чаще, чем мальчиков (65,4% против 62,1%, $\chi^2(1)=0,017$, $p=0,8959$), то в выборке

Таблица 2
Распространенность различных форм насилия среди детей и подростков
(на основе анализа данных 2006, 2012 и 2018 годов)

Формы насилия	«Постсоветские дети» (выборка 2006 г.) (%)		«Дети 90-х» (выборка 2012 г.) (%)		«Дети 21 века» (выборка 2018 г.) (%)	
	Мальчики N=37	Девочки N=107	Мальчики N=74	Девочки N=129	Мальчики N=68	Девочки N=122
Физическое насилие						
Удары по телу (рукой)	62,1	65,4	60,8	40,3	70,6	51,6
Удары по телу (ногой)	40,5	21,5	17,6	8,5	27,9	14,7
Удары по телу с помощью предмета (палка, розги...)	16,2	28,0	20,3	19,4	36,8	33,6
Тряска	8,1	7,5	5,4	3,9	22,0	17,2
Порезы ножом или острым предметом	8,1	7,5	9,4	3,1	16,2	7,4
Эмоциональное насилие						
Оскорбление, критика	48,6	67,3	41,9	39,5	63,2	56,5
Произнесение слов «не люблю»	8,1	8,4	8,1	11,6	2,9	7,4
Произнесение фраз «Чтоб ты не родился» или «умер»	5,4	6,5	4,0	10,1	2,9	4,9
Угрозы убить ребенка	21,6	17,	16,2	9,3	20,6	16,4
Угрозы бросить ребенка или выгнать его из дома	2,7	0,0	6,7	6,9	2,9	6,5
Сексуальное насилие						
Экзгибционизм	10,8	26,2	10,8	10,8	2,9	6,5
Позирование обнаженным	2,7	4,6	1,3	0,0	1,5	0,0
Ощупывание интимных частей ребенка	10,8	19,6	8,1	4,6	1,5	3,3
Принуждение к ощупыванию интимных частей другого человека	8,1	8,4	2,7	1,5	1,5	3,3
Изнасилование	8,1	3,7	2,7	1,5	1,5	1,6

ках 2012 и 2018 гг. мальчики становятся жертвами данных форм физического насилия чаще девочек ($\chi^2(1)=4,84757$, $p=0,02769$; $\chi^2(1)=5,6977$, $p=0,01699$). Во всех трех выборках удары по телу рукой чаще всего встречаются у детей возраста 5–13 лет, удары по телу ногами — в возрасте 10–13 лет.

Интересен рост такой формы физического насилия, как тряска, у «детей 21 века» в сравнении с «постсоветскими детьми» и «детьми 90-х»: 22,0% мальчиков и 17,2% девочек в выборке 2018 года сообщают об этом. При этом процент детей, переживших тряску в возрасте до 5 лет, в выборках 2012 и 2018 гг. равен нулю, а в выборке 2006 года крайне мал — составляет 9,0%.

Самыми типичными формами эмоционального насилия являются оскорбления и критика детей: от одной до двух третьих всех детей, принявших участие в исследовании в разные периоды, столкнувшиеся с эмоциональным насилием в отношении себя, отмечают это. Наиболее часто данная форма на-

силия встречается в отношении детей 10–13 лет: 48,9% «постсоветских детей», 43,9% «детей 90-х» и 43,7% «детей 21 века» отметили это.

Второй по частоте встречаемости формой эмоционального насилия является угроза убить ребенка. В возрасте 10–13 лет, по данным опроса респондентов во всех трех выборках, данная форма насилия встречается чаще всего. При этом различия по полу для этой формы насилия не значимы ($\chi^2(1)=1,8421$, $p=0,1747$).

Экзгибационизм и ощупывание интимных частей ребенка — самые распространенные формы сексуального насилия. Девочки 14–18 лет чаще, чем мальчики, становятся жертвами такой формы насилия, как «ощупывание интимных частей ребенка». Изнасилование, как самая крайняя форма сексуального насилия, чаще всего встречается у детей в возрасте 14–18 лет. Все респонденты в выборке 2012 и 2018 годов отметили, что позировали обнаженными, находясь в возрасте до 5 лет.

Таблица 3
Распространенность форм насилия в соответствии с возрастом детей

Формы насилия	2006				2012				2018			
	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет
Физическое насилие (% от числа переживших конкретную форму насилия)												
Удары по телу (рукой)	10,7	36,5	35,4	19,3	6,2	49,4	22,6	22,6	1,8	47,7	37,8	12,6
Удары по телу (ногой)	2,63	28,9	50,0	23,6	0,0	33,3	33,3	33,3	2,7	24,3	40,5	32,4
Удары по телу с помощью предмета	13,9	52,7	30,5	8,3	2,5	65,0	25,0	7,5	3,0	68,1	22,7	6,0
Тряска	9,1	9,1	45,4	45,4	0,0	44,4	11,1	44,4	0,0	30,5	44,4	25,0
Порезы ножом или острым предметом	0,0	9,1	27,2	63,6	0,0	0,0	27,2	36,3	5,0	10,0	30,0	55,0

Формы насилия	2006				2012				2018			
	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет	до 5 лет	5–9 лет	10–13 лет	14–18 лет
Эмоциональное насилие (% от числа переживших конкретную форму насилия)												
Оскорбление, критика	1,1	13,3	48,9	37,7	2,4	25,6	43,9	28,0	7,1	26,8	43,7	22,3
Произнесение слов «Не люблю»	0,0	8,3	66,6	33,3	4,7	19,0	33,3	33,3	0,0	0,0	63,6	36,3
Произнесение фраз «Чтоб ты не родился» или «умер»	0,0	11,1	66,6	22,2	25,0	25,0	37,5	12,5	0,0	25,0	25,0	50,0
Угрозы (сделать больно, убить ребенка)	0,0	7,4	25,9	62,9	8,3	8,3	12,5	70,8	5,8	32,3	17,6	44,1
Угрозы бросить ребенка или выгнать его из дома	0,0	0,0	0,0	0,0	21,4	14,3	14,3	42,8	8,5	25,7	34,3	31,4
Сексуальное насилие (% от числа переживших конкретную форму насилия)												
Экзгибиционизм	15,6	21,8	40,6	6,2	4,5	18,2	27,2	45,4	30,0	50,0	10,0	10,0
Позирование обнаженным	0,0	50,0	33,3	16,6	100,0	0,0	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0
Ощупывание интимных частей ребенка	0,0	16,0	28,0	52,0	0,0	8,3	0,0	66,6	20,0	0,0	20,0	60,0
Принуждение к ощупыванию интимных частей другого человека	0,0	25,0	25,0	41,6	0,0	0,0	0,0	75,0	20,0	20,0	0,0	60,0
Изнасилование	0,0	14,3	28,5	57,1	0,0	0,0	0,0	100,0	33,3	0,0	0,0	66,6

Проведенное исследование показало, что около половины всех его участников (46,53% респондентов в выборке 2006 г., 58,62% – в выборке 2012 г. и 51,58% – в выборке 2018 г.) считают, что они испытывали в детстве намного меньше физического и эмоционального насилия, чем другие дети, и около 20% детей считают, что примерно также, как другие. При этом преобладающее большинство молодежи, пережившей насилие в детстве (71,6% «постсоветских детей», 82,7% «детей 90-х» и 76,8% «детей 21 века»),

воспринимает факты насилия как справедливые, дисциплинарные моменты воспитания, неспециальные действия взрослых по отношению к ним.

Если молодой человек, переживший насилие в детстве, считает, что это было несправедливо и случалось с ним чаще, чем с другими детьми, можно предположить, что он страдает от травмы, вызванной насилием. От травмы, полученной из-за эмоционального насилия, страдают 15,3% «постсоветских детей», 6,9% «детей 90-х» и 17,3% «детей XXI века» (разли-

чия значимы, $\chi^2(2)=10,647$, $p=0,004875$; см. табл. 4). От травмы, полученной из-за физического насилия, страдают 8,33% «постсоветских детей», 4,4% «детей 90-х» и 7,89% «детей XXI века» (различия не значимы, $\chi^2(2)=2,7151$, $p=0,2573$). Кроме того, можно отметить, что «дети 90-х» меньше страдают от травм, чем «постсоветские дети» и «дети XXI века».

Обсуждение результатов

Показатель распространенности насилия над детьми представляет собой один из важных индикаторов дееспособности системы защиты детства во многих странах мира. В начале 2000-х годов научное сообщество психологов, врачей, педагогов, юристов разработало измерительные инструменты группы ICAST для оценки распространенности насилия над детьми [20]. Культурная адаптация, апробация инструментов и пилотажные исследования в восьми государствах мира, включая Россию, показали хорошие измерительные возможности этих инструментов. В настоящее время проводятся исследования на основе опрос-

ников группы ICAST; сравнение результатов этих исследований показывает распространенность различных видов насилия над детьми в разных странах. Актуальное состояние распространенности насилия над детьми, зафиксированное в нашем исследовании (данные выборки 2018 года), обнаруживает следующие тенденции в сравнении с данными, обнаруженными в других исследовательских выборках, но при использовании инструмента группы ICAST. Распространенность физического насилия над детьми варьируется от 44,4% случаев в Италии до 61,5% случаев в Шри-Ланке. В наших исследованиях эта цифра достигает значения 66,8%. Распространенность эмоционального насилия – 66,3% – превышает значения этого показателя в других исследовательских группах (34,9% в Шри-Ланке, 36,3% в Южной Корее, 40,5% в Турции, 54% в Италии). Распространенность сексуального насилия – 7,89% в нашем исследовании – оказалась ниже, чем в Шри-Ланке (9,7%), в Турции (11%), в Эквадоре (11,5%) и в Италии (15,5%) [12].

Тенденции сходства и различия в оценке распространенности насилия

Таблица 4

Распространенность травмы от пережитого эмоционального и физического насилия

Виды насилия	«Постсоветские дети» (выборка 2006 г.) (%)	«Дети 90-х» (выборка 2012 г.) (%)	«Дети 21 века» (выборка 2018 г.) (%)	$\chi^2(df)$	p	Зн.
Физическое насилие	8,3	4,4	7,9	2,71(2)	0,257	НЗ
Эмоциональное насилие	15,3	6,9	17,3	10,65(2)	0,005	**

Примечание. Значимость различий: НЗ – не значимо ($p>0,05$); * – $p<0,05$; ** – $p<0,01$; *** – $p<0,001$.

чаще всего объясняют особенностями менталитета, условий жизни ребенка и традициями воспитания в той или иной культуре, а также эффективностью системы защиты детей. Признавая факт, что последние десятилетия в России отличались изменениями во всех сферах жизни, мы акцентировали свое внимание на изменениях в системе защиты детства, полагая, что эти изменения по своей широте и глубине превосходили перестройку ментальных структур, системы воспитания и условий жизни ребенка.

В нашем исследовании сравнительный анализ распространенности насилия у «детей 21 века», «постсоветских детей» и «детей 90-х» показал, что между этими группами наблюдается скорее сходство, чем различия в выраженности видов насилия и частоты их встречаемости, за исключением случаев сексуального насилия: процент случаев сексуального насилия значительно снижается от 2006 года исследования к 2018 году с 34,7% до 7,9% соответственно. Несмотря на то, что распространенность случаев сексуального насилия остается значительной, на наш взгляд, эта тенденция отражает рост дееспособности системы защиты детства в новейшей истории России.

Сексуальное насилие над детьми среди других видов насилия считается наиболее тяжелым по своим последствиям и сложным с точки зрения выявляемости и организации адекватной помощи. Снижение случаев сексуального насилия свидетельствует о том, что все элементы системы защиты детей получили импульс к развитию: осведомленность населения о проблеме и способах реагирования на нее, законодательная и нормативно-правовая база, адекватная инфраструктура, информационно-аналитическое обеспечение системы, междисциплинарные модели помощи, служ-

бы экстренного реагирования, система подготовки и повышения квалификации специалистов.

Изменение количества случаев физического и эмоционального насилия в сравниваемых выборках не столь заметно. При этом распространенность и физического, и эмоционального насилия значительная: более половины респондентов сообщили о случаях физического и эмоционального насилия. Можно сказать, что драки, побои, унижения, угрозы являлись и остаются привычным контекстом современной жизни, составляют ее обыденный фон. Высокий уровень физического и эмоционального насилия над ребенком связан, на наш взгляд, с определенным типом российской культуры воспитания, допускающей и даже разрешающей широкое применение физических наказаний, угроз, и в целом высоким уровнем насилия в обществе, в семье, в школе. Эмоциональное насилие и его распространенность тесно связаны с культурными нормами и принятыми способами взаимодействия людей в микро- и макрообществе. Серьезным фактором в распространении являются средства массовой информации и сеть Интернет. Телевизионные фильмы, передачи, социальные сети, компьютерные игры заполнены прямой и неявной пропагандой насилия. Даже реклама транслирует идею обыденности насилия и поэтому допустимости физического и эмоционального ущерба. Можно предположить, что схожие тенденции и высокий уровень физического и эмоционального насилия, зафиксированный в изучении трех групп респондентов, отражают влияние широких общественных установок российского общества и свидетельствуют об общем уровне психологического неблагополучия.

В нашем исследовании обнаружилось, что количество случаев физическо-

го и эмоционального насилия над детьми несколько снижалось от 2006 к 2012 году (физическое насилие снижается с 72,9% до 53,20%; эмоциональное — с 66,0% до 45,3%), но возрастало и достигало прежних цифр в 2018 году исследования. Казалось бы, переходные 90-е годы — сложный период в истории современной России, период становления демократического общества — должны были повлечь за собой непростую жизненную ситуацию, в которой оказались в том числе и дети. Вероятно, так и было. Каждый второй ребенок в стране испытывал на себе физическое (53,3%) и эмоциональное насилие (45,3%). Однако именно дети 90-х оказались в несколько лучшем психологическом положении, чем другие поколения: 77,7% всех детей этой группы отметили, что факты насилия были справедливы в отношении них и являлись дисциплинарными воздействиями, кроме того, у 55,17% детей было ощущение, что били и оскорбляли их намного меньше, чем других.

Россия начала 21 века — это страна с развивающейся системой защиты детства, в которой уже было многое сделано для поддержания благополучия детей. Но именно в 2000-х годах виден рост случаев насилия над ребенком. При этом 22,1% детей воспринимали насилие как несправедливое в отношении себя, не несущее никаких дисциплинарных воздействий. Причин данному факту мы находим несколько.

Во-первых, начало 21 века — время открытости и доступности любой информации, а также целенаправленного привлечения внимания населения к информационному контенту, связанному с темой насилия. Во-вторых, 2000-е годы — это время трансформации ценностей. Не случайно мы обнаруживаем и низкие показатели по сексуальному насилию в

отношении детей. Мы полагаем, что развитие системы защиты детей привело к снижению распространенности этого вида насилия, но при этом произошли и другие изменения: классические формы сексуального насилия уже не воспринимаются подрастающим поколением как насилие, приносящее ущерб физическому и психическому здоровью человека, а рассматриваются в качестве практики обыденной жизни.

Основные выводы

Проведенное исследование — ретроспективный опрос молодежи с помощью ICAST-R — позволило оценить распространенность насилия среди детей и подростков в разные периоды новейшей истории России. Результаты же оценки детского неблагополучия, индикатором которого выступает распространенность насилия и жестокого обращения, позволяют понять характер общественных трансформаций: тенденцию психологического неблагополучия и эмоциональной напряженности у современной молодежи, а также тенденцию к признанию насилия и отдельных его видов как обыденного явления современной жизни.

Существенные перемены обнаружены в распространенности сексуального насилия над детьми. Значительное снижение количества случаев сексуального насилия над детьми свидетельствует об укреплении и развитии системы защиты детства в новейшей истории России.

Вместе с тем анализ результатов показал, что распространенность и физического, и эмоционального насилия над детьми остается относительно неизменной (существует небольшая тенденция снижения), но при этом довольно значительной в количественном выражении на

всем протяжении анализируемого периода времени. Можно предположить, что эти виды насилия не рассматриваются в общественном и профессиональном сознании как особо угрожающие и требующие незамедлительного вмешательства. Между тем физическая и психологическая травматизация составляет основу многих видов деструктивного поведения.

Перспективы дальнейшей работы связаны с проведением популяционного исследования распространенности насилия среди детей и подростков, в котором будет проанализировано влияние пола и возраста ребенка на особенности пережитого им насилия, а также исследования влияния провокативных и превентивных факторов насилия в отношении детей.

Литература

1. *Бабич Н.С., Батыков И.В.* Достоверность социологических опросов потребителей: проблема получения ретроспективной информации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 14–18.
2. Благотворительный Фонд «Дети России». [Электронный ресурс]. URL: <https://russiankids.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
3. *Волкова Е.Н., Исаева О.М.* Возможности опросника ICAST-R для диагностики пережитого насилия в российских условиях [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2014. № 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/467> (дата обращения: 03.06.2020).
4. Доклад независимого эксперта для проведения исследования Организации Объединенных Наций по вопросу о насилии в отношении детей [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/61/299> (дата обращения: 03.06.2020).
5. Информационно-правовое обеспечение Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
6. Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и научно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933017008> (дата обращения: 03.06.2020).
7. КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
8. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.centeroko.ru/pisa18/pisa2018_pub.html (дата обращения: 03.06.2020).
9. *Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга и др.* М: Издательство «Весь Мир», 2003. 376 с.
10. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.siroststvo.ru> (дата обращения: 02.06.2020).
11. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [Электронный ресурс]. URL: <https://fond-detyam.ru> (дата обращения: 03.06.2020).
12. *Dunne M.P., Volkova E., Isaeva O. et al.* ISPCAN Child Abuse Screening Tools Retrospective version (ICAST-R): Delphi study and field testing in seven countries // Child Abuse & Neglect. 2009. Vol. 33. No. 11. P. 815–825.
13. *Elliot K., Urquiza A.* Ethnicity, culture and child maltreatment // Journal of Social Issues. 2006. Vol. 62. No. 4. P. 787–809.
14. *Fergusson D.M., Mullen P.E.* Childhood sexual abuse: An evidence-based perspective. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Inc, 2009. 144 p.
15. *Finkelhor D.* The international epidemiology of child sexual abuse // Child Abuse and Neglect. 1994. Vol. 18. P. 409–417.

16. Gorey K.M., Leslie D.R. The prevalence of child sexual abuse: integrative review adjustment for potential response and measurement biases // *Child Abuse and Neglect*. 1997. Vol. 21. No. 4. P. 391–398.
17. Hamby S.L., Finkelhor D. Choosing and using child victimisation questionnaires // *Juvenile Justice Bulletin* (March). 2001. P. 1–16.
18. Hardt J., Rutter M. Validity of adult retrospective reports of adverse childhood experiences: Review of the evidence // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2004. Vol. 45. No. 2. P. 260–273.
19. Hulme P.A. Retrospective measurement of childhood sexual abuse: A review of instruments // *Child Maltreatment*. 2004. Vol. 9. No. 2. P. 201–217.

References

1. Babich N.S., Batykov I.V. Dostovernost' sotsiologicheskikh oprosov potrebitel'ei: problema polucheniya retrospektivnoi informatsii [Reliability of consumer polls: the problem of obtaining retrospective information]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2014, no. 20, pp. 14–18. (In Russ.)
2. Blagotvoritel'nyi Fond «Deti Rossii» [Elektronnyi resurs] [Charitable Foundation “Children of Russia”]. URL: <https://russiankids.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
3. Volkova E.N., Isaeva O.M. Vozmozhnosti oprosnika ICAST-R dlya diagnostiki perezhitogo nasiliya v Rossiiskikh usloviyakh [Elektronnyi resurs] [Opportunities of the ICAST-R questionnaire for diagnosing experienced violence in the Russian context]. *Vestnik Mininskogo universiteta = Herald of the Minin University*, 2014, no. 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/467> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
4. Doklad nezavisimogo eksperta dlya provedeniya issledovaniya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po voprosu o nasilii v otnoshenii detei [Elektronnyi resurs] [Report of the independent expert on the United Nations study on violence against children]. URL: <https://undocs.org/ru/A/61/299> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
5. Informatsionno-pravovoe obespechenie Garant [Elektronnyi resurs] [Information and legal support of the Guarantor]. URL: <https://base.garant.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
6. Konsortsium Kodeks. Elektronnyi fond pravovoi i nauchno-tekhnicheskoi dokumentatsii. [Elektronnyi resurs] [Consortium Code. Electronic fund of legal and scientific and technical documentation]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933017008> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
7. Konsul'tantPlyus [Elektronnyi resurs] [Consultant Plus]. URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
8. Mezhdunarodnaya programma po otsenke obrazovatel'nykh dostizhenii uchashchikhsya (2018 g.) [Elektronnyi resurs] [International Student Assessment Program (2018)]. URL: http://www.centeroko.ru/pisa18/pisa2018_pub.html (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
9. Nasilie i ego vliyanie na zdorov'e. Doklad o situatsii v mire [Violence and its impact on health. Report on the situation in the world]. Pod red. Et'enna G. Kruga i dr. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2003. P. 376. (In Russ.)
10. Natsional'nyi fond zashchity detei ot zhestokogo obrashcheniya [Elektronnyi resurs] [Violence and its effects on health. Report on the situation in the world]. URL: <http://www.sirotstvo.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
11. Fond podderzhki detei, nakhodyashchikhsya v trudnoi zhiznnoi situatsii [Elektronnyi resurs] [Fund for supporting children in difficult situations]. URL: <https://fond-detyam.ru> (Accessed 03.06.2020). (In Russ.)
12. Dunne M.P., Volkova E., Isaeva O. & et al. ISPCAN Child Abuse Screening Tools Retrospective version (ICAST-R): Delphi study and field testing in seven countries. *Child Abuse & Neglect*, 2009. Vol. 33, no. 11, pp. 815–825.

13. Elliot K., Urquiza A. Ethnicity, culture and child maltreatment. *Journal of Social Issues*, 2006. Vol. 62, no. 4, pp. 787–809.
14. Fergusson D.M., Mullen P.E. Childhood sexual abuse: An evidence-based perspective. Thousand Oaks, CA: Sage Publications Inc., 2009. 144 p.
15. Finkelhor D. The international epidemiology of child sexual abuse. *Child Abuse and Neglect*, 1994. Vol. 18, pp. 409–417.
16. Gorey K.M., Leslie D.R. The prevalence of child sexual abuse: integrative review adjustment for potential response and measurement biases. *Child Abuse and Neglect*, 1997. Vol. 21, no. 4, pp. 391–398.
17. Hamby S.L., Finkelhor D. Choosing and using child victimisation questionnaires. *Juvenile Justice Bulletin (March)*, 2001, pp. 1–16.
18. Hardt J., Rutter M. Validity of adult retrospective reports of adverse childhood experiences: Review of the evidence. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2004. Vol. 45, no. 2, pp. 260–273.
19. Hulme P.A. Retrospective measurement of childhood sexual abuse: A review of instruments. *Child Maltreatment*, 2004. Vol. 9, no. 2, pp. 201–217.

Информация об авторах

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Волкова Ирина Владимировна, главный аналитик, ФГБУ «Российская академия образования» (ФГБУ РАО), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atril@mail.ru

Исаева Оксана Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Information about the authors

Elena N. Volkova, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Irina V. Volkova, senior analyst, Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: atril@mail.ru

Oksana M. Isaeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Organizational Psychology, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0926-5182>, e-mail: oisaeva@hse.ru

Получена 05.06.2020

Принята в печать 08.04.2021

Received 05.06.2020

Accepted 08.04.2021

Отношение к животным и буллинг у подростков

Волкова И.В.

ФГБУ «Российская академия образования» (ФГБУ РАО),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: irina.volkova.mail@gmail.com

Цель. Проверка гипотезы о взаимосвязи роли в буллинге и отношения к животным.

Контекст и актуальность. Исследования указывают на связь агрессии у детей и жестокости к животным. Распространенным видом агрессии у российских подростков является буллинг. Необходимо понять, может ли жестокость к животным быть предиктором роли в буллинге — роли обидчика, жертвы или свидетеля.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Для оценки жестокости по отношению к животным использовался опросник *Stueltz to Animals Inventory*. Для оценки доброжелательности к животным использовалась переведенная версия опросника *Pet Attitudes Scale*. Распространенность буллинга оценивалась при помощи опросника *Olweus Bully/Victim Questionnaire*.

Участники. Исследование включало две выборки. В первую выборку вошли 69 респондентов (средний возраст 13,7 лет; 55% — мальчики). Во вторую — 96 респондентов (средний возраст 14,01 лет; 74% — мальчики).

Методы (инструменты). Для обработки и анализа данных были использованы методы сравнения средних (*t*-критерий, критерий Вилкоксона), критерий хи-квадрат Пирсона, регрессионный анализ. Обработка результатов проводилась при помощи языка R 3.5.0.

Результаты. 44–53% современных подростков были жестоки по отношению к животным хотя бы раз в жизни. 42% — жертвы буллинга, около 20% — обидчики и около 88% — свидетели. Девочки несколько чаще являются обидчиками, чем мальчики. Жестокость к животным оказывается значимым предиктором поведения жертвы в ситуации буллинга, но не поведения обидчика или свидетеля.

Основные выводы. Жестокость к животным может быть индикатором того, что подросток является жертвой буллинга.

Ключевые слова: жестокость к животным, отношение к животным, подростки, буллинг.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-313-00131 «Особенности отношения к животным у подростков-участников буллинга».

Для цитаты: Волкова И.В. Отношение к животным и буллинг у подростков // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 183–196. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120211>

Attitudes to Animals and Bullying among Teenagers

Irina V. Volkova

Russian academy of education (RAE), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: irina.volkova.mail@gmail.com

Objective of the study is to test the hypothesis about the connection between bullying and animal violence.

Background. Several studies explore the link between aggressive behaviors in children and cruelty to animals. One the most typical aggression behavior for the Russian adolescents is bullying. The article seeks to understand if a cruelty to animals a significant predictor of bullying roles (victim, bully, witness).

Study design. The study was conducted using a socio-psychological survey. Cruelty to animals was assessed with Cruelty to Animals Inventory, attitudes to animals were measured with Pet Attitudes Scale. Prevalence of bullying was estimated with Olweus Bully/Victim Questionnaire.

Participants. The study included two samples. The first sample included 69 respondents (average age 13,7 years; 55% of males). The second — 96 respondents (average age 14,01 years; 74% of males).

Methods. For data processing, mean comparisons (*t*-test, Wilcoxon test), chi-square test and regression analysis were applied in R 3.5.0 environment.

Results. 44–53% of adolescents were cruel to animals at least once. 42% of adolescents were found to be victims of bullying, 20% — were bullies and 88% were witnesses. Girls were found to be bullies more frequently than boys. Cruelty to animals was a significant predictor only for the victim role, but not for bully or the witness role.

Conclusions. Cruelty to animals can be an indicator of bullying in adolescence.

Keywords: cruelty to animals, attitudes to animals, bullying, adolescence.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-313-00131.

For citation: Volkova I.V. Attitudes to Animals and Bullying among Teenagers. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 183–196. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120211> (In Russ.).

Введение

Одной из ключевых проблем современного общества является агрессивное поведение в среде подростков. Агрессивное поведение может принимать различные формы и включать в себя как агрессию по отношению к людям, так и агрессию по отношению к другим живым существам. Даже в условиях современной городской среды подростки часто контактируют с животными: домашними питомцами или уличными животными, и некоторые подростки проявляют жестокость по отношению к ним.

В силу возрастных особенностей для подростков характерна и агрессия по отношению к сверстникам, в том числе в школьной среде. Особое место среди форм такой школьной агрессии занимает подростковый буллинг, или травля. Под буллингом мы будем понимать агрессивное поведение, которое происходит неоднократно или периодически. В буллинге традиционно выделяют три основные роли — обидчика, жертвы и свидетеля. При этом обидчик обладает большим влиянием на сверстников и большей популярностью и стремится использовать

свою власть для унижения или причинения вреда другому человеку [1]. Россия уже много лет находится в числе «лидеров» по количеству обидчиков и жертв в ситуациях буллинга как среди мальчиков, так и среди девочек [14], поэтому изучение ранних предпосылок и ассоциация буллинга с другими формами агрессии чрезвычайно важны.

Последствия буллинга особенно тяжелы для жертв: одновременно под угрозой оказывается их психологическое благополучие, социальный статус и физическое здоровье. Жертвы буллинга часто страдают от депрессии, тревоги, нарушений сна, одиночества [33; 36]. Некоторые жертвы буллинга боятся ходить в школу. Обидчики в ситуации буллинга также страдают от депрессий и думают о суициде [38]. Кроме того, обидчики нередко совершают другие правонарушения и могут стать преступниками в будущем [31].

Существует множество исследований, в которых жестокость к животным связывается с различными поведенческими отклонениями у детей: нарушениями поведения (conduct disorder [18]), антисоциальным расстройством личности [9; 21] и синдромом гиперактивности и дефицита внимания [10; 37]. Поскольку эти расстройства также связаны с развитием агрессивного поведения у детей [9; 36], можно предположить, что жестокость по отношению к животным может быть связана с агрессией по отношению к другим людям.

Ряд исследователей отмечает, что жестокое отношение к животным может служить предиктором насилия в более позднем возрасте. Так, жестокое отношение к животным связывается с делинквентностью [25]. Около половины преступников имеют опыт жестокого обращения с животными в детском или

подростковом возрасте [39]. Значительная часть исследователей подчеркивает связь агрессии в школе и насилия над животными. Наблюдение насилия над животными является предиктором буллинга и жестокого обращения по отношению к животным [23]. У детей, которые проявляли физическую агрессию в школе, вероятность совершить похожее насилие над животными была в два раза выше, чем у их сверстников, не участвующих в школьном насилии [8]. Поскольку буллинг является формой агрессивного поведения, мы предположили, что агрессия по отношению к животным может выступать предиктором буллинга.

Подобная связь может объясняться в рамках двух научных подходов: теории о повышении градации насилия («violence graduation theory») и гипотезы о взаимосвязи различных видов девиантного поведения («deviance generalization hypothesis»). Согласно теории о повышении градации насилия, жестокость к животным является своего рода репетицией насилия над людьми [4]. Обоснование этой теории связано, в первую очередь, с наличием истории жестокого обращения с животными у осужденных [28]. Логическим следствием этой теории может быть предположение о том, что буллингу предшествует жестокое обращение с животными. Согласно гипотезе о взаимосвязи различных видов девиантного поведения, жестокость к животным выступает одним из видов девиантного поведения наряду с другими. Предполагается, что существует общее основание для разных видов девиантного поведения, при этом разные виды девиантного поведения могут проявляться в течение жизни без какого-либо универсального порядка [22]. Чем более разнообразны виды девиантного поведения и чем чаще происходят отдельные эпизоды,

тем выше вероятность, что человек будет выступать агрессором в более жестоких случаях насилия. Эта гипотеза объясняет проявление других видов агрессии наряду с жестоким обращением с животными (например, поджогов [6]), а также наличие общих личностных черт у агрессоров [30]. Как и жестокость по отношению к животным, буллинг входит в число форм девиантного поведения, которые могут приводить к антисоциальному поведению в будущем [35].

Целью данной статьи является проверка гипотезы о взаимосвязи роли в буллинге и отношения к животным. Отношение к животным рассматривалось в двух аспектах — проявление жестокости по отношению к животным и выраженность доброжелательного аттитюда по отношению к животным. Задачами данной статьи является поиск ответов на следующие вопросы:

1. Какова распространенность жестокого отношения к животным среди подростков? Сколько подростков проявляют жестокость по отношению к животным? Влияет ли фактор пола и возраста подростков на жестокое обращение с животными?

2. Какова распространенность доброжелательного отношения к животным? Влияет ли фактор пола и возраста подростков на доброжелательное отношение к животным?

3. Какова распространенность буллинга? Сколько подростков играют роль обидчика, жертвы и свидетеля в ситуации буллинга? Влияет ли фактор пола и возраста на роль в буллинге?

4. Является ли доброжелательное отношение к животным предиктором роли обидчика, жертвы или свидетеля в буллинге? Является ли жестокость по отношению к животным предиктором роли обидчика, жертвы или свидетеля в буллинге?

Методы

Для оценки жестокости по отношению к животным использовался опросник Cruelty to Animals Inventory (CAI) [16]. Для оценки доброжелательности к животным использовалась переведенная версия опросника Pet Attitudes Scale (PAS) [40]. Перевод и проверка психометрических свойств опросников были опубликованы ранее [3]. Опросник CAI включает в себя одну шкалу, которая отражает степень жестокости респондента по отношению к животным. Диапазон значений по шкале от 0 (респондент не проявлял жестокости к животным) до 36 (респондент часто бывает жесток по отношению к животным или в ситуациях жестокости не проявляет к ним сострадания). Опросник PAS также имеет одну шкалу, которая отражает выраженность дружелюбного аттитюда по отношению к домашним питомцам. Возможные значения варьируют от 18 до 126 баллов. Более высокие значения по этой шкале обычно интерпретируют как большую расположенность, дружелюбие или привязанность респондента к домашним животным.

Распространенность буллинга оценивалась при помощи опросника Олвеуса — Olweus Bully/Victim Questionnaire [32]. Выбор данного инструмента был обусловлен его методологической схожестью в оценке буллинга как агрессивного поведения с опросником для оценки жестокости к животным. Оба опросника, в первую очередь, учитывают частотность совершения агрессии и содержат прямые вопросы об агрессивном поведении в форме самоотчета. Поскольку агрессия не является социально желательным поведением, такой подход мог бы давать недостаточно полную картину. Тем не менее текущее исследование показывает, что многие случаи все-таки удается выя-

вить — фактически выявленный уровень соответствует популяционным оценкам [12; 34]. Большинство вопросов предлагают респонденту оценить частоту переживания того или иного опыта в школе за последние 2 месяца, например: «Как часто с тобой было такое: другие дети исключили меня из их группы друзей или полностью игнорировали меня?» (варианты ответов: «Такого не происходило», «1-2 раза», «2-3 раза в месяц», «1 раз в неделю», «Несколько раз в неделю»). Считалось, что респондент является жертвой в буллинге, если он переживал хотя бы один из 9 видов травли как минимум 2–3 раза в месяц за прошедшие 2 месяца. Считалось, что респондент является обидчиком в ситуациях буллинга, если он травил кого-либо хотя бы одним из 9 способов как минимум 2–3 раза в месяц за прошедшие 2 месяца. Роль свидетеля определялась по вопросу 37: «Как ты обычно реагируешь, если видишь или узнаешь, что кого-то другого травят или обижают?». Все ответы на этот вопрос, кроме ответа «Я никогда не замечал, чтобы других ребят травили или обижали», указывали на роль свидетеля в ситуации буллинга.

Для решения этих задач применялись следующие методы анализа данных. Для решения задач 1, 2 и 3 использовались методы описательной статистики, а также методы сравнения средних: критерий Стьюдента, если распределение было близко к нормальному, критерий Уилкоксона в остальных случаях. Для анализа таблиц сопряженности использовались критерий хи-квадрат Пирсона с поправкой на непрерывность, а также точный критерий Фишера, если число наблюдений в одной из ячеек таблицы было меньше 10. Для решения задачи 4 использовалась логистическая регрессия. Анализ проводился при помощи

языка R 3.5.0 в электронной среде R Studio 1.1.463 с использованием пакетов googlesheets, dplyr, ggplot2, psych, pscl. Некоторые графики были получены при помощи Microsoft Excel 14.0.7015.1000.

В исследовании приняли участие 136 учащихся общеобразовательных школ от 12 до 15 лет. Среди респондентов было 49 (35,5%) девочек, средний возраст составил 13,81 лет (стандартное отклонение 0,86). Сбор данных проводился в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде. Применялся опросный метод: респонденты заполняли анкеты в течение одного урока в присутствии исследователя и учителя. Анкеты были закодированы. Анкеты вносились в базу двумя другими специалистами, не принимавшими участие в сборе данных. В анализ были включены анкеты, в которых количество пропусков не превышает 10%. Данные собирались в два этапа: зимой 2018 г. и летом 2019 г.

Результаты

Жестокость по отношению к животным среди подростков

54% детей никогда не были жестоки по отношению к животным. В шкале много нулевых значений, что в целом, на наш взгляд, достаточно характерно для шкал, которые ориентированы на подсчет актов агрессивного поведения.

Мальчики несколько более жестоки по отношению к животным, чем девочки. Среди девочек число тех, кто никогда не был жесток к животным, составляет 51%. Среди мальчиков число тех, кто никогда не был жесток к животным, составляет 46%. Различия статистически не значимы (критерий Уилкоксона $W=1935$, $p=0,2478$). Описательные статистики по полу представлены в табл. 1.

С возрастом жестокость к животным незначимо снижается (линейная регрессия, $b=-0,2901$, $p=0,658$). Также при сравнении ответов подростков и студентов было обнаружено, что у студентов (17–23 лет) жестокость к животным менее распространена (критерий Манна-Уитни $U=2862,5$, $p=0,003799$) [2].

Доброжелательное отношение к животным среди подростков

Аттитуды по отношению к животным в общей выборке подростков имеют распределение, близкое к нормальному (Тест Шапиро-Уилка $W=0,98614$, $p=0,1795$). Девочки выражают более доброжелательное отношение к животным, чем мальчики (критерий Стьюдента: $t=4,0571$, $df=113,38$, $p=<0,001$). Описательные статистики по полу представлены в табл. 2.

С возрастом доброжелательность по отношению к животным несколько снижается (линейная регрессия, $b=-3,059$, $p=0,0138$). При сравнении со студентами (17–23 лет) статистически значимых различий обнаружено не было ($t=1,4454$, $p=0,1507$) [2].

Буллинг среди подростков

Среди респондентов 12–15 лет 42% являются жертвами буллинга, около 20% – обидчиками в ситуациях буллинга, около 88% – свидетелями буллинга по отношению к другим (см. рисунок). Роли не были взаимно исключающими: подросток мог быть и обидчиком, и свидетелем и жертвой буллинга одновременно.

Среди девочек было больше обидчиков, чем среди мальчиков (38,8% у девочек, 13,7% у мальчиков, точный критерий Фишера $p=0,0381$). Число жертв среди мальчиков и девочек приблизительно одинаково (44,4% девочек, 41,2% мальчиков, $\chi^2=0(0)$, $p=1$). Число свидетелей также практически одинаково (88,8% девочек, 88% мальчиков, точный критерий Фишера $p=1$).

Количество обидчиков, жертв и свидетелей буллинга примерно одинаково и в 12-, и в 13-, и в 14-, и в 15-летнем возрасте: для обидчиков (логистическая регрессия $b=0,02651$, $p=0,571$); для жертв (логистическая регрессия $b=0,04184$, $p=0,466$); для свидетелей (логистическая регрессия $b=-0,04026$, $p=0,2925$).

Таблица 1

Описательные статистики жестокости к животным среди подростков разного пола

Пол респондента	Среднее	Ст. откл.	Медиана	Мин.	Макс.	Асимметрия	Эксцесс
Девочки	4,47	6,1	0	0	18	0,9	-0,86
Мальчики	6,37	6,83	3	0	24	0,45	-1,2
Общая выборка	5,7	6,62	1	0	24	0,61	-1,09

Таблица 2

Доброжелательное отношение к животным у подростков по полу

Пол респондента	Среднее	Ст. Откл.	Медиана	Мин.	Макс.	Асимметрия	Эксцесс
Девочки	101,35	10,79	102	69	122	-0,79	0,73
Мальчики	93,03	12,73	94	61	126	-0,12	-0,22
Общая выборка	95,99	12,68	96,5	61	126	-0,36	-0,21

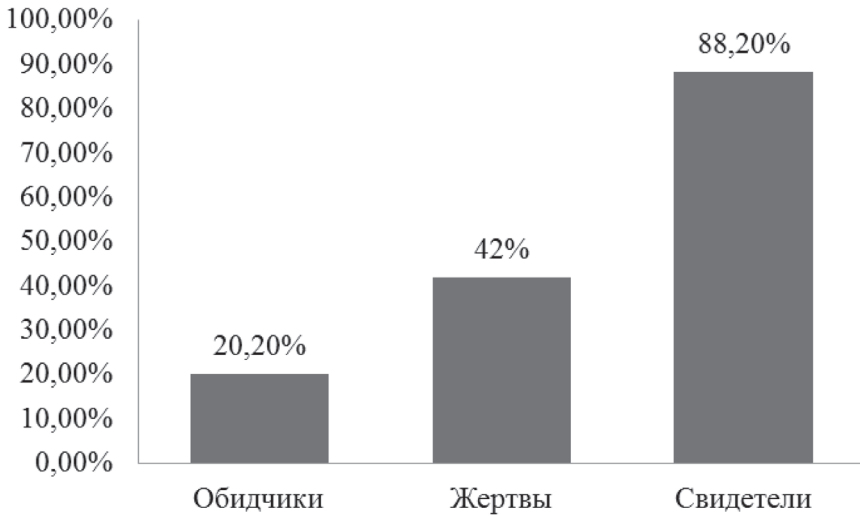


Рис. Распространенность буллинга среди подростков

Роль в буллинге и отношение к животным

Поскольку шкалы очень разнородные, то для регрессионного анализа для шкал жестокости к животным и доброжелательности к животным было про-

изведено преобразование в z-значения при помощи функции scale(). В табл. 3 представлены результаты логистической регрессии для роли жертвы, буллера и свидетеля на независимые переменные PAS и CAI.

Таблица 3

Коэффициенты регрессии ролей в буллинге по доброжелательному и жестокому отношению к животным

Переменные	Коэф.	Ст. ошибка	Отношен. шансов	t	Pr(> t)	
Обидчик						
Константа	0,203	0,050	1,22	4,093	0,000	***
Жестокость к животным	0,023	0,054	1,02	0,432	0,667	
Доброжелательность к животным	0,005	0,055	1,00	0,083	0,934	
Жертва						
Константа	0,423	0,059	1,53	7,209	0,000	***
Жестокость к животным	0,138	0,064	1,147	2,152	0,035	*
Доброжелательность к животным	0,008	0,065	1,007	0,117	0,908	
Свидетель						
Константа	0,885	0,040	2,42	22,2	<2e-16	***
Жестокость к животным	0,014	0,044	1,03	0,312	0,756	
Доброжелательность к животным	-0,028	0,044	0,97	-0,63	0,530	

Жестокость к животным оказывает значимым предиктором поведения жертвы в ситуации буллинга, но не поведения обидчика или свидетеля. С повышением на одно стандартное отклонение (6,33 балла) по шкале САИ вероятность того, что подросток является жертвой буллинга, увеличивается на 14%.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании была выявлена достаточно высокая распространенность буллинга. Данные сопоставимы с результатами Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment), где число жертв буллинга среди подростков-учащихся образовательных учреждений в России оценивается в 37% [29]. В среднем в других странах число жертв буллинга составляет 23%. В нашем исследовании отмечено большое число обидчиков — 20%, при средних оценках числа обидчиков около 10% [14]. Возможно, большое число обидчиков связано с тем, что наше исследование проводилось преимущественно на группе подростков от 12 до 15 лет, и именно на этот возраст приходится пик проявлений буллинга [15]. Кроме того, среди обидчиков в нашем исследовании было значимо больше девочек, что несколько противоречит устоявшемуся в научной литературе мнению о том, что буллинг, в особенности физический, больше характерен для мальчиков [13; 14]. С другой стороны, девочки не менее склонны проявлять социальную агрессию по отношению к сверстникам: они часто исключают из своего круга общения других детей [11], обзывают или навешивают ярлыки. Причем в последних исследованиях отмече-

но, что девочки травят не только других девочек, но и мальчиков [19].

По сравнению с исследованием распространенности жестокости к животным среди детей в Австралии, проведенным при помощи того же самого исследовательского инструмента, в нашей выборке наблюдается значительно меньшее число нулевых значений. Иными словами, в нашей стране меньше число детей, которые никогда не были жестоки по отношению к животным (75% — в Австралии, около 50% — в нашей выборке) [14]. В то же время разброс значений в других исследованиях достаточно большой: жестокость к животным проявляли 12% [29], 21% [20], 50% [7]. В недавнем исследовании в Великобритании было обнаружено, что никогда не проявляли жестокость к животным только 54% подростков [12]. Считается, что мальчики несколько более склонны к проявлению жестокости по отношению к животным, чем девочки [7; 17; 20; 23; 24; 29]. Подобная тенденция была отмечена и в нашем исследовании, но оказалась не значимой.

В некоторых исследованиях отмечается связь между опытом участия в буллинге и жестокостью по отношению к животным. Обидчики и жертвы буллинга чаще участвовали в ситуациях насилия над животными и оказались менее сензитивными к жестоким аттитюдам к животным у других людей [25]. В нашем исследовании была установлена связь между жестокостью по отношению к животным и ролью жертвы в ситуации буллинга, но не ролью обидчика в ситуации буллинга. Здесь может быть несколько объяснений. Нередко мотивацией жестокости по отношению к животным служит перенос агрессии с другого человека на животное [28]. Такая агрессия может появиться в том числе и в результате давления со стороны сверстни-

ков [5]. При таком сценарии жертвы буллинга чаще проявляют жестокость по отношению к животным. С другой стороны, жестокость по отношению к животным может быть индикатором проблем ребенка, в том числе насилия в семье [27], копинга пережитой травмы, когда животное играет роль самого ребенка в ситуации насилия [5]. В результате пережитого насилия ребенок может стать менее уверенным в себе и стать жертвой травли со стороны одноклассников. В таком случае и жестокость к животным, и роль жертвы в буллинге являются следствием травмы. Жестокость по отношению к животным может служить индикатором подобной травмы.

В нашем исследовании не было обнаружено связи между жестокостью к животным и ролью обидчика в ситуации подросткового буллинга. Объяснение, на наш взгляд, лежит в различиях в мотивации буллинга и жестокости к животным. Так, для буллинга как, в первую очередь, социальной агрессии основной мотив — это доминирование и повышение своего влияния в группе сверстников, то есть власти, контроля над группой [1; 13]. Тогда как самые распространенные мотивы жестокого обращения с животными редко связаны с повышением социального влияния — гнев, удовольствие, страх, неприязнь к животному, месть животному или хозяину, имитация и сексуальное удовлетворение [5; 26; 28]. Стоит также отметить, что особо жестокие случаи насилия над животными обычно совершаются в одиночестве [26], тогда как буллинг совершается при свидетелях. Изучение мотивов жестокого обращения

с животными, особенно в выборке некриминальных подростков, представляется интересным направлением дальнейших исследований.

Заключение

Отношение к животным мы рассматривали и как проявление жестокости по отношению к ним, и как сформированность доброжелательного аттитюда по отношению к животным. Несмотря на то, что это различные аспекты отношения к животному, у подростков они образуют единую связную общность, то есть если у подростка выражен аттитюд на доброжелательное отношение к животным, то он с меньшей вероятностью будет жесток по отношению к ним. В нашем исследовании мы решали вопрос о возможности предсказания роли подростка в буллинге на основе знаний о том, как он относится к животным. Результаты исследования показали, что предиктором роли в буллинге отношение к животным выступает только в том случае, если речь идет о поведении жертвы: ребенок, который жестоко относится к животным, с большей вероятностью в буллинге является жертвой. Несмотря на то, что прямой связи между жестоким отношением к животным и другим ролевым поведением в буллинге — поведением обидчика и свидетеля — нам обнаружить не удалось, мы предполагаем, что отношение к животным влияет и на эти виды поведения, однако связь в этом случае не столь очевидна и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149—159.
2. Волкова И.В. Жестокое отношение к животным как предиктор агрессии у школьников и студентов // Герценовские чтения: Психологические исследования в образовании. Материалы

- II Международной научно-практической конференции. (г. Санкт-Петербург, 10–11 октября 2019 г.). СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 822–829.
3. *Волкова И.В.* Надежность и конструктивная валидность опросников отношения к животным и жестокости к животным у детей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 67–78.
 4. *Arluke A., Levin J., Luke C. et al.* The Relationship of Animal Abuse to Violence and Other Forms of Antisocial Behavior // *Journal of Interpersonal Violence*. 1999. No. 14. P. 963–975. DOI:10.1177/088626099014009004
 5. *Ascione F.R., Thompson T.M., Black T.* Childhood cruelty to animals: Assessing cruelty dimensions and motivations // *Anthrozoos: A Multidisciplinary Journal of the Interactions of People and Animals*. 1997. No. 10. P. 170–177.
 6. *Baglivio M.T., Wolff K.T., DeLisi M. et al.* Juvenile animal cruelty and firesetting behavior // *Criminal Behavior and Mental Health*. 2016. Vol. 27. No. 5. P. 484–500. DOI:10.1002/cbm.2018
 7. *Baldry A.C.* Animal abuse and exposure to interparental violence in Italian youth // *Journal of Interpersonal Violence*. 2003. No. 18. P. 258–281.
 8. *Baldry A.C.* Animal abuse among preadolescents directly and indirectly victimized at school and at home // *Criminal Behavior and Mental Health*. 2005. Vol. 15. No. 2. P. 97–110.
 9. *Blair R.J.R.* Neurocognitive models of aggression, the antisocial personality disorders, and psychopathy // *Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry*. 2001. No. 71. P. 727–731.
 10. *Blalock A.* The relationship between animal cruelty and comorbid disorders [Электронный ресурс] // Doctoral dissertation, Pacific University. 2011. URL: <https://commons.pacificu.edu/spp/266> (дата обращения: 12.09.2019).
 11. *Card N.A., Stucky B.D., Sawalani G.M., Little T.D.* Direct and indirect aggression during childhood and adolescence: A meta-analytic review of gender differences, intercorrelations, and relations to maladjustment // *Child Development*. 2008. No. 79. P. 1185–1229. DOI:10.1111/j.1467-8624.2008.01184.x
 12. *Connor M., Currie C., Lawrence A.B.* Factors Influencing the Prevalence of Animal Cruelty During Adolescence // *Journal of Interpersonal Violence*. 2018. No. 1. DOI:10.1177/0886260518771684
 13. *Cook C.R., Williams K.R., Guerra N.G. et al.* Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation // *School Psychology Quarterly*. 2010. Vol. 25. No. 2. P. 65–83. DOI:10.1037/a0020149
 14. *Craig W., Harel-Fisch Y., Fogel-Grinvald H. et al.* A cross-national profile of bullying and victimization among adolescents in 40 countries // *International journal of public health*. 2009. No. 54. P. 216–224. DOI:10.1007/s00038-009-5413-9
 15. *Currie D., Zanotti C., Morgan A. et al.* Social determinants of health and wellbeing among young people [Электронный ресурс] // World Health Organization Regional Office for Europe. 2012. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/163857/Social-determinants-of-health-and-well-being-among-young-people.pdf. (дата обращения: 02.03.2020).
 16. *Dadds M.R., Whiting C., Bunn P. et al.* Measurement of cruelty in children: The Cruelty to Animals Inventory // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2004. No. 32. P. 321–334. DOI:10.1023/B:JACP.0000026145.69556.d9#page-1
 17. *DeGue S., DiLillo D.* Is animal cruelty a “red flag” for family violence? Investigating co-occurring violence toward children, partners, and pets // *Journal of Interpersonal Violence*. 2009. No. 24. P. 1036–1056.
 18. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1980.
 19. *Dytham S.* The role of popular girls in bullying and intimidating boys and other popular girls in secondary school // *British Educational Research Journal*. 2018. Vol. 44. No. 2. P. 212–229. DOI:10.1002/berj.3324

20. *Flynn C.P.* Animal abuse in childhood and later support for interpersonal violence in families // *Society & Animals*. 1999. No. 7. P. 161–172. DOI:10.1163/156853099X00059
21. *Gleyzer R., Felthous A.R., Holzer C.E.* Animal cruelty and psychiatric disorders // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2002. Vol. 30. No. 2. P. 257–265.
22. *Gullone E.* An Evaluative Review of Theories Related to Animal Cruelty // *Journal of Animal Ethics*. 2014. Vol. 4. No. 1. P. 37–57. DOI:10.5406/janimaethics.4.1.0037
23. *Gullone E., Robertson N.* The relationship between bullying and animal abuse behaviors in adolescents: The importance of witnessing animal abuse // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2008. No. 29. P. 371–379. DOI:10.1016/j.appdev.2008.06.004
24. *Henry B.C.* The relationship between animal cruelty, delinquency, and attitudes toward the treatment of animals // *Society & Animals*. 2004. No. 12. P. 185–207.
25. *Henry B.C., Sanders C.E.* Bullying and Animal Abuse: Is There a Connection? // *Society and Animals*. 2007. No. 15. P. 107–126.
26. *Hensley C., Tallichet S.E., Dutkiewicz E.L.* The Predictive Value of Childhood Animal Cruelty Methods on Later Adult Violence // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2011. Vol. 56. No. 2. P. 281–295. DOI:10.1177/0306624x10397120
27. *Jorgenson S., Maloney L.* Animal abuse and the victims of domestic violence // Ascione F.R., Arkow P. (eds.). *Child abuse, domestic violence, and animal abuse*. Purdue Research Foundation. West Lafayette, 1999. P. 143–158.
28. *Kellert S.R., Felthous A.R.* Childhood cruelty toward animals among criminals and noncriminals // *Human Relations*. 1985. No. 38. P. 1113–1129.
29. *Lucia S., Killias M.* Is animal cruelty a marker of interpersonal violence and delinquency? Results of a Swiss National Self-Report study // *Psychology of Violence*. 2011. No. 1. P. 93–105.
30. *McDonald S.E., Dmitrieva J., Shin S. et al.* The role of callous/unemotional traits in mediating the association between animal abuse exposure and behavior problems among children exposed to intimate partner violence // *Child Abuse & Neglect*. 2017. No. 72. P. 421–432. DOI:10.1016/j.chiabu.2017.09.004
31. *Olweus D.* *Bullying at school*. Oxford and Cambridge (MA): Blackwell Publisher, 1993.
32. *Olweus D.* *The Olweus Bully/Victim Questionnaire*. The revised Olweus Bully/Victim Questionnaire for Students. Bergen. Norway: University of Bergen, 1996.
33. *Owusu A., Hart P., Oliver B., Kang M.* The association between bullying and psychological health among senior high school students in Ghana, West Africa // *Journal of school health*. 2011. No. 81. P. 231. DOI:8.10.1111/j.1746-1561.2011.00590.x
34. *PISA 2018 Results*. Combined executive summaries. Vols. I, II and III [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf (дата обращения: 02.03.2020).
35. *Renda J., Vassallo S., Edwards B.* Bullying in early adolescence and its association with anti-social behaviour, criminality and violence 6 and 10 years later // *Criminal Behavior and Mental Health*. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 117–127. DOI:10.1002/cbm.805
36. *Rigby K.* Consequences of Bullying in Schools // *The Canadian Journal of Psychiatry*. 2003. Vol. 48. No. 9. P. 583–590. DOI:10.1177/070674370304800904
37. *Saylor K.E., Amann B.H.* Impulsive Aggression as a Comorbidity of Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder in Children and Adolescents // *Journal of child and adolescent psychopharmacology*. 2016. Vol. 26. No. 1. P. 19–25. DOI:10.1089/cap.2015.0126
38. *Slee P.T.* Peer victimization and its relationship to depression among Australian primary school students // *Personality and Individual Differences*. 1995. No. 18. P. 57–62.
39. *Tallichet S.E., Hensley C.* The social and emotional context of childhood and adolescent animal cruelty is there a link to adult interpersonal crimes? // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2009. No. 53. P. 596–606.

40. Templer D.I., Salter C.A., Dickey S. et al. The Construction of a Pet Attitude Scale // The Psychological Record. 1981. No. 31. P. 343–348.

References

1. Bochaver A.A., Hlomov K.D. Bulling kak ob'ekt issledovaniy i kul'turnyj fenomen. [Bullying as a research object and acultural phenomenon]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Highier School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 3, pp. 149–159. (In Russ.).
2. Volkova I.V. Zhestokoe otnoshenie k zhitvnyim kak prediktor agressii u shkol'nikov i studentov [Animal cruelty as a predictor of aggression in teenagers and students]. Gercenovskie chteniya: Psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. (g. Sankt-Peterburg, 10–11 oktyabrya 2019) [The Herzen University Studies: Psychology in Education. Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference]. Saint-Petersburg: Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia, 2019, pp. 822–829. (In Russ.).
3. Volkova I.V. Nadezhnost' i konstruktnaya validnost' oprosnikov otnosheniya k zhitvnyim i zhestokosti k zhitvnyim u detei [Reliability and construct validity of russian version of pet attitude scale and cruelty to animals inventory for children]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2019. Vol. 12, no. 4, pp. 67–78. (In Russ.).
4. Arluke A., Levin J., Luke C. et al. The Relationship of Animal Abuse to Violence and Other Forms of Antisocial Behavior. *Journal of Interpersonal Violence*, 1999, no. 14, pp. 963–975. DOI:10.1177/088626099014009004
5. Ascione F.R., Thompson T.M., Black T. Childhood cruelty to animals: Assessing cruelty dimensions and motivations. *Anthozoos: A Multidisciplinary Journal of the Interactions of People and Animals*, 1997, no. 10, pp. 170–177.
6. Baglivio M.T., Wolff K.T., DeLisi M. et al. Juvenile animal cruelty and firesetting behavior. *Criminal Behavior and Mental Health*, 2016. Vol. 27, no. 5, pp. 484–500. DOI:10.1002/cbm.2018
7. Baldry A.C. Animal abuse and exposure to interparental violence in Italian youth *Journal of Interpersonal Violence*, 2003, no. 18, pp. 258–281.
8. Baldry A.C. Animal abuse among preadolescents directly and indirectly victimized at school and at home. *Criminal Behavior and Mental Health*, 2005. Vol. 15, no. 2, pp. 97–110.
9. Blair R.J.R. Neurocognitive models of aggression. the antisocial personality disorders. and psychopathy. *Journal of Neurology. Neurosurgery & Psychiatry*, 2001, no. 71, pp. 727–731.
10. Blalock A. The relationship between animal cruelty and comorbid disorders. *Doctoral dissertation, Pacific University*, 2011. URL: <https://commons.pacificu.edu/spp/266> (Accessed 12.09.2019).
11. Card N.A., Stucky B.D., Sawalani G.M., Little T.D. Direct and indirect aggression during childhood and adolescence: A meta-analytic review of gender differences, intercorrelations, and relations to maladjustment. *Child Development*, 2008, no. 79, pp. 1185–1229. DOI:10.1111/j.1467-8624.2008.01184.x
12. Connor M., Currie C., Lawrence A.B. Factors Influencing the Prevalence of Animal Cruelty During Adolescence. *Journal of Interpersonal Violence*, 2018, no. 1. DOI:10.1177/0886260518771684
13. Cook C.R., Williams K.R., Guerra N.G. et al. Predictors of bullying and victimization in childhood and adolescence: A meta-analytic investigation. *School Psychology Quarterly*, 2010. Vol. 25, no. 2, pp. 65–83. DOI:10.1037/a0020149
14. Craig W., Harel-Fisch Y., Fogel-Grinvald H. et al. A cross-national profile of bullying and victimization among adolescents in 40 countries. *International journal of public health*, 2009, no. 54, pp. 216–224. DOI:10.1007/s00038-009-5413-9

15. Currie D., Zanotti C., Morgan A. et al. Social determinants of health and wellbeing among young people. *World Health Organization Regional Office for Europe*, 2012. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/163857/Social-determinants-of-health-and-well-being-among-young-people.pdf. (Accessed 02.03.2020).
16. Dadds M.R., Whiting C., Bunn P. et al. Measurement of cruelty in children: The Cruelty to Animals Inventory. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2004, no. 32, pp. 321–334. DOI:10.1023/B:JACP.0000026145.69556.d9#page-1
17. DeGue S., DiLillo D. Is animal cruelty a “red flag” for family violence? Investigating co-occurring violence toward children, partners, and pets. *Journal of Interpersonal Violence*, 2009, no. 24, pp. 1036–1056.
18. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1980.
19. Dytham S. The role of popular girls in bullying and intimidating boys and other popular girls in secondary school. *British Educational Research Journal*, 2018. Vol. 44, no. 2, pp. 212–229. DOI:10.1002/berj.3324
20. Flynn C.P. Animal abuse in childhood and later support for interpersonal violence in families. *Society & Animals*, 1999, no. 7, pp. 161–172. DOI:10.1163/156853099X00059
21. Gleyzer R., Felthous A.R., Holzer C.E. Animal cruelty and psychiatric disorders. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 2002. Vol. 30, no. 2, pp. 257–265.
22. Gullone E. An Evaluative Review of Theories Related to Animal Cruelty. *Journal of Animal Ethics*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 37–57. DOI:10.5406/janimaethics.4.1.0037
23. Gullone E., Robertson N. The relationship between bullying and animal abuse behaviors in adolescents: The importance of witnessing animal abuse. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2008, no. 29, pp. 371–379. DOI:10.1016/j.appdev.2008.06.004
24. Henry B.C. The relationship between animal cruelty, delinquency, and attitudes toward the treatment of animals. *Society & Animals*, 2004, no. 12, pp. 185–207.
25. Henry B.C., Sanders C.E. Bullying and Animal Abuse: Is There a Connection? *Society and Animals*, 2007, no. 15, pp. 107–126.
26. Hensley C., Tallichet S.E., Dutkiewicz E.L. The Predictive Value of Childhood Animal Cruelty Methods on Later Adult Violence. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2011. Vol. 56, no. 2, pp. 281–295. DOI:10.1177/0306624x10397120
27. Jorgenson S., Maloney L. Animal abuse and the victims of domestic violence. In: Ascione F.R., Arkow P. (eds.). *Child abuse, domestic violence, and animal abuse*. Purdue Research Foundation, West Lafayette, 1999, pp. 143–158.
28. Kellert S.R., Felthous A.R. Childhood cruelty toward animals among criminals and noncriminals. *Human Relations*, 1985, no. 38, pp. 1113–1129.
29. Lucia S., Killias M. Is animal cruelty a marker of interpersonal violence and delinquency? Results of a Swiss National Self-Report study. *Psychology of Violence*, 2011, no. 1, pp. 93–105.
30. McDonald S.E., Dmitrieva J., Shin S. et al. The role of callous/unemotional traits in mediating the association between animal abuse exposure and behavior problems among children exposed to intimate partner violence. *Child Abuse & Neglect*, 2017, no. 72, pp. 421–432. DOI:10.1016/j.chiabu.2017.09.004
31. Olweus D. *Bullying at school*. Oxford and Cambridge (MA): Blackwell Publisher, 1993.
32. Olweus D. *The Olweus Bully/Victim Questionnaire*. The revised Olweus Bully/Victim Questionnaire for Students. Bergen, Norway: University of Bergen, 1996.
33. Owusu A., Hart P., Oliver B., Kang M. The association between bullying and psychological health among senior high school students in Ghana, West Africa. *Journal of school health*, 2011, no. 81, p. 231. DOI:10.1111/j.1746-1561.2011.00590.x
34. *PISA 2018 Results*. Combined executive summaries. Vols. I, II and III. URL: https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf (Accessed 02.03.2020).

35. Renda J., Vassallo S., Edwards B. Bullying in early adolescence and its association with anti-social behaviour, criminality and violence 6 and 10 years later. *Criminal Behavior and Mental Health*, 2011. Vol. 21, no. 2, pp. 117–127. DOI:10.1002/cbm.805
36. Rigby K. Consequences of Bullying in Schools. *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2003. Vol. 48, no. 9, pp. 583–590. DOI:10.1177/070674370304800904
37. Saylor K.E., Amann B.H. Impulsive Aggression as a Comorbidity of Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder in Children and Adolescents. *Journal of child and adolescent psychopharmacology*, 2016. Vol. 26, no. 1, pp. 19–25. DOI:10.1089/cap.2015.0126
38. Slee P.T. Peer victimization and its relationship to depression among Australian primary school students. *Personality and Individual Differences*, 1995, no. 18, pp. 57–62.
39. Tallichet S.E., Hensley C. The social and emotional context of childhood and adolescent animal cruelty is there a link to adult interpersonal crimes? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2009, no. 53, pp. 596–606.
40. Templer D.I., Salter C.A., Dickey S. et al. The Construction of a Pet Attitude Scale. *The Psychological Record*, 1981, no. 31, pp. 343–348.

Информация об авторах

Волкова Ирина Владимировна, главный аналитик, ФГБУ «Российская академия образования» (ФГБУ РАО), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: irina.volkova.mail@gmail.com

Information about the authors

Irina V. Volkova, senior analyst of Russian academy of education (RAE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3531-7257>, e-mail: irina.volkova.mail@gmail.com

Получена 30.04.2020

Received 30.04.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Адаптация русскоязычной версии опросника Ольшеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга»

Бушина Е.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Мунинова А.М.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuninova@hse.ru

Цель. Адаптация англоязычной методики, определяющей уровень агрессии и виктимизации в ситуации школьного буллинга, на русскоязычной выборке.

Контекст и актуальность. Буллинг рассматривается как одна из наиболее серьезных проблем межличностных отношений в школе. Результаты предыдущих исследований свидетельствуют о негативных последствиях буллинга для его участников. Согласно статистическим данным, каждый третий ребенок в России подвергается травле в школе. Но несмотря на это, проблема буллинга является малоисследованной, наряду с чем и возникает проблема нехватки надежных методик для измерения данного конструкта.

Дизайн исследования. Процедура адаптации англоязычной методики *Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire* состояла из таких этапов, как прямой и обратный перевод, проведение когнитивных интервью и опроса, статистическая обработка полученных данных.

Участники. Выборка включала 833 респондента от 10 до 18 лет, средний возраст — 16 лет. Среди них 57% (473 респондента) мужского пола, 43% (360 респондентов) — женского.

Методы (инструменты). Для обработки и анализа данных были использованы конфирматорный факторный анализ и анализ внутренней согласованности. Для обработки данных использовалась программная среда R.

Результаты. Хорошие показатели конфирматорного факторного анализа и анализа внутренней согласованности подтверждают соответствие структуры адаптированной методики оригинальной и указывают на наличие надежности-согласованности. Адаптированный вариант методики включает 2 шкалы: виктимизация и агрессия, каждая из которых состоит из 8 утверждений, которые оцениваются по пятибалльной шкале.

Основные выводы. Адаптированная методика является надежной и валидной и может использоваться как в исследовательских, так и в прикладных целях в российских школах.

Ключевые слова: школьный буллинг, школьные взаимоотношения, адаптация методики, надежность методики.

Финансирование. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Благодарности. Авторы выражают благодарность Ярбабаеву Рустаму и Джураевой Гавхар за помощь в распространении анкеты.

Для цитаты: Бушина Е.В., Муминова А.М. Адаптация русскоязычной версии опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 197–216. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120212>

Adaptation of the Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire – Russian version

Ekaterina V. Bushina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Azhkariya M. Muminova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Objective of the study is to adapt of an English-language methodology that reveal the level of aggression and victimization in a school bullying situation on a Russian-language sample.

Background. Bullying is one of the most serious problems of interpersonal relations at school. Results of previous research suggest negative consequences of bullying for its participants. According to statistics, every third child in Russia is subjected to bullying at school. Nevertheless, the problem of bullying remains scarcely explored, hence there is a problem in the lack of reliable methods for measuring that construct.

Study design. The procedure for adapting the English-language Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire methodology consisted of direct and reverse translation, conducting cognitive interviews and surveys, as well as statistical processing stages.

Participants. The sample included 833 respondents from 10 to 18 years old, with an average age of 16. 57% of them (473 respondents) are male, and 43% (360 respondents) are female.

Methods. Confirmatory factor analyses and analysis of internal consistency were conducted for data analysis. The R software was used for data processing.

Results. Good performance of confirmatory analysis and analysis of internal consistency confirm the correspondence of the structure of the adapted methodology to the original one and indicate the presence of reliability-consistency. The adapted version of the questionnaire includes 2 scales: victimization and aggression, each of which includes 8 statements, which are evaluated on a 5 – point scale.

Conclusion. The adapted method is reliable and valid and can be used for both research and applied purposes in Russian schools.

Keywords: school bullying, school relationships, adaptation of the method, reliability of the scale.

Funding. The article was prepared as a result of research conducted within the framework of the fundamental research Program Of the National Research University Higher school of Economics (HSE).

Acknowledgement. The authors of the article express gratitude Jarbabayev Rustam and Juraeva Gavhar for their help in distributing the questionnaire.

For citation: Bushina E.V., Muminova A.M. Adaptation of the Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire – Russian version. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 197–216. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120212> (In Russ.).

Введение

Школа, являясь одним из институтов социализации, обладает широким контекстом для развития личности через усвоение школьных норм, академическую успеваемость и взаимоотношения со сверстниками. Вопрос о влиянии школьных взаимоотношений на становление личности ребенка вызывает у исследователей наибольший интерес, поскольку именно в этот период развития детьми усваиваются паттерны поведения, которые в дальнейшем определяют развитие его личности. В школьной среде, отличающейся определенными условиями коммуникации между учениками, эмоциональное и физическое насилие принято изучать в контексте такого психологического феномена, как буллинг [4]. На сегодняшний день в психологии буллингом принято называть умышленное, повторяющееся из раза в раз агрессивное поведение, вызванное дисбалансом власти между агрессором и жертвой [13].

Как и в любой другой ситуации насилия, выделяют прямую и косвенную формы буллинга. Прямой агрессией принято считать физическое (удары, пинки и т.д.) и вербальное насилие (обзывание), тогда как к косвенной агрессии причисляют распространение слухов, манипуляцию, игнорирование и исключение из группы [22].

Особое внимание в школьной травле уделяется его участникам. Многие исследователи, определяя буллинг как групповой процесс, выдвигают комплексную классификацию участников травли, включающую агрессора, его последователей (поддерживают насилие, но не являются его инициатором), его сторонников (поддерживают насилие, но не принимают непосредственного участия), безразличных наблюдателей, жертву, вероятных защитников и непо-

средственных защитников [17]. Однако основной массив исследований, рассматривая буллинг как форму агрессивного поведения, заостряет свое внимание на индивидуальных особенностях исключительно жертвы и агрессора [4; 5]. Как правило, при такой классификации выдвигают также и жертву-агрессора (bully-victim), то есть такого участника буллинга, который будучи жертвой в одной ситуации, в другой выступает в качестве агрессора.

Актуальность изучения школьного буллинга возрастает в связи с теми последствиями, к которым ведет участие школьников в травле. Многие корреляционные и лонгитюдные исследования отмечают негативное влияние буллинга как на физическое, так и на психологическое состояние его участников. Например, Роннинг и др. [15], оценивая психическое здоровье участников буллинга через 10–15 лет, пришли к выводу, что те респонденты, которые сообщали о причастности к школьной травле, были в три раза больше подвержены психическим проблемам, демонстрируя высокий уровень тревоги, депрессии и расстройства личности. Исследование, проведенное Ригби [14] с участием 78 учащихся средних школ в Южной Австралии, показало, что уровень виктимизации, о котором сообщалось детьми в 8 лет, значительно предсказывал ухудшение как психического, так и физического здоровья в возрасте 11 лет. Бонд и др. [11] также сообщили о похожих результатах, используя более масштабную выборку (N=2680). Они выявили, что виктимизация в 8 лет предсказывала более высокий уровень тревожности и депрессии в 9 лет. Таким образом, буллинг рассматривается как важная проблема школьных взаимоотношений, ведущая к серьезным негативным последствиям [6].

Согласно результатам Programme for International Student Assessment (PISA) 2018 года, 37% российских школьников сообщили, что над ними издевались по крайней мере несколько раз за последний месяц [12]. Согласно данным UNESCO за 2018 год, эта цифра составляет 32% [20]. Несмотря на распространённость данной проблемы, в российском контексте школьному буллингу уделяется недостаточно внимания, что в том числе выражается в недостатке надежного и валидного инструментария для выявления буллинга, а также в отсутствии адаптации широко распространённых зарубежных методик на русском языке. Анализ существующей отечественной литературы привел к выводу о том, что основной массив русскоязычных исследований в этой области для измерения конструкта буллинга использует такие методы, как интервью, фокус-группы, анкеты с проективными методами, открытыми или закрытыми вопросами [1; 2; 3]. Превосходство валидных и надежных методик сводится не только к простоте и удобству проведения опроса, но также и к надежности полученных результатов.

Подбор релевантных методик

Анализ зарубежной литературы позволил выделить следующие наиболее часто применяемые методики, изучающие феномен буллинга и определяющие роли участников буллинга (уровень виктимизации и агрессии) [21]:

- European Bullying Intervention Project Questionnaire [8],
- Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire [7],
- The Child Adolescent Bullying Scale [19].

Отбор релевантной методики производился согласно следующим критериям:

1. соответствие измеряемого шкалой конструкта тому, который существует в российском контексте,
2. приемлемые психометрические показатели: надежности, внутренней согласованности и валидизации.

Анализ вышеупомянутых методик привел к выводу, что все они основаны на методе самоотчета. В основном респондентам необходимо оценить утверждения, касающиеся различных форм проявления буллинга: прямая и косвенная форма. Например, European Bullying Intervention Project Questionnaire был разработан в рамках программы по предотвращению буллинга в Европе. Опросник состоит из 2 шкал (агрессия и виктимизация), включающих по 7 утверждений, методика имеет хорошие психометрические показатели (α -Кронбаха по шкале виктимизация=0,84-0,88/ α -Кронбаха по шкале агрессия=0,69-0,73). Несмотря на схожесть в определении конструкта буллинга с другими методиками, данная шкала в большей мере распространена в странах Европы, в связи с чем сложно судить об универсальности применения данной методики в различных культурных контекстах. Иначе обстоит дело с методикой The Child Adolescent Bullying Scale (CABS). Данный опросник был разработан американскими учеными с условием возможности применения данной шкалы и в медицинском контексте. Опросник состоит из одной шкалы и определяет подверженность школьной травле. Как правило, данная методика не оценивает уровень агрессии или же вовлеченность в ситуации буллинга в качестве агрессора. CABS чаще всего применяется в американском контексте, поэтому, также как и с European Bullying Intervention Project Questionnaire,

нельзя утверждать об универсальности применения данной шкалы. Методика Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire Questionnaire (ROBVQ) [7] была оценена как наиболее подходящая под вышеперечисленные критерии и выбрана для адаптации для русского контекста. Данная методика основана на концептуальном понимании травли как систематического издевательства или же насилия, продиктованного дисбалансом власти между сверстниками и несущего физический, эмоциональный и социальный вред жертве буллинга. Стоит отметить, что это единственная методика из всех рассматриваемых нами, в инструкции которой дается определение буллинга, отмечая его наиболее важные характеристики. Кроме того, данная методика является одной из наиболее широко распространенных и применяется во многих странах и разных культурных контекстах, исходя из чего был сделан вывод об универсальности измеряемого конструкта. Методика ROBVQ состоит из 2 шкал: шкала виктимизации и шкала агрессии. Каждая из шкал включает в себя по 8 утверждений, касающихся разных форм травли:

- физической («Меня били, пинали, толкали или запирали где-то»/«Бил(а), пинал(а), толкал(а) или запирал(а) где-либо»)

- вербальной («Мне давали неприятные прозвища, надо мной смеялись или обидно дразнили», «Меня травмировали неприятными прозвищами, комментариями или жестами с сексуальным подтекстом»/«Давал(а) обидные прозвища, смеялся(лась) или обидно дразнил(а)», «Травил(а) неприятными прозвищами, комментариями и жестами с неприличным подтекстом»)

- косвенной агрессии («Другие ученики говорили неправду или распростра-

няли слухи обо мне и пытались настроить ребят против меня», «Другие ученики намеренно избегали меня, исключали меня из круга своих друзей или полностью игнорировали»/«Распространял(а) ложные слухи и настраивал(а) других против него/нее», «Намеренно избегал(а), исключал(а) из круга друзей или полностью игнорировал(а)»).

В инструкции к методике респондентам предлагается ознакомиться с определением буллинга, в котором затрагиваются его основные характеристики, касающиеся его систематичности, намерений агрессора причинить ущерб жертве и дисбаланса власти между участниками травли. Кроме того, респондентам необходимо отвечать на вопросы, принимая во внимание, во-первых, разные формы буллинга, которые также упоминаются в инструкции, во-вторых, события последних двух-трех месяцев. Соответственно, каждое утверждение, касающееся определенной формы школьной травли, респондент оценивает по пятибалльной шкале.

Среди отечественных исследований были попытки применения данной методики в исследовании школьной атмосферы, но, как правило, без публикации полноценной процедуры адаптации на русскоязычной выборке и русскоязычной версии методики [1]. Именно поэтому нами было принято решение о проведении процедуры адаптации англоязычной методики ROBVQ для русского контекста.

Программа исследования

Процедура. Методика ROBVQ применяется в рамках программы Д. Ольвеуса по предотвращению буллинга. Полная версия опросника включает в себя закрытые, открытые вопросы и вопросы

со множественными вариантами ответа для диагностики ситуации школьной травли. При разработке процедуры самой адаптации и статистической обработки мы опирались на зарубежные исследования, которые концентрируются на количественном анализе двух количественных шкал методики — подтверждение структуры методики, проверка надежности и валидизация (дискриминантная, конвергентная, конструктивная, критериальная и др.) [9; 10; 21; 23]. Адаптация методики ROBVQ, состоящей из закрытых вопросов, на русскоязычной выборке проводилась в несколько этапов:

1. Прямой и обратный перевод экспертами в несколько этапов:

- На первом этапе три независимых эксперта профильным лингвистическим образованием перевели оригинальный текст методики на русский язык.

- На втором этапе экспертами, не знакомыми с этой методикой, был произведен обратный перевод методики.

- На третьем этапе была проведена групповая дискуссия, в которой эксперты сравнивали оригинальный текст, прямой и обратный варианты перевода и составляли окончательный вариант переведенной методики;

2. Проведение когнитивного онлайн-интервью среди целевой выборки:

- 18 школьников оценивали каждое утверждение методики, отвечая на вопросы «Понятно ли это утверждение?» и «Хотелось ли что-либо изменить в данном утверждении?»;

3. Внесение коррективов в русскоязычную версию методики;

4. Проведение опроса с использованием методики ROBVQ:

- онлайн-опрос проводился с ноября 2019 года по март 2020 года посредством размещения опросника в

различных школьных и молодежных сообществах в таких социальных сетях, как ВКонтакте, Facebook, TikTok и Telegram. Онлайн-опрос проводился на платформе 1ka.si. Ссылка на опрос сопровождалась инструкцией, информирующей о целях исследования, конфиденциальности полученных данных, а также приблизительном времени заполнения (10 минут);

5. Статистический анализ.

Выборка. Выборка состояла из 833 респондентов в возрасте от 10 до 18 лет ($M=15.69$, $SD=2.14$). Этот возрастной диапазон был выбран на основе исследований по валидации методики самого Дана Ольвеуса. Во многом это связано с фактом применения данной методики среди учеников средней и старшей школы. Среди всех респондентов 57% (473 человека) мужского пола, 43% (360 человек) — женского.

Инструментарий. В качестве инструментария использовалась только адаптируемая методика. Данная методика состоит из двух шкал: виктимизации и агрессии, каждая из которых состоит из 8 утверждений. Каждое утверждение оценивается по пятибалльной шкале частоты, где 1 — ничего подобного не случилось в последние месяцы, 5 — несколько раз в неделю. Утверждения касаются определенной формы школьной травли — прямой (физическая и вербальная агрессия) и косвенной (распространение слухов, исключение из группы и т.д.).

Также анкета включала в себя социально-демографический блок из опросника Ольвеуса, оценивающий пол, возраст и класс обучения (Приложение 1).

Обработка данных. Статистический анализ проводился в программной среде R. В ходе обработки данных про-

водились конфирматорный факторный анализ и анализ внутренней согласованности.

Конфирматорный факторный анализ проводился с помощью пакета lavaan [16]. Проверялась основная гипотеза соответствия структуры русскоязычной версии методики оригинальной, которая включала в себя 2 шкалы по 8 утверждений в каждой. Использовался робастный вариант метода максимального правдоподобия (MLR). Соответствие структуры русскоязычной версии оригинальной оценивалось с помощью следующих показателей: χ^2 , корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (RMSEA) и сравнительный индекс соответствия (CFI), индекс Такера-Льюиса (TLI). Для CFI и TLI пороговым является значение .93, для RMSEA — .08. Внутренняя согласованность шкалы оценивалась с помощью коэффициента α Кронбаха (пакет psych).

Результаты

Описательные статистики

Описательные статистики по измеряемому методикой переменным, а также по полу приведены в табл. 1.

Согласно результатам, переменные виктимизация и агрессия имеют выра-

женность ниже среднего. Также стоит отметить довольно высокий уровень внутренней согласованности по шкале виктимизации, по шкале агрессии согласованность чуть ниже.

Каких-либо различий в выраженности переменных по полу не наблюдается. Интересным кажется, что несмотря на более высокое среднее значение агрессии у женского пола, альфа Кронбаха составляет 0.62, что ниже других шкал.

На рис. 1 приведены графики распределения баллов по всей выборке, а на рис. 2 и 3 — по полу. Как видно из рис. 1, распределение баллов по обеим шкалам отличается от нормального. Чаще всего на вопрос об опыте вовлечения в школьную травлю в качестве жертвы или агрессора респонденты отвечали «ничего подобного не случилось в последние месяцы» и «такое случилось один или два раза». Однако имеется небольшой процент респондентов, которые сообщили об опыте виктимизации 2–3 месяца назад.

Согласно рис. 2, респонденты мужского пола чаще, чем женского, сообщали о вовлеченности в ситуацию буллинга в качестве жертвы 2–3 месяца назад. Во всем остальном распределение переменных по полу имеет такие же тенденции.

Таблица 1

Описательные статистики методики, измеряющей вовлеченность в ситуацию школьного буллинга

Переменная	M	SD	Альфа Кронбаха
Виктимизация	1.39	0.59	0.93
<i>мужской</i>	1.41	0.68	0.94
<i>женский</i>	1.36	0.47	0.92
Агрессия	1.19	0.29	0.75
<i>мужской</i>	1.13	0.32	0.86
<i>женский</i>	1.24	0.26	0.62

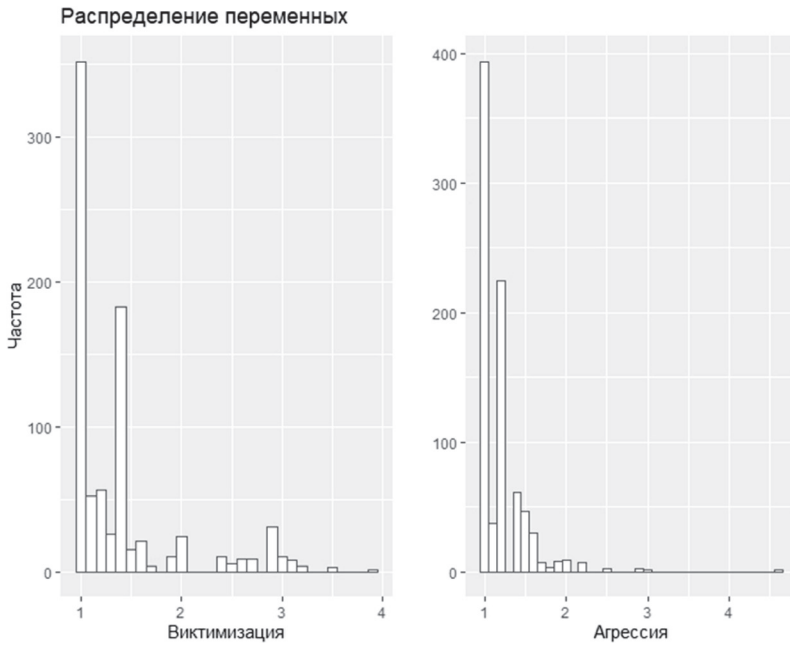


Рис. 1. Распределение переменных виктимизации и агрессии по всей выборке

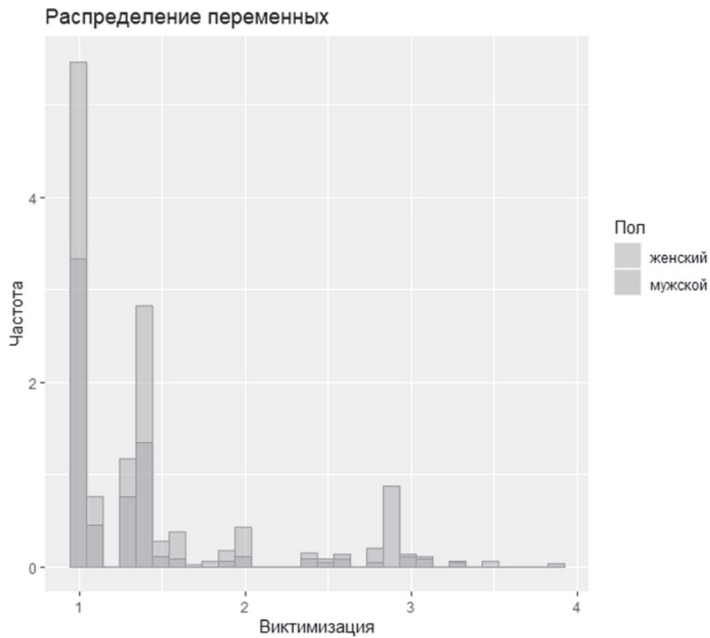


Рис. 2. Распределение виктимизации по мужскому и женскому полу

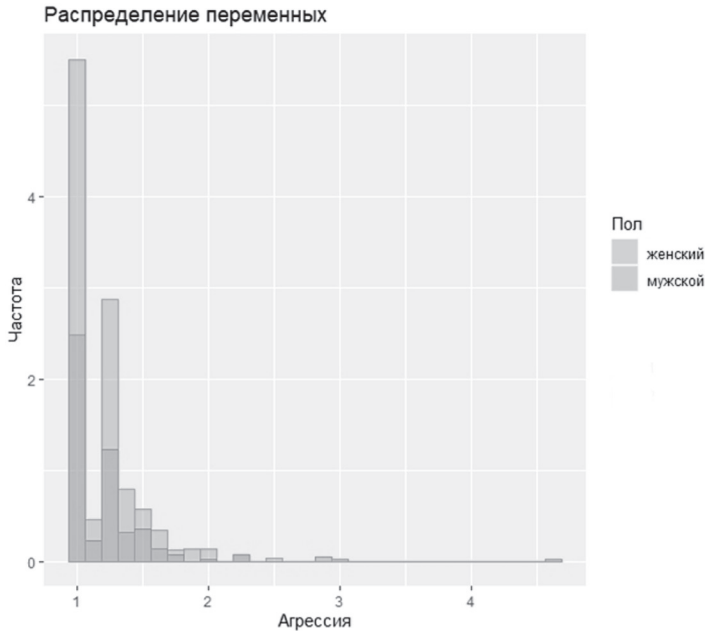


Рис. 3. Распределение агрессии по мужскому и женскому полу

Результаты конфирматорного факторного анализа

Для проверки соответствия структуры русскоязычной методики оригинальной был проведен конфирматорный факторный анализ. Поскольку первичный анализ показал, что распределение переменных отклоняется от многомерной нормальности, конфирматорный факторный анализ проводился с поправкой Саторры-Бентлера [18]. Факторная структура показала хорошее соответствие факторной модели исходным данным. Результаты анализа представлены в табл. 2. Факторные нагрузки и фак-

торная структура модели представлены ниже (рис. 4).

Обсуждение результатов

В ходе настоящего исследования была проведена процедура адаптации англоязычной методики ROBVQ, измеряющей вовлеченность в ситуацию школьного буллинга, а именно уровень виктимизации и агрессии. Методика состоит из двух шкал: шкалы виктимизации и агрессии. Каждая из шкал включа-

Таблица 2

Результаты конфирматорного факторного анализа методики, измеряющей вовлеченность в ситуацию школьного буллинга

Модель	df	S-B χ^2 , p-value	CFI/TLI	RMSEA [90% CI]
Модель с двумя шкалами	103	259.044; 0.001	0.951/0.942	0.043 [0.036; 0.049]

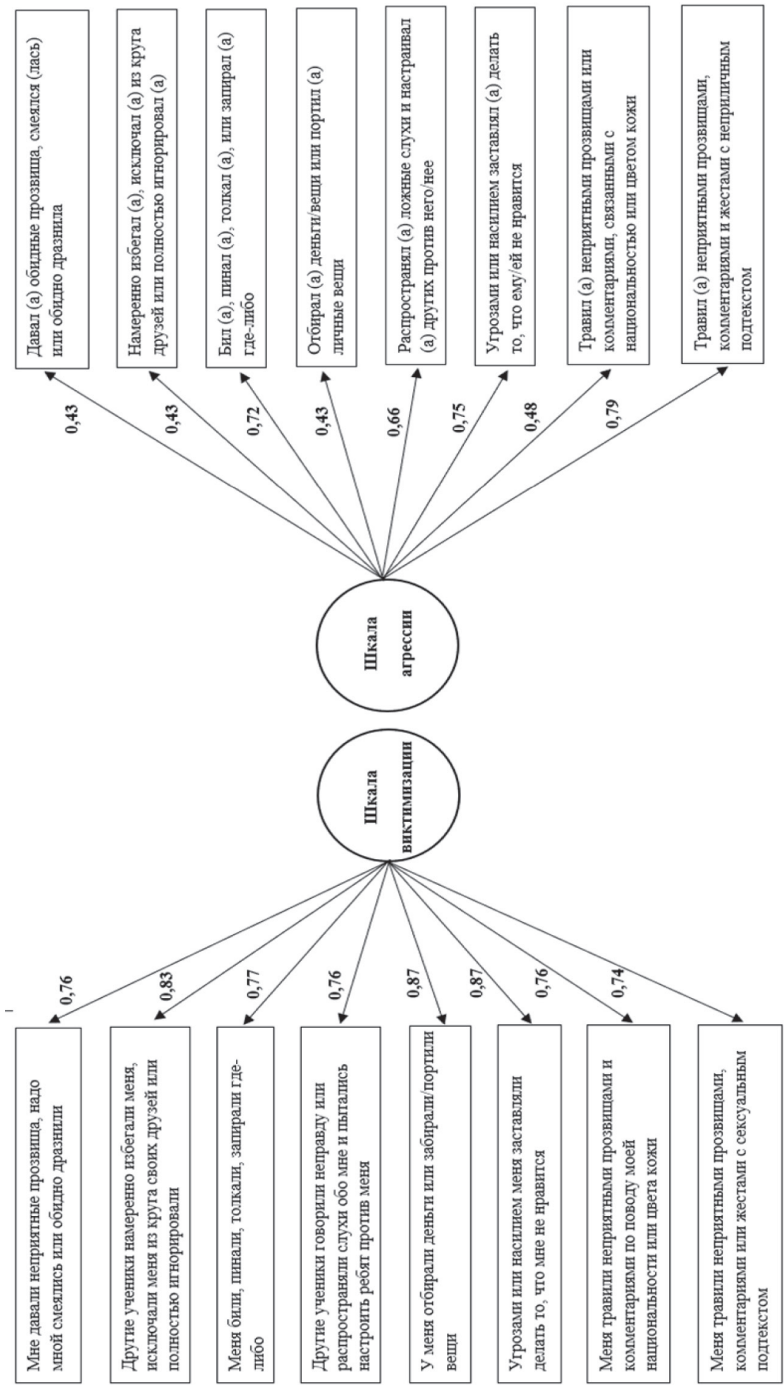


Рис. 4. Факторная структура русскоязычной версии методики Revised Olweus Bully-Victim Questionnaire

ет 8 утверждений относительно прямой физической и вербальной агрессии, а также косвенной, проявляющейся в изолировании от группы, игнорировании, распространении слухов и т.д. Утверждения оценивались по пятибалльной шкале от «1 — такое никогда со мной не случалось» до «5 — такое происходит дважды или трижды в неделю». Те респонденты, которые сообщают об опыте виктимизации или агрессии более чем несколько раз в месяц, рассматриваются как жертвы или агрессоры в ситуации школьной травли [7].

Результаты факторного анализа подтверждают оригинальную двухфакторную структуру методики. Методика обладает надежностью (внутренней согласованностью). Тем не менее стоит отметить, что шкала виктимизации отличается более высоким показателем внутренней согласованности, что говорит о том, что каждое утверждение шкалы виктимизации в большей мере связано с баллом по уровню виктимизации, нежели чем утверждения шкалы агрессии. Это может быть объяснено тем, что утверждения по шкале агрессии в большей степени ведут к социально желательным ответам, вследствие чего могут наблюдаться достаточно разнородные ответы на вопросы.

Согласно факторному анализу, такие утверждения, как «Намеренно избегал(а), исключал(а) из круга друзей или полностью игнорировал(а)», «Давал(а) обидные прозвища, смеялся(лась) или обидно дразнил(а)», «Отбирал(а) деньги/вещи или портил(а) личные вещи» имеют наименьшие нагрузки, что может быть связано с тем, что, например, в целом опыта проявления косвенной агрессии среди российских школьников значительно меньше, чем прямой агрессии. Другим объяснением может послу-

жить то, что респонденты могут воспринимать эти виды агрессии как дружеские поддразнивания, не придавая серьезного значения. Эти предположения требуют более детального рассмотрения в будущих исследованиях.

Перспективы для дальнейших исследований, прежде всего, состоят в использовании методики для выявления агентов буллинга в образовательном контексте. Адаптированная версия методики позволит психологам, социальным педагогам, педагогическому коллективу провести и обработать, используя ключи, данный инструмент для определения и коррекции поведения как отдельных школьников, так и целой группы.

Следующей исследовательской задачей может быть проверка конструктивной, дискриминантной, конвергентной и критериальной валидности. Например, для подтверждения конструктивной валидности можно использовать отчет учителей и сверстников о вовлечении респондента в ситуацию буллинга и сравнить эти результаты с баллами по методике. Для критериальной валидности можно исследовать взаимосвязь буллинга с психологическим благополучием. Особый интерес вызывают показатели самих утверждений, которые можно проверить на дискриминативность.

Использование данной методики открывает широкие возможности как для исследовательских, так и для прикладных целей в российских школах. Проблема школьной агрессии в российском контексте является актуальной, однако единого теоретического подхода к ее изучению в научном сообществе не существует. Данная методика предлагает единое определение и измерение конструкта буллинга как систематического умышленного насилия, проявляющегося в прямой или косвенной агрессии и

имеющего негативные последствия для участников травли.

Стоит также отметить, что Россия отличается от многих европейских стран отсутствием единой программы по предотвращению школьного буллинга. Поскольку методика ROBVQ применялась в рамках программы по предотвращению и профилактике буллинга Дана Ольвеуса, адаптированная версия методики также может использоваться при разработке полноценной программы по предотвращению школьной травли. Как показывают статистические данные PISA 2018, в странах, в которых на государственном уровне принята подобная программа, ниже процент учащихся, сообщающих о виктимизации в ситуации школьной травли [12]. Кроме того, русскоязычная версия ROBVQ может быть полезной при локальном исследовании школьной атмосферы.

Выводы

1. Была адаптирована на русскоязычной выборке англоязычная методика Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire, направленная на определение уровня виктимизации и агрессии в ситуации школьного буллинга. Методика состоит из 2 шкал: виктимизации и агрессии, каждая из которых включает по 8 утверждений относительно опыта переживания или проявления прямой и косвенной агрессии.

2. Результаты конфирматорного факторного анализа демонстрируют хорошие показатели, вследствие чего был сделан вывод о двухфакторной структуре методики. Методика является надежной.

3. Использование данной методики открывает возможности как для исследовательских целей, так и для более прикладного применения в российских школах.

Приложение 1

Адаптированная методика Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire

Данный опросник состоит из вопросов, касающихся твоей школьной жизни. Пожалуйста, ответь на вопросы, отмечая крестиком тот вариант ответа, который лучше всего описывает твои чувства по отношению к школе. Пожалуйста, выбери только один вариант ответа. Важно, чтобы твои ответы были продуманными и искренними.

1. Как ты относишься к школе?

- Мне совсем не нравится школа
- Мне не нравится школа
- Я нейтрально отношусь к школе
- Мне нравится школа
- Мне очень нравится школа

2. Большинство вопросов касаются твоей школьной жизни на протяжении последних месяцев — то есть относятся к периоду от начала учебного года по сегодняшний день. Таким образом, просим тебя, отвечая на вопросы, оценивать не только ситуацию в настоящее время, но и принимать во внимание события на протяжении последних 2–3 месяцев. Сколько у тебя близких друзей среди одноклассников?

- Ни одного
- Один близкий друг
- Два-три близких друга
- 4–5 близких друзей
- У меня 6 и более близких друзей среди одноклассников

Ниже приведены несколько вопросов, касающихся твоего опыта в качестве объекта травли со стороны других учеников. Для начала объясним значение слова «травля». Школьника или школьницу травят, когда другой ученик или несколько учеников:

- Говорят ему/ей неприятные или обидные вещи, смеются над ним/ней или придумывают злые и обидные прозвища для него/нее;
- Полностью игнорируют его/ее или исключают из круга своих друзей, намеренно избегают его/ее;
- Бьют, пинают, толкают или запирают его/ее в каком-либо помещении;
- Говорят неправду и распространяют ложные слухи о нем/ней, рассылают записки с неприятной информацией и стараются настроить других учеников против него/нее;
- Совершают иные злые поступки такого рода.

Когда мы говорим о травле, мы подразумеваем, что подобные вещи случаются регулярно, и ученику, подвергающемуся травле, сложно постоять за себя.

Мы также говорим о травле, когда ученика зло и обидно дразнят на регулярной основе. Мы не считаем травлей дружеские и шуточные поддразнивания. Также нельзя назвать травлей ситуацию, в которой два ученика примерно одинаковой силы и статуса ссорятся или дерутся.

3. Как часто тебя травили в школе в течение последних 2–3 месяцев?

- Меня ни разу не травили в школе в последнее время
- Меня травили один или два раза
- 2–3 раза в месяц
- Примерно раз в неделю
- Несколько раз в неделю

4. Травили ли тебя в школе в течение последних месяцев перечисленными ниже способами?

Утверждения	ничего подобного не случилось в последние месяцы	подобное случилось один или два раза	2–3 раза в месяц	примерно раз в неделю	несколько раз в неделю
4.1 Мне давали неприятные прозвища, надо мной смеялись или обидно дразнили					
4.2 Другие ученики намеренно избегали меня, исключали меня из круга своих друзей или полностью игнорировали					
4.3 Меня били, пинали, толкали или запирали где-то					
4.4 Другие ученики говорили неправду или распространяли слухи обо мне и пытались настроить ребят против меня					
4.5 У меня отбирали деньги или забирали/порттили вещи					
4.6 Угрозами или насилием меня заставляли делать то, что мне не нравится					
4.7 Меня травили неприятными прозвищами и комментариями по поводу моей национальности или цвета кожи					
4.8 Меня травили неприятными прозвищами, комментариями или жестами с сексуальным подтекстом					

5. Если тебя травили с помощью гаджетов, каким образом это происходило?

- Только с помощью звонков и смс с мобильного телефона
- Только через интернет
- Применялись оба способа
- Меня не травили

6. Пожалуйста, опиши, как это происходило?

Утверждения	ничего подобного не случилось в последние месяцы	подобное случилось один или два раза	2–3 раза в месяц	примерно раз в неделю	несколько раз в неделю
Меня травили иным способом					

7. Пожалуйста, опиши, как это происходило?

8. Ученики каких классов тебя травили?

- Меня не травили в школе в последние месяцы
- Ученики моего класса
- Ученики из классов моей параллели
- Ученики старших классов
- Ученики младших классов
- Ученики разных классов

9. Кто именно травил тебя — мальчик или девочка?

- Меня не травили в школе в последние месяцы
- В основном одна девочка
- Несколько девочек
- В основном один мальчик
- Несколько мальчиков
- И мальчики, и девочки

10. Сколько ребят обычно тебя травят?

- Меня не травили в школе в последние месяцы
- В основном 1 ученик
- Группа из 2–3 учеников
- Группа из 4–9 учеников
- Группа, в которой более 9 учеников
- Несколько разных учеников или групп учеников

11. Как долго продолжается травля?

- Меня не травили в школе в последние месяцы
- Это продолжается 1–2 недели
- Это продолжается около месяца
- Это продолжается около 6 месяцев
- Это продолжается около года
- Это продолжается несколько лет

12. Где именно тебя травили?

- Меня не травили в школе в последние месяцы
- Меня травили в одном или нескольких из нижеперечисленных мест в течение последних месяцев (варианты будут в следующем вопросе).

13. Пожалуйста, отметь места, в которых тебя травили:

- На игровой/спортивной площадке (во время перемены)

- В коридоре/на лестничной площадке
- В классе (в присутствии учителя)
- В туалете
- В спортивном зале или раздевалке/в душе
- В столовой
- По дороге в школу/из школы
- На остановке школьного автобуса
- В школьном автобусе
- Где-то еще в школе
- Пожалуйста, укажи, где именно:

14. Говорил(а) ли ты кому-нибудь о том, что тебя травят в течение последних месяцев?

- Меня не травили в школе в последние месяцы
- Меня травили, но я не рассказывал(а) об этом никому
- Меня травили, и я рассказал(а) об этом

15. Пожалуйста, отметь тех, кому ты рассказывал(а) о травле:

- Классный руководитель
- Другой взрослый в школе (другой учитель, директор, школьная медсестра, охранник/вахтер, школьный психолог и т.д.)
- родитель (родители)/опекун (опекуны)
- брат (братья) или сестра (сестры)
- друг (друзья)
- кто-либо еще
- напиши, пожалуйста, кто

Утверждения	почти никогда	время от времени	иногда	часто	всегда
16. Как часто в случае травли кого-либо из учеников в семье другие ученики предпринимают попытки остановить травлю?					
17. Если тебя травят в школе, обращался ли кто-нибудь из взрослых твоей семьи в школу в течение последних месяцев для того, чтобы положить конец травле?					

18. Что ты чувствуешь или думаешь, когда кого-нибудь из учеников твоего возраста травят в школе?

- Вероятно, он/она это заслужила
- Ничего особенного не чувствую/не думаю
- Немного жалею его/ее
- Я жалею его/ее и мне хочется помочь ей/ему

19. Как часто ты принимал(а) участие в травле других учеников школы на протяжении последних месяцев?

- Я не травил других учеников школы в последние месяцы
- Подобное случалось один или два раза
- 2–3 раза в месяц
- Примерно раз в неделю
- Несколько раз в неделю

20. Травил(а) ли ты другого ученика/других учеников школы на протяжении последних месяцев одним из нижеперечисленных способов? Пожалуйста, ответь на все вопросы.

Утверждения	ничего подоб-ного не случалось в последние месяцы	подобное слу-чалось один или два раза	2–3 разав месяц	примерно разв неделю	несколько разв неделю
20.1 Давал(а) обидные прозвища, смеялся(лась) или обидно дразнил(а)					
20.2 Намеренно избегал(а), исключал(а) из круга друзей или полностью игнорировал(а)					
20.3 Бил(а), пинал(а), толкал(а) или запирал(а) где-либо					
20.4 Отбирал(а) деньги/вещи или портил(а) личные вещи					
20.5 Распространял(а) ложные слухи и настраивал(а) других против него/нее					
20.6 Угрозами или насилием заставлял(а) делать то, что ему/ей не нравится					
20.7 Травил(а) неприятными прозвищами или комментариями, связанными с национальностью или цветом кожи					
20.8 Травил(а) неприятными прозвищами, комментариями и жестами с неприличным подтекстом					

21. Если ты травил(а) другого ученика с помощью гаджетов, каким образом это происходило?

- Только с помощью звонков и смс с мобильного телефона
- Только через интернет
- Применялись оба способа

22. Пожалуйста, опиши, как это происходило?

Утверждение	ничего по- доб-ного не случалось впослед-ние месяцы	подобное слу-чалось один или два раза	2–3 разав месяц	примерно разв неделю	несколько разв неделю
Травил(а) иными способами					

23. Беседовал(а) ли с тобой классный руководитель или любой другой учитель на тему твоего участия в травле других учеников школы в последние месяцы?

- Я не травил(а) других учеников школы в последние месяцы
- Нет, никто не беседовал со мной на эту тему
- Да, со мной беседовали на эту тему один раз
- Да, со мной беседовали на тему

24. Беседовал ли с тобой кто-нибудь из взрослых твоей семьи на тему твоего участия в травле других учеников школы в последние месяцы?

- Я не травил(а) других учеников школы в последние месяцы

- Нет, никто не беседовал со мной на эту тему
 - Да, со мной беседовали на эту тему один раз
 - Да, со мной беседовали на эту тему несколько раз
25. Как ты думаешь, ты мог бы присоединиться к травле ученика, который тебе не нравится?
- Да
 - Да, может быть
 - Я не знаю
 - Скорее нет
 - Нет
 - Определенно нет
26. Как ты обычно реагируешь, когда видишь или понимаешь, что ученик твоего возраста подвергается травле со стороны других учеников?
- Я никогда не замечал, чтобы ученики моего возраста подвергались травле
 - Я не принимаю участие в травле
 - Я ничего не предпринимаю, но считаю, что в травле нет ничего плохого
 - Я просто наблюдаю за происходящим
 - Я ничего не предпринимаю, но думаю, что должен помочь ученику, которого травят
 - Я стараюсь помочь ученику, которого травят, любым способом
27. Как часто ты опасаясь, что другие ученики школы будут травить тебя?
- Никогда
 - Редко
 - Иногда
 - Довольно часто
 - Часто
 - Очень часто
28. Говоря в целом, много ли сделал твой классный руководитель для противодействия травле в течение последних месяцев?
- Совсем мало или ничего
 - Довольно мало
 - Немного
 - Довольно много
 - Много
29. Сколько тебе лет?
30. Твой пол?
- Мужской
 - Женский
31. В каком классе ты учишься?

Ключи к адаптированной версии опросника:

- «шкала виктимизации» — 4.1, 4.2, 4.3, 4.4, 4.5, 4.6, 4.7, 4.8;
- «шкала агрессии» — 20.1, 20.2, 20.3, 20.4, 20.5, 20.6, 20.7, 20.8.

По каждой шкале подсчитывается среднее значение. Остальные вопросы носят информационный характер и могут быть использованы в качественных исследованиях или при использовании смешанной методологии.

Литература

1. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 159–165.

2. Жарова Д.В., Терех Е.Ю. Психологические особенности подросткового буллинга // Научно-педагогическое обозрение. Педагогическое обозрение. 2018. № 1(19). С. 79–84.
3. Зуева В.С., Шамаев А.Н. Психологические особенности участников школьного буллинга // Вопросы науки и образования. 2018. № 16(28). С. 31–35.
4. Матвиенко С.В. Буллинг как социально-педагогическая проблема // Вестник науки и образования. 2018. № 3(39) (1). С. 61–64.
5. Нарова Е.М. Проблема буллинга в подростковой среде [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум» (г. Новосибирск, 15 ноября 2019 г.). Новосибирск: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы». 2019. № 10. С. 105–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bullinga-v-podrostkovoy-srede/viewer> (дата обращения: 20.12.2020).
6. Петрановская Л.В. Методическое пособие для педагогов школ и школьных психологов [Электронный ресурс]. М: Травли Net, 2020. 20 с. URL: <https://centreptz.ru/file.cgi?id=429> (дата обращения: 20.12.2020).
7. Breivik K., Olweus D. An item response theory analysis of the Olweus Bullying scale // Aggressive Behaviour. 2015. № 41(1). P. 1–13. DOI:10.1002/ab.21571
8. Cross-informant agreement about bullying and victimization among eight-year-olds: whose information best predicts psychiatric caseness 10–15 years later? [Rønning J.A., et al] // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 2009. № 4(1). P. 15–22. DOI:10.1007/s00127-008-0395-0
9. Does bullying cause emotional problems? A prospective study of young teenagers [Bond L., et al] // British Medical Journal. 2001. № 323(7311). P. 480–484. DOI:10.1136/bmj.323.7311.480
10. Gonçalves F.G. [et al] Construct validity and reliability of Olweus Bully/Victim Questionnaire – Brazilian version // Psicologia: Reflexão e Crítica. 2016. № 1(29). P. 20–28. DOI:10.1186/s41155-016-0019-7
11. Jesús R.H.A., Alcivar P.A., Herrera L.M. Traditional Bullying and Discriminatory Bullying Around Special Educational Needs: Psychometric Properties of Two Instruments to Measure // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16(142). P. 1–14. DOI:10.3390/ijerph16010142
12. Kubiszewski V. [et al] Évaluation du bullying scolaire (harcèlement scolaire) chez les adolescents français: validité de l'adaptation française du questionnaire Agresseur/Victime révisé d'Olweus (1996) // Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique. 2014. № 4(172). P. 261–267. DOI:10.1016/j.amp.2012.09.018
13. Lee T., Cornell D. Concurrent Validity of the Olweus Bully/Victim Questionnaire // Journal of School Violence. 2009. № 1(9). P. 56–73.
14. Measuring the youth bullying experience: a systematic review of the psychometric properties of available instruments [Vessey J.A., et al] // Sch Health. 2014. № 84(12). P. 819–843. DOI:10.1111/josh.12210
15. OECD. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives // OECD Publishing. 2019. 366 p. DOI:10.1787/acd78851-en
16. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1993. 152 p.
17. Rigby K., Slee P. Suicidal ideation among adolescent school children, involvement in bully-victim problems, and perceived social support // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1999. № 29(2). P. 119–130.
18. Rosseel Y. Lavaan: an R package for structural equation modeling // Journal of Statistical Software. 2012. № 48(2). P. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
19. Salmivalli C. Participant Roles in Bullying: How Can Peer Bystanders Be Utilized in Interventions? // Theory into practice. 2014. № 53(4). P. 286–292. DOI:10.1080/00405841.2014.947222
20. Satorra A., Bentler P.M. A scaled difference chi-square test statistic for moment structure analysis // Psychometrik. 2001. № 66(4). P. 507–514. DOI:10.1007/BF02296192
21. The Child Adolescent Bullying Scale (CABS): Psychometric evaluation of a new measure [Strout T.D. et al] // Research in Nursing & Health. 2018. № 1(13). P. 1–13. DOI:10.1002/nur.21871

22. UNESCO. Behind the numbers: Ending school violence and bullying // UNESCO Publishing, 2019. 70 p.
23. Yang A., Salmivalli C. Different forms of bullying and victimization: Bully-victims versus bullies and victims // *European Journal of Developmental Psychology*. 2013. № 10(6). P. 723–738. DOI: 10.1080/17405629.2013.793596
24. Young K.A. Exploring the Psychometric Properties of Two Primary Domains in the Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire (R-OBVQ) among Primary School Learners in South Africa // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2020. № 42. P. 539–545. DOI:10.1007/s10862-020-09787-7

References

1. Glazman O.L. Psikhologicheskie osobennosti uchastnikov bullinga [Psychological characteristics of bullying participants]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = A.I. Herzen Russian State Pedagogical University news*, 2009, no. 105, pp. 159–165. (In Russ.).
2. Zharova D.V., Terekh E.Yu. Psikhologicheskie osobennosti podrostkovogo bullinga [Psychological characteristics of adolescence bullying]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Academic pedagogical review*, 2018, no. 1(19), pp. 79–84. (In Russ.).
3. Zueva V.S., Shamaev A.N. Psikhologicheskie osobennosti uchastnikov shkol'nogo bullinga [Psychological characteristics of school bullying participants]. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Scientific and educational matters*, 2018, no. 16(28), pp. 31–35. (In Russ.).
4. Matvienko S.V. Bulling kak sotsial'no-pedagogicheskaya problema [Bullying as socio-pedagogical problem]. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Herald of science and education*, 2018, no. 3(39) (1), pp. 61–64. (In Russ.).
5. Narova E.M. Problema bullinga v podrostkovoi srede [The problem of bullying among adolescence]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauka i sotsium» (g. Novosibirsk, 15 noyabrya 2019 g.)* [Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference «Science and Society»]. Novosibirsk: Publ. Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya «Sibirskii institut prakticheskoi psikhologii, pedagogiki i sotsial'noi raboty», 2019, no. 10, pp. 105–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bullinga-v-podrostkovoy-srede/viewer> (data obrashcheniya: 20.12.2020). (In Russ.).
6. Petranovskaya L.V. Metodicheskoe posobie dlya pedagogov shkol i shkol'nykh psikhologov [Elektronic resource] [Methodological manual for school teachers and psychologists]. M: Travli Net, 2020. 20 p. URL: <https://centreptz.ru/file.cgi?id=429> (data obrashcheniya: 20.12.2020). (In Russ.).
7. Breivik K., Olweus D. An item response theory analysis of the Olweus Bullying scale. *Aggressive Behaviour*, 2015, no. 41(1), pp. 1–13. DOI:10.1002/ab.21571
8. Rønning J.A. [et al] Cross-informant agreement about bullying and victimization among eight-year-olds: whose information best predicts psychiatric caseness 10–15 years later? *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 2009, no. 4(1), pp. 15–22. DOI:10.1007/s00127-008-0395-0
9. Bond L. [et al] Does bullying cause emotional problems? A prospective study of young teenagers. *British Medical Journal*, 2001, no. 323(7311), pp. 480–484. DOI:10.1136/bmj.323.7311.480
10. Gonçalves F.G. [et al] Construct validity and reliability of Olweus Bully/Victim Questionnaire – Brazilian version [Elektronic resours]. *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 2016, no. 1(29), pp. 20–28. DOI:10.1186/s41155-016-0019-7
11. Jesús R-H.A., Alcívar P.A., Herrera L.M. Traditional Bullying and Discriminatory Bullying Around Special Educational Needs: Psychometric Properties of Two Instruments to Measure. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, no. 16(142), pp. 1–14. DOI:10.3390/ijerph16010142
12. Kubiszewski V. [et al]. Évaluation du bullying scolaire (harcèlement scolaire) chez les adolescents français: validité de l'adaptation française du questionnaire Agresseur/Victime révisé d'Olweus (1996). *Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique*, 2014, no. 4(172), pp. 261–267.

13. Lee T., Cornell D. Concurrent Validity of the Olweus Bully/Victim Questionnaire. *Journal of School Violence*, 2009, no. 1(9), pp. 56–73.
14. Vessey J.A. [et al] Measuring the youth bullying experience: a systematic review of the psychometric properties of available instruments. *Sch Health*, 2014, no. 84(12), pp. 819–843. DOI:10.1111/josh.12210
15. OECD. PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. OECD Publishing, 2019. 366 p. DOI:10.1787/acd78851-en
16. Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1993. 152 p.
17. Rigby K., Slee P. Suicidal ideation among adolescent school children, involvement in bully-victim problems, and perceived social support. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 1999, no. 29(2), pp. 119–130.
18. Rosseel Y. Lavaan: an R package for structural equation modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012, no. 48(2), pp. 1–36. DOI:10.18637/jss.v048.i02
19. Salmivalli C. Participant Roles in Bullying: How Can Peer Bystanders Be Utilized in Interventions? *Theory into practice*, 2014, no. 53(4), pp. 286–292. DOI:10.1080/00405841.2014.947222
20. Satorra A., Bentler P.M. A scaled difference chi-square test statistic for moment structure analysis. *Psychometrik*, 2001, no. 66(4), pp. 507–514. DOI:10.1007/BF02296192
21. Strout T.D. [et al] The Child Adolescent Bullying Scale (CABS): Psychometric evaluation of a new measure. *Research in Nursing & Health*, 2018, no. 1(13), pp. 1–13. DOI:10.1002/nur.21871
22. UNESCO. *Behind the numbers: Ending school violence and bullying*. UNESCO Publishing, 2019. 70 p.
23. Yang A., Salmivalli C. Different forms of bullying and victimization: Bully-victims versus bullies and victims. *European Journal of Developmental Psychology*, 2013, no. 10(6), pp. 723–738. DOI:10.1080/17405629.2013.793596
24. Young K.A. Exploring the Psychometric Properties of Two Primary Domains in the Revised Olweus Bully/Victim Questionnaire (R-OBVQ) among Primary School Learners in South Africa. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2020, no. 42, pp. 539–545. DOI:10.1007/s10862-020-09787-7

Информация об авторах

Бушина Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Муминова Азхария Мухамедовна, студентка магистратуры, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Bushina, PhD in Psychology, Senior research fellow, Center for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9560-9609>, e-mail: evbushina@hse.ru

Azhariya M. Muminova, Master student, intern-researcher, Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1973-9414>, e-mail: amuminova@hse.ru

Получена 12.09.2020

Принята в печать 08.04.2021

Received 12.09.2020

Accepted 08.04.2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: многokrратно отраженная субъектность

Кочетков Н.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Представлен отчет о состоявшейся 12–13 мая 2021 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». Освещены ее основные доклады и события, отмечена важность конференции как мероприятия, связывающего профессионалов в области социальной психологии.

Ключевые слова: конференция, социальная психология, этнопсихология, организационная психология, дорожный трафик, психология образования, психологический тренинг, киберпсихология, психологическое консультирование.

Для цитаты: Кочетков Н.В. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: многократно отраженная субъектность // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 217–221. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2021120213>

Conference in Memory of M.Yu. Kondratyev: Subjectivity Reflected Many Times

Nikita V. Kochetkov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

The article presents a report on the VI International Scientific and Practical Conference in memory of M.Yu. Kondratyev “Social Psychology: Questions of theory and practice” held on May 12–13, 2021 at the Moscow State Psychological and Pedagogical University. Its main reports and events are highlighted, and the importance of the conference as an event that connects professionals in the field of social psychology is noted.

Keywords: conference, social psychology, ethnop psychology, organizational psychology, road traffic, educational psychology, psychological training, cyberpsychology, psychological counseling.

For citation: Kochetkov N.V. Conference in Memory of M.Yu. Kondratyev: Subjectivity Reflected Many Times. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 217–221. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120213> (In Russ.).

Введение

В рамках психологической школы А.В. Петровского, на базе которой работает факультет социальной психологии МГППУ [1], было сформулировано понятие отраженной субъектности, которое можно определить как бытие кого-либо в другом [3]. Принимая во внимание, что такое «инобытие» определяет личностность того или иного человека, можно было бы сказать, что основатель факультета М.Ю. Кондратьев обладает ей в высшей степени, — его идеи прорастают во многих людях, что хорошо иллюстрирует проведенная 12-13 мая 2021 года VI Международная научно-практическая конференция «Социальная психология: вопросы теории и практики», посвященная памяти Михаила Юрьевича. В ней приняли участие несколько сотен человек, сборник материалов конференции насчитывает 236 публикаций 300 авторов из одиннадцати стран: Беларуси, Великобритании, Израиля, Казахстана, Кувейта, Латвии, Молдовы, России, США, Франции, Эстонии. При этом надо заметить, что география участников конференции и их количество расширяются год от года [2]. Председателем программного комитета конференции выступила заведующая кафедрой социальной психологии развития факультета социальной психологии МГППУ профессор Н.Н. Толстых.

Конференцию по традиции открывала декан факультета Т.Ю. Маринова, которая анонсировала ее программу, состоящую из докладов по различным направлениям: актуальные проблемы современной социальной психологии, современные технологии в психологии и образовании, социальная психология дорожного трафика, психологический тренинг и консультирование в социальной

сфере, практическая этнопсихология, киберпсихология и общество, современное состояние и тенденции развития организационной психологии.

Один из наиболее общих докладов на пленарном заседании представили ученые кафедры социальной психологии МГУ — профессор Е.П. Белинская и доцент Е.М. Дубовская (Москва), которые говорили о маргинальности социальной психологии и о том, что одним из путей ее конструктивного преодоления является научное творчество М.Ю. Кондратьева. Кроме этого, были освещены проблемы динамики изменений ценностных ориентаций современного российского подростка (доклад профессора В.С. Собкина, Москва), социальной психологии близких отношений (доклад профессора Т.Л. Крюковой, Кострома). Интерес вызвали доклады доктора Р. Израйловица (R. Isralowitz, Беэр-Шева, Израиль) про межкультурные аспекты употребления психоактивных веществ и Я. Авраам (Y. Avraham, Беэр-Шева, Израиль) про развитие социальных навыков и эмоций у отверженных детей.

Первый день конференции продолжали доклады по направлениям, которые открылись выступлениями по теме социальной психологии дорожного трафика (руководитель секции — доцент Т.В. Кочетова). На ней были представлены работа профессора НИУ ВШЭ Е.В. Сауткиной (Москва) «Психология устойчивого города. Транспортный вопрос», в которой освещалась важность использования «зеленого» транспорта, и работа доктора Дж. Мейнхард (G. Meinhard, Тарту, Эстония) об эффективности психологических технологий при работе с водителями разных групп.

На секции «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере» (руководитель — профессор

Н.Н. Толстых) представили пилотный проект коллеги из Техасского университета (Колледж-Стейшен, США) магистр Л. Котар (L. Kotar), доктор Б. Зоги (B. Zoghi), Б. Хук (B. Hook) и доктор М. Нортон (M. Norton), которые изучали то, как цикл специально организованных занятий в условиях пандемии и карантина улучшает баланс между включенностью в работу и личной жизнью. Важный вопрос о том, как избежать отчуждения, внедрив поддерживающую помощь в культуру межличностного общения, подняли магистр А.С. Селезнева и профессор Т.П. Гаврилова (Москва).

Закрывали первую половину конференции выступления секции «Актуальные проблемы современной социальной психологии» (руководитель — профессор М.Е. Сачкова). На ней выступили психологи из Франции доктор П. Пеллетье (P. Pelletier, Париж, Франция), С. Маклафлин (S. McLaughlin, Лимож, Франция), К. Дютей-Мугель (C. Duteil-Mougel, Лимож, Франция), доктор М. Босфлаг (M. Voespflug, Пуатье, Франция), доктор К. Лефорт (C. Lefort, Лимож, Франция) показавшие, что в условиях неопределенности в период пандемии люди ждут позитивных изменений в своей жизни после ее окончания. Тему, связанную с COVID-19, а именно типологию отношений с вирусом, освещал и профессор С.Д. Поляков (Ульяновск). Работу в русле классической отечественной социальной психологии провели аспирант С.В. Тарасов и старший научный сотрудник Т.В. Дробышева (Москва), которые обнаружили, что если в закрытых группах привлекательность и референтность группы для ее членов определяют фактор власти, то в полузакрытой — потребность в принадлежности к ней.

Второй день конференции начался с докладов секции «Современные тех-

нологии в психологии и образовании» (руководитель — доцент О.Б. Крушельницкая). Наибольший интерес вызвало сообщение доцента кафедры психологии развития личности Московского государственного областного университета А.В. Криницыной (Москва). Автор выявил наиболее эффективные методы коррекционной работы учителя по преодолению асоциального поведения школьников. Ими являются: классные часы с элементами социально-психологического тренинга, социально-педагогическое перевоспитание, методы коррекции подростковой асоциальности, методы педагогической коррекции в деятельности, переориентация направленности группового общения подростков, прививание методов самовоспитания.

На секции «Практическая этнопсихология» (руководитель — доцент О.Е. Хухлаев) особое внимание привлек доклад ведущего научного сотрудника Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ З.Х. Лепшковой (Москва), которая показала, что в основе аккультурации и адаптации русских в Эстонии лежит реальный мультикультурализм, то есть восприятие реального социокультурного контекста Эстонии, а не абстрактные установки в отношении мультикультурной идеологии. Актуальный доклад сделали коллеги из ИП РАН аспирант О.Е. Алексанова и заместитель директора по науке А.В. Махнач (Москва), в котором прозвучала мысль о том, что жизнеспособность эмигрантов в значительной степени определяется их успехами в адаптации к профессии, отношением к труду и карьерными перспективами. А.В. Сысоева, аспирант ГУО «Академия последипломного образования» (Минск, Беларусь) в результате проведенного исследования заключила, что для туркменских и белорусских студентов приоритетной жизненной ценно-

стью являются достижения, а для российских и белорусских — самостоятельность.

В ходе работы направления «Киберпсихология и общество» (руководители — доценты Н.В. Кочетков и Т.Ю. Маринова) прозвучал доклад профессора А.А. Нестеровой и магистранта МГОУ А.А. Заигралиной (Москва), посвященный объяснительным моделям фаббинга — проявления пренебрежения к партнеру по общению, выражающемуся в предпочтении взаимодействия с собственным смартфоном. Авторами отмечается, что фаббинг приводит к снижению собственной значимости человека, который подвергается этому явлению.

Большое количество докладов звучало на секции «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии», возглавляемой доцентом А.В. Погодиной. В одном из них констатировалось, что соответствие «культурных кодов» организации и ее лидера снижает уровень психологической нагрузки на лидера и его сотрудников, тогда как рассогласованность, наоборот, повышает (профессор Л.Н. Аксеновская, Саратов). Интерес аудитории вызвало выступление доцента В.А. Чикер и профессора О.И. Даниленко (Санкт-Петербург), в котором демонстрировалось, что преподаватели связывают основные функции этикета с реально наблюдаемой организационной культурой, а студенты — также и с предпочитаемой организационной культурой.

В рамках направления «Современные технологии в психологии и образовании» (руководитель — доцент О.Б. Крушельницкая) рассматривались темы прокрастинации учеников, агрессивного поведения в ситуации изоляции, волонтерской деятельности и ценностных ориентаций студентов. Участников конференции привлекло сообщение старшего преподавателя А.М. Лесина (Рязань), в

котором было выявлено, что студенты связывают ценность общественного признания с возможностью вести роскошный образ жизни, быть узнаваемыми, однако излишняя творческая активность и человеколюбие могут быть помехами реализации такой ценности. Кроме этого, современные студенты соотносят ценность общественного признания с успешным обликом уважаемого управленца, не обремененного брачными узами, который не склонен к творческому проявлению себя и своей свободы, однако имеющего высокие притязания.

На конференции состоялся круглый стол «Закрытость институциональная и психологическая» (ведущая — профессор Н.Н. Толстых), на котором были рассмотрены вопросы опасности психологической закрытости, ее особенностей в условиях пандемии, влияния на психическое здоровье и развитие личности.

Закрывали конференцию мастер-классы, которые провели студенты МГППУ: А. Иванова «Как «приручить» коммуникативного агрессора», Ф. Боттаева «Как понять эмоции и управлять ими» и К. Канафина «Властелин эмоций».

Очередная конференция памяти М.Ю. Кондратьева показала актуальность социально-психологических знаний и эвристичность методологии научной школы Петровского-Кондратьева. Приятно наблюдать ее превращение из студенческой конференции в международную, в которой участвуют как известные ученые-теоретики, опытные практики, так и только начинающие свой путь в науке специалисты. Сборник материалов конференции «Социальная психология: вопросы теории и практики» [4] опубликован на портале психологических изданий Psyjournals.ru, свободный доступ к нему по ссылке: https://psyjournals.ru/socpsy_qtp_2021/index.shtml

Литература

1. Кондратьев М.Ю. О научной психологической школе А.В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 3. С. 14–31.
2. Крушельницкая О.Б. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: психологическая наука и практика о социальных изменениях и новых вызовах современности // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 209–213. DOI:10.17759/sps.2020110214
3. Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17–31.
4. Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (г. Москва, 12–13 мая 2021 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 637 с. URL: https://psyjournals.ru/socpsy_qtp_2021/index.shtml (дата обращения: 22.05.2021).

References

1. Kondrat'ev M.Yu. O nauchnoi psikhologicheskoi shkole A.V. Petrovskogo v Moskovskom gorodskom psikhologo-pedagogicheskom universitete [On the scientific psychological school of A.V. Petrovsky at the Moscow City Psychological and Pedagogical University]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2011. Vol. 2, no. 3, pp. 14–31. (In Russ.).
2. Krushel'nitskaya O.B. Konferentsiya pamyati M.Yu. Kondrat'eva: psikhologicheskaya nauka i praktika o sotsial'nykh izmeneniyakh i novykh vyzovakh sovremennosti [Conference in memory M.Yu. Kondratyev: psychological science and practice on social changes and new challenges of our time]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 209–213. DOI:10.17759/sps.2020110214 (In Russ.).
3. Petrovskii V.A. Printsip otrazhennoi sub"ektnosti v psikhologicheskom issledovanii lichnosti [The principle of reflected subjectivity in the psychological study of personality]. *Voprosy psikhologii = Psychology issues*, 1985, no. 4, pp. 17–31. (In Russ.).
4. Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Elektronnyi resurs] [Social psychology: questions of theory and practice]. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'eva «Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki» (g. Moskva, 12–13 maya 2021 g.) [Proceedings of the Sixth International Scientific and Practical Conference “Social psychology: questions of theory and practice”]. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2021. 637 p. URL: https://psyjournals.ru/socpsy_qtp_2021/index.shtml (Accessed 22.05.2021). (In Russ.).

Информация об авторах

Кочетков Никита Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Information about the authors

Nikita V. Kochetkov, PhD in Psychology, Associate Professor in the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Получена 24.05.2021

Принята в печать 26.05.2021

Received 24.05.2021

Accepted 26.05.2021



АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Буторина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru



MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *А.А. Буторина*

Maker-up *М.А. Баскакова*